

Учиться нужно не писать, а видеть!

А. Экзюпери

Трафопан № 4(36)-2018

Альманах для любителей словесности

Издаётся с 2010 года

Редактор-составитель — Николай Година

СТИХИ

Алла Федосееенкова А лучшее всё — впереди.....	5
Владимир Егоркин Бежим на «красный»	11
Илья Весенин Осени туманный лепет	11
Людмила Карнаухова Мановением волшебного пера	12
Михаил Авдейчик Но услышу в груди моей голос	14
Вячеслав Тюнькин Люди жить должны.....	21
Александр Фунштейн Это всё Россия	22
Ирина Осмачко Завтра на краю дневного зноя.....	23
Марина Ситникова Туманы седые над Вяткой плывут	24
Феликс Андреев В стране прозрачно-голубых долин.....	25
Пахом Шевченко Я побрёл тропой заросшей	28
Александр Кукушкин Новые стихи	29
Татьяна Ческидова Я старую папку достану.....	44
Владимир Яковлев Небо-осень с глазами, полными дня.....	46
Любовь Тельминова Так пройти до конца	47
Наталья Дубровина Ах ты, зять, ты наш зять.....	48
Виктор Калугин За гранью этой и другой	49
Светлана Богомоллова Случилось чудо — и себе не верим	50
Марина Овчинникова Вина не искуплена, но всё равно	51
Нэлли Кизилова Я хочу, могу и буду.....	55

Валентина Китаева	Письмом порадовать кого-то	57
Светлана Калашникова	А мы бредём по тротуарам.....	57
Татьяна Николаева	Мне хотелось один только миг	58
Галина Афимова	Трудна дорога для успеха	59
Евгений Хамович	Жизнь как сказка	60
Александр Нелюбин	Неземная любовь.....	62
Людмила Куковенкова	Эх, баня, баня.....	63
Валерий Дивянин	За недвусмысленный намёк	63
Анатолий Омельчук	Как же рад я вам, ребята!	67
Галина Савельева	Жизнь сложна, но всё ж прекрасна	69
Наталья Ушакова	Я в ладу сама с собой.....	70
Юрий Норкин	Слышу зов отцов	73
Елена Черданцева	Страна моя и мой рассвет	74
Петр Овинов	Хороши до слёз!.....	75
Антонида Лазутина	Величье красоты	78
Лидия Хохлова	Вдаль за счастьем манили	79
Маргарита Кононенко	В озёрах купается небо.....	80
Тамара Барейшина	Мы жили в ласке и тепле.....	81
Лидия Осминина	Прощальный месяц осени	82
Андрей Смолюк	Мы шли вперёд	86
Светлана Генералова	Значит, скоро зима	87
Кристина Дерняева	Как мало женщине надо	88
Людмила Владимирова	Исполняя желанье.....	91
Галина Коханая	Есть сила, правящая нами.....	92
Александр Ларионов	Верить и жить	92

Проза. Драматургия

Каринэ Гаспарян		
	Семь жизней (роман).....	7
Виктор Ружин		
	Фигура.....	16
	Феномен	20
Валерий Мякушко		
	Кругосветная гонка	38
Михаил Рудковский		
	ДТП.....	41

Николай Банных	Сашкино счастье.....	52
Наталья Сумина	Восход над озером.....	54
Галина Козлова	Разборчивый гусак.....	65
Зоя Романова	Сын	66
Василий Ситников	Это ж надо же!	75
Наталья Паршукова	Уголовное дело (повесть)	76
Хакима	История ненаписанной книги	89

Публицистика. Культура

Анатолий Кухтурский	Италмас (удмуртская легенда)	10
Павел Хрипко	Капитанский сын	83
Вячеслав Тюнькин	Семиотика и другие заметки.....	93

Детская комната

Валентина Харько	Сладкоежка	105
Вера Белова	По следам Агнии Барто	105
Серафима Москвина	Великий Караванный путь.....	106

Молодые голоса

Максим Ушаков	Рождаются и мрут герои и плебеи.....	112
----------------------	--------------------------------------	-----

К 100-летию ВЛКСМ

Петр Овинов	Глава сельского района	100
Лев Львов	Столетняя юность моя	104

Край родной

Анатолий Кухтурский	Тайна степных озер.....	108
Рудольф Сырейщиков	Разъезд Липиниха.....	109
Наталья Дубровина	Газетные байки — 1	110
	Газетные байки — 2	110

Опыты

Татьяна Рубцова	А может, бог, услышишь наконец	96
Олег Иванов	Зимняя рябина.....	97
Татьяна Чайкина	По кусочкам душу собираю	98
Анатолий Чигинцев	Как будто и не жили	98

Домашнее задание

Виктор Селиванов	Притча.....	113
Зухра Абдуллина	Книга для меня — это... (эссе).....	114
Наталья Паршукова	Эмоция (эссе)	114

Книгочей

Янис Грантс	Абдуллина З. В. «Дорог стальные параллельки...»	116
	Дубкова Л. А. Золотые знаки	116
	Нестерова Н. В. Край мой застенчивый	117
	Читаю словари как романы. К выходу новой книги стихов Николая Годиной «Здесь и сейчас».....	119

Учеба

Артём Скворцов	Явившиеся в ином обличии (о поэзии в прозе).....	121
Александр Квятковский	Поэтический словарь.....	122

А лучшее всё — впереди

Иные

Юрию Кутумову

В человеческой стае кто ползёт, кто летает,
Но всегда и поныне есть и были **иные**.
В чём-то даже похожи на обычных прохожих:
Неприглядна одёжка, на душе нет застёжек.

У **иных**, что ни птица, то синица в руках.
Счастье часто им снится журавлём в облаках,
В чёт играют и нечет... Но накатит тоска...
И скользнёт рядом «вечность холодком
у виска».

* * *

Дождь гонцом с белой вестью от снега
Хлётко бьётся в железную дверь,
Пенной грудью врезается небо
В городскую кирпичную твердь.

Травы молятся, кланяясь низко,
Умножая желание жить,
Невозможное делают близким,
А возможное рядом лежит.

Сердцем пыльный покой отменяя,
Не довольствуясь жизнью рябой,
Одиночки над миром взлетают
На крыле, обожженном судьбой.

* * *

Прогорклым дымом чадят леса,
Покой и сердце изводят кровью.
Соблазн — граничная полоса
Меж сытой выгодой и любовью.

Поля, засвеченные росой
Под миражами туманов лживых,
Зовут за маятником часов:
От рая — к крайностям...
— Быть бы живу.

* * *

Прошла в ушко иглы времён лихих,
Штук сто собак отрыла в огороде.
Пока клевали в темя петухи,
Из невозможно вздорной чепухи
И вкривь, и вкось кроила жизнь по моде.

Уткнулась лбом в высокий пьедестал
Поэзии, где властвуют другие.
Дразнился шанс — всего один из ста —

Мир изменить.

Но мир другим не стал,
А короли и в мантиях нагие.

Просчёты научилась обнулять.
Упасть — так навзничь, обдирая спину,
К корням полыни, в шорох ковыля,
В колючие осенние поля...
Вселенную к земле чуть-чуть подвинуть.

* * *

Жизнь — судьбы коварное излучье,
Солнцепёк — лишь повод впасть во тьму.
Поздно брать у будущего. Лучше
Я своё у прошлого возьму.

Дни летят, как семечки в прореху
Мешковины. Их не сохранить...
Звук шагов живёт далёким эхом
И крылами бьётся о гранит.

Я из тех, кого земля забудет,
И травой затынет пустоту.
Но напоминанием о чуде
Сквозь неё упрямо прорасту.

* * *

С утра встать на обе ноги,
Пить кофе на древнем диване,
Убрать под глазами круги,
Набрать номера дорогих,
Любимых, без рангов и званий.

Взглянуть на себя с высоты
Высот, до которых так много
Шагов. Там гнездятся мечты,
И лают от счастья коты,
И птицы взлетают с порога.

А лучшее всё — впереди.
Лишь смелость нужна и не боле.
Ты только назад не гляди.
С хандрой хороводы водить
Себе не могу я позволить.

* * *

Немодельные стандарты,
Нестандартные шаги...
Плата сердцем за фальстарты
В звёзды на пиратских картах
И в Бермудские круги...

Вороньё, мешаясь с пылью,
Хриплым ором кроет свет.

Утром звёзды станут былью.
Фантазёрка спрячет крылья,
Избегая счёта лет.

Но угластая шершавость
Переломанной строки
Поднимает, утешает,
Непокорность ей внушает
И прощает дрожь руки.

Эмоции

Всплеск эмоций — не противовес —
Растворитель застоя болотного,
Невезений и счастья замес
Для опары тугого и плотного
Бытия. И...
— О, браво бедлам!
Без тебя наша жизнь — скука скучная.
Не распилишь судьбу пополам.
Оптимизм, милый мой, дело штучное.

Я тебе не подарок с небес.
И с кровати встаю только с левой я.
В голове у меня тёмный лес,
Но и там я живу королевою.
Наш курятник

не шахский гарем,
А хозяйка — домашняя курица.
Майонез — антистрессовый крем.
Помогает.
Но лучше не хмуриться.

Рыжим везёт

К спицам крылышки прикипевшие
Густо смазаны «вольгареном».
И летят на юг стаи пешие
С небольшим, но заметным креном.

Тяжело ли, легко... — без разницы.
Всё упрямей стучит моторчик.
Невезучим удача блазнится,
А везунчикам рожи корчит.

Ночь с осадком досады выпита,
Все рецепты на жизнь открыжены.
У счастливициков надо выпытать:
Правда ли, что удача рыжая?

* * *

Межсезонные жгут обострения...
И острит — у кого что горит.
От словесно — телесного трения
Провод жизни опасно искрит.

Повылазили шишки артритные
На суставах деревьев в саду.

Несовпавшие пульсом и ритмами
Сердце к сердцу навстречу идут.

Стол заставлен чужими тарелками.
Забегаловок много в пути.
Под ногами шуршит галька мелкая...
Хоть один бы булыжник найти.

Предосеннее

Август под гору, на спад
Катит пёстрой колесницей.
Днём и ночью грушепад,
И луне, и мне не спится.

В гараже велосипед
Замер песней недопетой.
Дома комплексный обед:
Мухи на гарнир к котлетам.

Завернулась в скорлупу,
Грусть списала на погоду.
Дуюсь мышью на крупу:
Надоело дуть на воду.

«Все — на сдачу ГТО!»

Проседает брезентовый тент
Над спортзалом, по стенам потоки...
На здоровье мне выдан патент,
А на финиш там только намёки.

В прошлом веке сдала ГТО.
О рекордах давно не мечтаю.
Поздновато сверкать наготовой.
Только девушка я не простая.

По прогнозам ещё — жить да жить...
Ну какие с прогнозами споры?
Вирази мои не миражи!
Да терпение стёрто до корок.

* * *

До дыр уже, насквозь
Мозг выели сомнения.
Раз в пятой точке гвоздь —
Не панацея пение.

Случайности не в бровь,
Так в глаз бьют. И не скроешься.
А медный таз не кров.
В себе дотошно роешься...

Хоть помнишь: дважды два
Не пять!

Но есть сомнение.
И кругом голова,
Как годы, с ускорением.

Совсем другое дело — вечер. Детям и девушкам невозможно оказаться в парке, когда стемнеет. Опасность, страх и темнота ползут под одеждой и втыкают кинжал между лопаток. Р-р-раз, и никого за спиной. Ребята гуляют серыми стайками, смеются и курят анашу. Мы все слышали страшные истории, как похищали запоздавших девушек и увозили в горы. Набрасывались стаей, парня, если был с девушкой, избивали, а её, бедняжку, растерзанную и поруганную, находили через месяц или два в лохмотьях. Но невозможное возможно.

Поэтому в один из таких вечеров я сидела в приморском парке и... почти умирала от счастья. К автомату с газированной водой я уже шла, почти не касаясь ногами земли. Если налить полстакана, а потом выхватить его из жерла автомата и опять опустить три копейки, получается двойной сироп в одном стакане. Сорок таблеток резерпина были зажаты в руке. Сладкая газировка — вот она, брызгает мне в лицо. Все таблетки съедены, невыносимое чувство свободы поднимает меня над собой, над парком, над всей моей жизнью.

В четырнадцать лет я первый раз решила не жить. Как там будет, когда я умру, не представляла. Но вот жить не было никаких сил. Всё дело в нелюбви — вот вывод, который привёл меня на край тем летом. Мне твердили упрямо и неизменно: ты зря родилась, ты некрасивая, неумная, никому не нужная. К четырнадцати годам были прочитаны собрания сочинений Э. Л. Войнич и Э. Золя, Ги де Мопассана и Д. Дидро, Чарльза Диккенса и В. Гюго. Я любила Овода, как родного, — сколько слёз омыли страницы повествования о нём. Но Э. Л. Войнич никак не объяснила мне, зачем живу я, лопухая и нелюбимая. Ги де Мопассан внушил мне ещё более стойкую неприязнь к себе как к будущей женщине. Слишком хорошо он знал женщин и был гениальным мастером слова. Диккенс и Гюго так много писали о несправедливости этого мира, что я вполне ощущала себя отверженной героиней их романов. Хорошее воображение, и явь, которую я путала с вымыслом, доделали своё дело. В двенадцать я взялась за Ф. М. Достоевского. Я не поняла, кто такая процентщица, но я невзлюбила Родиона Раскольникова. Он надолго поселился в моей голове, моём сердце, в моей жизни. Более, чем до этого Монахиня из романа Д. Дидро, Пышка из Ги де Мопассана или Квазимодо из В. Гюго.

Я застреля в подворотне вместе с ним. Я прятала топор в тысячный раз и дрожала, как осиновый лист, на уроках, в постели, наяву. Я ждала расплаты.

Много ночей подряд я до тонкостей обдумывала убийство той, кто винила меня в факте моего рождения и существования. Весь год я ворочалась напротив неё, прислушивалась к её дыханию и не могла заснуть. Кухонный топорик, которым изредка рубили мясо во дворе на огромном старом пне, я изучила вдоль и поперёк. Насколько сильно я должна замахнуться? А вдруг с одного удара будет не кончено? Как я буду убирать кровь с ковров? Вопросы теснились в голове, стояли как гости в очередь. И детское сознание выворачивалось наизнанку.

Единственное, что мне было ясно как день, что труп найдут, и моя жизнь закончится жестоко и быстро. Родион водил меня за руку, кормил иногда, мёрз и ожесточался сердцем вместе со мной.

Но как-то я выпустила его большую нервную ладонь и спряталась под аркой. Я, наверно, тогда и повзрослела не вовремя. Тяжкое бремя жизни и смерти, а вернее, выбора между ними сделало меня грустной навсегда. Родион решился, а я, я тоже решалась. Только в этом лабиринте засияла мне выходом не чужая, а моя смерть. Уж собой-то я могу распоряжаться — как захочу.

Ещё год ушёл на выбор способа самоубийства. И тут услужливо открытая судьбой страница журнала «Здоровье» дала мне шанс. Статья называлась ««Скорая помощь» успела». Я перечитала десятки раз, как четырёхлетнее дитя наглotalось резерпина, оставленного на столе бабушкой, и едва было спасено медиками.

Найдя в домашней аптечке резерпин, я отсчитала для верности сорок штук. Чтоб уж наверняка и чтоб никто не спас и не усомнился в моих намерениях. Я заглянула в пропасть. Меня обдало ледяным ветром, хотело унести, скинуть, смять и разъять на атомы, но я ещё держалась.

Я сидела на скамейке и ждала. Тьма спустилась и обняла меня чёрным плащом. Уже никто не упрекнёт меня, не обидит, не испепелит взглядом. Прохожие шли мимо, косясь в недоумении. Девять вечера, сейчас стемнеет, и... Я прислушивалась к себе, смотрела во все глаза. Вдруг действительно сейчас перевернётся, как в калейдоскопе, разложится на красивые соты и опять сложится. Или вдруг моё тело рассыпется на золотую пыль. Более всего мне нравился именно этот вариант, без носилок, скорой и ненужных трубок.

И вдруг в нависающей тьме я увидела его. Моего одноклассника, моего соседа по парте Габуня Мираби. Шёл он не торопясь, выходил из парка. Не веря своим глазам, он подошёл к скамейке.

— Привет, — сказал он и начал меня разглядывать со всех сторон. А ведь уже стемнело.

— Привет, — лихо ответила я и улыбнулась.

Своей тайной я не собиралась делиться ни с кем.

— У тебя всё хорошо? — спросил участливо мой оживший ангел, который дубасил меня, сидя на уроках, почём зря.

— Да, замечательно! — ответила я необыкновенно громко.

Он ещё постоял, переминаясь с ноги на ногу, и спросил:

— Домой не собираешься?

Я промолчала. Не хотелось врать в последнюю минуту жизни. И тут он, как бы собрав тьму вокруг меня, мгновенно сам растворился в ней. Я попрощалась с ним мысленно и закрыла глаза. Хотелось запомнить мир не в привычных цветах и звуках, а в запахах. Звёзды, крупные крошки на ладонях неба, и те пахли, остро ипряно. Что уж говорить о море, туях, прогретой за день земле и таких живых и настоящих людях.

Не знаю, сколько я так просидела. Шорох песка под ногами вернул меня в действительность. Вокруг скамейки стояли все мои одноклассники. Человек пятнадцать окружили меня большим кругом, ограничили, оградили, ограничили. Я молчала, они тоже. Вернул меня к жизни один вопрос: как Мираби смог собрать их всех. Жили некоторые совсем не близко, сотовых в ту пору не было.

— Ты ушла из дома? — строго спросил Мираби.

Лица его я уже не могла разглядеть. Но голос, голос был взрослым. Тут меня и осенило, что мой поступок, как здоровенный камень, брошенный в воду, сотворит круги, сначала маленькие, а потом всё больше и больше. Одноклассники мои повзрослеют раньше времени, и я вслед за ними. И вдруг они заговорили все разом, заголосили, запели, заплакали. Вперёд вышла Салехат, наша староста, умница и отличница. Она держала в руках свой смешной портфель, будто он мог сейчас пригодиться.

— Ты пойдёшь ко мне и поживёшь у нас чуть-чуть.

И мы пошли к Салехат. Ребята проводили нас до дома, помахали и пошли обратно.

Салехат жила на улице Улубия Буйнарского, улицы притонов и ресторанов, богачей и нищих, самой колоритной нашей улицы. Когда мы вошли во дворик, вымощенный булыжником, я спросила:

— А что скажет мама?

Салехат обняла меня и ответила:

— Не волнуйся, пойдём в дом.

Оказалось у них два дома во дворе. Валяясь месяц на маленькой тахте, я потихоньку узнала историю этой семьи. Отец умер, через год, не приходя в себя от горя, умерла мать. Осталось четверо братьев и младшенькая — Салехат. Она взяла на себя хозяйство, дом, всю семью. Длинная коса, плотно сжатые губы, смелый открытый взгляд — такой она была, моя спасительница. Когда она подросла, соседи со всего большого двора решили отдать им пустующий пристрой, так как подросшая горянка не должна была появляться на половине братьев без особой нужды. В этот флигелёк она и привела меня той ночью. Я, конечно же, рассказала ей о сорока таблетках резерпина, принятых днём. С той ночи, каждый день она ставила трёхлитровую банку с разведённой марганцовкой и заставляла выпивать её в течение дня. Ни о чём больше не спросила меня одноклассница. Приходя из школы, она стирала, гладила, готовила, потом садилась за уроки. И всё поглядывала на меня изучающим взглядом будущего врача, которым и стала много лет спустя. Я смотрела на мир сквозь фиолетовое стекло и думала, думала, думала. Потихоньку, на ощупь, но я снова решалась жить.

Многого позже я узнала, что моя бабушка пришла в наш класс. Собрались учителя, директор, наша классная. Бабушка, вглядываясь в ребячьи глаза, вопрошала:

— Где моя внучка?

Одноклассники молчали все как один. И тогда директор наклонился над первой партой, где сидела Салехат и произнёс:

— Мы надеемся, что Салехат, как староста, нам всё расскажет. Она встала, перекинула косу на грудь, и твёрдо сказала:

— Я тоже ничего не знаю.

Мне кажется это был первый, а может быть, и последний раз в её жизни, когда она сказала неправду. Эта неправда перекатывалась в ней как камень, когда она ворочалась ночью напротив меня.

По понедельникам и средам весь класс приходил к нам с Салехат. Во флигеле становилось шумно и весело. Через две недели я взбунтовалась, и банка марганцовки была милостиво заменена на стакан, заботливой рукой Салехат. А круги на воде всё расширялись и расширялись. Мальчик, который нравился мне, немного задержался в одну из сред и, когда все вышли, тихо произнёс:

— Ты знай, ты мне тоже нравишься. Очень. — И выскочил вслед за остальными.

Салехат всем рассказала про таблетки.

В один из дней, когда лёгким ознобом подёрнулись утренние лужи, а море налилось серым и чёрным, Салехат робко спросила с утра:

— Пойдём в школу?

Мы пришли, каждая села за свою первую парту, я в третьем ряду, она во втором. Зашла моя бабушка, я подумала: вот и всё. Сейчас обрушится крыша, море выйдет из берегов, всё накроет тьма. Она сказала:

— Здравствуй. — И положила на краешек парты семь копеек.

Столько стоил в школьной столовой язычок. Он был слоёный, вкусно пах и был посыпан сахаром. Я никогда его не пробовала, потому что мне никогда не давали денег. Язычок я так и не купила. Что думали домашние обо всей этой истории, я тоже не узнала. Как и о том, почему не действовали сорок таблеток резерпина. Но у меня есть смутные и лестные для меня догадки. Первая жизнь закончилась, я пошла дальше, сжимая в руке очередной томик У. Теккерея.

(Продолжение следует)

г. Миасс

Анатолий Кухтурский

Италмас

(удмуртская легенда)

Преданье уральского края
Когда-то я слышал давно,
С тех пор всякий раз вспоминаю,
Запало мне в душу оно.

В Закамье, в объятых угорий,
Где в диких лесах не пролезть,
Подобно бездонному морю
Провальное озеро есть.

Вокруг тишина. Ну ещё бы,
Не видят гостей берега.
Здесь мнится: вот-вот из чащобы
Появится баба-яга.

Иль леший, вернувшись с закраин,
Тайком наблюдает в кустах.
Но нет, свой законный хозяин
Имеется в этих местах.

Бытует рассказов немало,
Что в дикой трущобе лесной,
В пучине земного провала
Хоронится бык водяной.

Чернее, чем уголья в печке,
Глазища, как два фонаря,
По шерсти витые колечки
Курчавятся, тускло горя.

Но в бычьем облиции всё же
Главенствуют явно рога.
При виде их всякий прохожий
Ударится сразу в бега.

Громада литых полудужий
Острее любого штыка
Вздывается грозно над тушей
Беззлобного, в общем, быка.

В безлунные тихие ночи
Ему темнота лучший друг.
Затворнику нравилось очень
Бродить невидимкой вокруг.

Тайком выходил из купели,
Встряхнувшись, на миг замирал,
Внимая, как шепчутся ели,
Взирая на звёзды в прогал.

И брёл захолустьем древесным,
Ловя каждый шорох и звук,
И были ему интересны
И дуб, и светящийся жук.

Он втягивал радостно воздух —
Настойку соцветий и трав,
Сшибая нечаянно звёзды,
Рога в поднебесье задрав.

И люди, что в округе жили,
В рассветный предутренний час
Средь звёздной пыльцы находили
Волшебный цветок италмас.

Холодную росой омытый
В траве шелковистой густой,
Как будто умельцем отлитый,
Похожий на шар золотой.

И этот подарок небесный
Сегодня среди прочих цветков
Любимый и самый известный
На древней земле вотяков.

Но этого водный отшельник
Не ведал, творя красоту,
Он брёл, продираясь сквозь ельник,
Не зная куда, в темноту.

с. Чудиново

Бежим на «красный»

А жизнь порой
настолько хороша...

Жизнь вновь штормит, а наша бригантина
По яростным волнам летит вперёд.
Что в круговерти жизненной нас ждёт?
Куда несёт бегущих дней лавина?

В какой крутой рисковый поворот?
Ветра времён срывают паруса,
Как мачты на ветру гудят устало,
И вздыбились года девятым валом

Под грозовые в тучах небеса.
А мы спешим, след оставляя пенный,
От дней, прожитых нами в суете,
За синей птицей, к розовой мечте,

По бездорожью путь свой ищем верный.
И не страшат ни шторм нас и ни грозы,
Пусть порван парус, но жива душа,
А жизнь порой настолько хороша,
Что сладкими бывают даже слёзы!

Нас лечат болью...

Нас лечат болью и ещё чем-то,
Корабль наш креном, мы спорим с ветром,
И пусть усталость сдавила сердце
На грани срыва. Куда нам деться?

Бежим на «красный», порой рискуя,
А фея ночь нам рассвет рисует,
И ранним утром откроешь шторы —
Горят зелёным все светофоры.

Закружила времени метель.

Закружила времени метель,
Торопливо годы заметая,
А в душе ещё звучит свирель
Моего семнадцатого мая!
И пускай я стал совсем седой,
Лишь бы память берегла, хранила
Запах майских вечеров хмельной,
Когда я — любил! И ты — любила!

с. Октябрьское

Илья Весенн

Осени туманный лепет

Трепет

Обручем сковало тело,
опоясав дрожью грудь.
Мигом лето пролетело,
ты его теперь забудь.
В мокрое смотрю окно —
серых листьев плащаница...
Им, как нам, дано одно:
припасть к земле, забыться.
Осени туманный лепет,
струй тоскливый перезвон.
Души душат лень и трепет,
ведь души наши не бетон!
Птицей лето улетает,
и пустеет карусель.
От безделья время тает,
в голове густой кисель.
Не стони, природа, грустно,
впереди нас ждёт Весна.
Скажу письменно и устно:
она прельщает, как блесна.

Sorry

Осень дышит в лицо,
рождая зло и скуку.
Я ступаю на крыльцо,
протяни мне руку!
Дай немного воли,
искорка ты жаркая.
Не терзай до боли,
ты ж не кукла жалкая.
Давай закончим ссору,
я встану на колено.
И прошепчу: «I am sorry!» —
так мы сотрём измену.
Забудь, что накануне
и что бывало раньше.
Не распуская нюни,
будем жить без фальши.
Взорвётся пусть весна
и в голове, и в теле.
Очнёмся ото сна
под шепоток метели.
Не надо больше грусти,
я лаской сердце трону.
Печали все отпустим —
взлетим подобно дрону!

В забое

Жизнь полна страстей:
тяжко жить, тревожно.
Очень много скоростей
на путях нехоженых.
Ощущение такое,
будто кружимся в юле.
Или, как шахтёр в забое,
зарываемся в угле.
Сверху заводские трубы
рожают чёрные дымы.
Облаков пушистых губы
всасывают пыль, шумы.
Жизнь внутри промзоны
без гарантий и канонов.
Вымираем как бизоны,
на земле, где нет газонов.
Суждено нам уродиться
и досрочно умереть
в городе, где даже птицы
разучились громко петь.

Живём пока жуём

Истерзана планета наша:
людишки ей мешают жить!
Как котелок с бурлящей кашей,
она несётся во всю прыть.
Подобно диким короодам,
грызём все поросли Земли,
присосавшись к её недрам
сильнее всяческой змеи!
Опутали её газопроводами,
в бока вонзили жало буровых,
Покрыли свалками, заводами —
мы хуже демонов любых.
Своих амбиций не скрываем,
пусть злобствуют везде враги.
В ответ мы силу выставляем,
в морях чужих отмоем сапоги.
А что Земля — наша планета,
осталось сколько ей терпеть?
В нас жалости, увы, к ней нету —
старушка, нечего скрипеть!

г. Миасс

Людмила Карнаухова

Мановением волшебного пера

* * *

Этот подиум осеннего леса
Ни стихами описать, ни прозой,
и страданья стараний про «мессу»
чепуховы, как бумажная роза.
И бесцветны все восторги да ахи,
упование на «бабье лето»
неуместны, как торги на плахе
в упаковочке с розовой лентой...
...А печаль — светла, рой обид — не влёт,
свергнет рюмочка меланхолию,
и на подиум так легко вспорхнет
новой осени своеволие.

* * *

Ты не смотришь в это зеркало, Люда,
И не смотришь ни в какое другое —
Ты там себя не узнаешь, а люди
С намеками ринут про нечто дурное.
Ты посмотри лучше в озеро, детка,
А хочешь, глядись в любое другое —
Какая-то всё же лазурная метка
Напомнит тебе песнопенье благое,
И некто разбудит тебя ранним утром,
А может, проснёшься сама поздней ночью —
Жизни величие так целомудро,
Соприкоснёшься с чудом воочью.

* * *

Мама внучиков моих — солнца лучик
Ты во всём умеешь быть — самой лучшей.
Зрелый ум и ясность суждений,
Ты для нас во все дни — добрый гений!
Милый смех, острый взгляд, чистота,
Ты и дама, и девчонка — еще та!
В день особый для тебя и всегда
Огонёк твой греет нас — все года,
Ты стремишься, ты летишь — к совершенству.
Пусть хранит тебя святое блаженство.
Безмятежности в семье, в жизни личной
И здоровья на 100 лет — на отлично!

* * *

Вот я, вернейшая слуга,
с простой сермяжной кровью,
жизнь прочитала по слогам,
зато не дрогнув бровью,
но морща изумлённо лоб,
наперекор неверам
я утверждаю: тот мне люб,
что миром сим потерян.
Как жить? А надо дальше жить
в твоём любимом сыне,
шагая к истине — от лжи,
от идолов — к Святыне.
Последний снег давно растаял,
сегодня первый дождь прошёл.
«Как хорошо, что мы расстались, —

твержу себе, — как хорошо». Опять мне жить легко и просто и песни лёгкие слагать, иикто другой уже не спросит, смогу ли в чем-то я солгать. Откуда ж этой боли щепоть На рану раннюю мою: то тихий крик, то громкий шёпот, Кому? — никчёмное «люблю».

* * *

Рассветом, жёлтым и тягучим, Разлуки рану забинтуй; На кромочке полярной ночи Сыграй в последний сабантуй. Не думаю, что утро это — Начало темноты сплошной; На многие благие лета Грядут рассветы надо мной. ...Качались ситцевые шторы — От печки шла волна тепла. Дай вспомнить: я молилась, что ли? Иль в ступе воду я толкла? Иль птицею над бранным полем Кого душа моя звала?.. ...В крапиву за сарай упали Два (кем подрезанных?) крыла, Дождём их небо окропило, Паук над ними сети ткёт, А мама под вечер крапиву Сорвет — и крылышки найдёт. Поднимет, вычистит и тихо Вернёт мне их, пока я сплю — Большая раненая птаха В скворечнике с прозванием «сплин»...

Центру реабилитации Ленинского района

Я сегодня спохватилась поздно ночью, что настала расставания пора: социальная богиня ставит точку мановением волшебного пера. Ну и как же я теперь без песен чуждых, без чуждых частушек, игрищ и затей и без вас без всех: восторженных и чутких, в радости похожих на больших детей, этой жизнью мудрой столько раз учёных, что судьбе-индейке нас не одолеть — вечно удивлённых, вечно увлечённых, с прицелом добрым в будущее еще на много лет! (А кормили нас так вкусно — это важно, и сотрудник — каждый — вежлив был и мил.

Будь храним же, домик двухэтажный, всеми ангелами, службами, людьми.)

* * *

...снова раскрою модный журнал и раскрою дорогой матерьял (меня не кусали ни пчелы, ни овод, но будет «Бажовка» — это же повод!) Там сестры и братья, сосёнки, берёзки, все в клевых прикидах, а зори — в бороздках заморских оттенков! А мы не ацтеки из пыльных архивов библиотеки. Мы южноуральцы! Веером пальцы вы нам не кажите... Взгляните на пальцы годов и событий: какие полотна

мы вышивали,

фелони кроили, в любви выживали... Но был мне ниспослан старинный журнал и действо «Бажовки» — для душ матерьял. Праздник мгновений, лови их. Но верь ещё: особо достойных украсит и вретитще.

* * *

Власть — зависимость — независимость, Независимость — деньги — власть... Ну с каких небес, милый витязь мой, Вдруг такая взялась напасть?

Основательность, неуступчивость, Заблуждения, пустота. Ну с чего же вдруг (друг! — не субчик — гость)

Началась вокруг суета?

Враг-завистник твой просто страх пустой, А сомнения лишь недуг, И с победою над самим собой Разомкнёшь круговерти круг.

* * *

Всё пошло на пошлину Снегопаду прошлому, Непогоде пошлой, Жизни барамошной. Солнце отошало, Но средь туч застряло... А по весям-волостям «Эхо Москвы» с новостью: — Вот и внучка Черчилля Бабушкою стала. А на стене начерчено: «Как же всё достало!»

г. Челябинск

Михаил Авдейчик

Но услышу в груди моей голос

Песня

Я иду по белу свету,
И со мной кручины нету,
Дарит радость песня о любви.
Распевают песни всюду,
Соловьи поют и люди,
Вокалисты яркие мои.

А без песни, а без песни
Жизнь была б неинтересной,
Потому я так ее люблю,
И летит она что лебедь,
Поднимается до неба,
Я ее мелодию ловлю.

А без песни, а без песни
Жизнь моя была бы пресной,
Без нее мне тягостны б лета...
Потеряюсь в светлой роще,
Распрямлюсь на полный рост я,
Лепестки с черемухи летят.

Песня сердце сразу тронет,
Сил моих прибавит втрое
И открытый загорится взгляд.
Ой, моя подруга песня,
Круг людей с тобою тесен,
Ты настроишь на прекрасный лад!

А без песни, а без песни
Мрак сплошной мне обеспечен
Без нее никак не смею врозь.
К ней спешу и к ней бегу я,
Встречу с ней ловлю благую,
Что б со мною ныне ни стряслось.

Голос

От разлуки ознобом до боли
Незадача явилась одна,
Ветер странствий далекого поля
У тебя меня хочет отнять.

Окажусь я без помощи горла
До полета на небо совсем,
Но услышу в груди моей голос,
Голос твой в невозможной красе.

Отложился полет в неизвестность,
Мои ангелы чутко трубят.
И в конце лебединою песней
Я боюсь не услышать тебя.

Жара

Небо сильно кочегарит,
Небо, видимо, в ударе,
Новый отопительный сезон.
Среди дыма тучек блики,
Истопник весьма великий,
В этом заключается резон.

Поддается в топке жару,
Любят все тепло недаром,
У меня рососо пот со лба,
На лице играет радость,
Пусть термометр выдаст градус,
Зря ли появляется соблазн.

Пламени я неба рада,
Лучшего мне и не надо.
Мне рожать давно уже пора...
Не кричите, скоро роды,
Разрешаюсь песней вроде!
Ой, стоит жара, жара, жара!

Глаза

...И глаза твои в плен меня взяли,
Соловьиный концерт ярко в зале
Белом рощи березовой шел,
Колдовал твоей кофточкой шелк.

Утопаю в очей твоих небо,
Никакой нет опоры, чтоб крепко
На плаву удержаться хоть чуть,
И себя побороть я хочу.

Обжигают уста звуки жаром,
Я руками вокруг себя шарю,
Только ты не услышишь меня,
Колокольчики слов зря звенят.

Утону — глаз твоих глубь виною,
Так возможно цветущей весною...
В синеве глаз твоих утону
И останусь в тебе потому!

Чернигов

Подруга верная, черкни-ка
Про партизанский край лесной,
Про древний молодой Чернигов
И зори маком над Десной.

Пирог луны, вновь испеченный,
Порезать всем бы по куску.

Мне люб родной ландшафт зеленый,
Мне надо в Лондон и в Москву.

Страну зачем-то разделили,
Грущу по нашим городам,
Мне каждое лицо их мило,
Я никогда их не предаю.

Ах, мой воробушек, чирикай
И прославляй полесский край,
Прекрасный мой, родной Чернигов,
Земной неповторимый рай.

Поэзия

*Служенье муз не терпит суеты,
Прекрасное должно быть величаво...*

Пройдет любовь, умрут желанья...
А. С. Пушкин

Не зря мои старания, нет худа без добра..
М. Авдейчик

...Заводит дилетанта до предела
Поэзия и дружбы, и любви,
Руками воздух он кромсает дельно,
Превознося амбиции свои.

Подобные в разгул большого блуда
Не каждому по вкусу словеса,
Из множественных выбирайте блюдо,
Состряпать кашу легче из овса.

Вникая в содержимое кастрюли,
Держитесь, как диктует аппетит,
Поэзия отвергнет зла гастроли
Вид жалкий неприятель обретет.

Едая кашу, по-лошажьби ржите,
Стучите в такт высоким каблукам,
Стихи не троньте, поедом не жрите,
Они рванут — взлетите к облакам.

Поэзия — прекрасного источник,
Строка и буква каждая ее...
Не вздумайте с ней поступать жестоко —
Она взорвется громом и огнем.

.....
И места не останется порывам
Невежде, кто слова любви гнобит,
Гонителя стихи ударят взрывом
И в клочья разорвет строк динамит.

Я ищущу

Ты, цветок земной, не захотела,
Чтобы я по жизни за тобой.
Пело скрипкой молодое тело,
Откликался и во мне гобой.

Через край бьет чувств моих избыток,
В общем-то, дилемма не нова.
Сердце мое вдребезги разбито
И потерянная голова.

Ах, родная, мать честная, силы
Объяснения нет мне до сих пор,
Где тебя и как тебя носило,
Но теперь иной уж разговор.

Слезы рос на травах, утро плачет,
Не по мне ли иль моей любви?!
Предо мной твое мелькает платье,
Я ищущу потерю головы.

Неразделенная любовь

Много минут улетело,
Дней безвозвратно и лет.
Мчатся они оголтело,
Следа прошедшего нет.

Мы ожиданием жили
Чуда, идущего к нам.
И напрягала я жилы,
Но результат по нулям.

Смелость моя шла на минус,
Ныне печальный удел.
Храбро ва-банк я не кинусь
И остаюсь не у дел.

Как-то неожиданно, мгновенно
Нами утрачена связь.
Стоило лишь мановенья —
Нить ее оборвалась.

Добрый упущенный случай,
Воспоминаньем живи,
Язва всегда будет мучить
Неразделенной любви.

Шли бы мы в ногу со славой,
Живы в поступках, в делах...
Если бы молодость знала,
Если бы старость могла.

Мой ангел

Мне червонное природа
Сыплет золото листвы.
Настроения погоду
Регулируешь лишь ты.

Ты, мой ангел, светишь ярко,
И становится светло,
И от взгляда очень жарко,
Так во мне все не цвело.

Прикрепишь листок червонный
Ты к своей груди как брошь,
Я тобою очарован,
Говорю: «Меня не брось!...»

Не бросай меня предметом
Ни теперь и никогда.
А сгложу тебе при этом,
Точно воздух и вода!

Вале Сурме

Девичий поцелуй

Пальчики сердечками,
Воздушный поцелуй.
Девочки как свечечки,
Свет яркий по челу.

Через расстояния,
Не ведая границ,
Вижу на экране я
Весну девичьих лиц.

Всё бы невозможное
Возможностью отдать,
Чтоб простота из сложного
Явилась навсегда.

Отдамся я отчаянью
В потоке жарких струй
За звонкий отпечатанный
Девичий поцелуй.

Из далёка дальнего
Внезапно получу
Сжигающий, желанный
Случайный поцелуй.

г. Бакал

Виктор Ружин

Фигура

В электричке ехал заросший человек с затасканной черной брезентовой сумкой. Наливал из грелки в алюминиевую кружку самогонку, закусывал краюхой хлеба, луком да килькой и громко разговаривал сам с собой.

— Вот где счас горбуша, ктта, омуль байкальский? Во! Сейчас рыба какая, — потряхивал он хвостом кильки.

— Куда все делось, да и все втридорога, ну куда к черту. Зайдешь впельменную, возьмешь порцию пельменей — 70 копеек. Московские пельмени, да они что, растут, там что ли. Весь Союз на Москву работает. А вот в деревне в столовой на 30 копеек наешься, да еще и останется, мать ее нехай. Все небо ракетами издырявили. Энкологию нахратили, всю природу верхтормашкой поставили. Да какая тут рыба заведется. Она че, дура. Все этим, ну как его, ихним атомом попортили. А все это пупки в три господа мать переворошили. Знаю я этих коммунистов, они хитрые. Вот возьми во время войны: по разнарядке вот с этой, допустим, деревни сорок человек нужно взять — взяли, а господа эти — в стороне. Мой дед попал в это число и сгинул, а эти прохиндеи пригрелись, сладко едят, с бабами спят вдоволь на выбор, с какой хошь, да и посмеиваются, а мужики-то головы свои клали. Ты вот скажи, где же она справедливость. Да, случись счас война! Да я что, за Родину пойду? Да я плевал!!! Да я лучше этих гадов десяток вот этими руками задавлю, а там бери мою жизнь, не жалко. Вот нашему дорогому Леониду Ильичу Брежневу дали орден Победы. Когда этими орденами после войны были награждены всего шесть маршалов: Сталин, Жуков, Василевский и еще... кто же? У, черт, забыл. Да ну ладно. А Ленька Брежнев до чего додумался, нацепил себе этот орден, и никаких. В маршалы себя возвел. Хрущев и то до этого не допёр. Так генерал-лейтенантом на тот свет и отправился. А этот смотри, скоро себе генералиссимуса нацепит. Тьфу, срамота какая!

— Ты, ботало! Заткнись! — не вытерпел кто-то из пассажиров.

В вагоне возник шумок: «Откуда динозавр этот взялся? Настроение портит».

А этот динозавр родился нормальным ребёнком, от нормальных родителей. Но...

Отец Ерохин порол своего сына за двойки. Порол, порол, устал. Остановился, перевел дух и скумекал по-другому. Переправили сына на воспитание к бабке, подальше от позора, и махнули на него рукой.

Бабка от скуки попивала. К появлению внука отнеслась дружелюбно. Стали пить вместе, все ж веселей. На школу внук Гринька морщился, не по нраву она ему была. «Все какие-то там чумные, за пятерки из шкуры лезут. Поделили всю жизнь на оценки». С бабкой жизнь была неделимой, без оценок, целостная. Плавал Гришуня в этой целостной жизни до самого призыва в армию.

В армии ташил службу Гришка ношей нелегкой. Знал он ее постольку, поскольку носил солдатскую форму. Но лучше освоил наряды и гауптвахту. Забавным времяпрепровождением были для него политзанятия. Командир взвода лейтенант Смышляев вправлял мозги несмышленишам.

— Вы знаете, что коммунизм, — это всеобщее счастье?! Денег не будет вообще. А наказанием будет отлучение от работы. — С этим, правда, не соглашался Григорий.

— А как вора́м жить? Как им без работы-то быть, если денег не будет?

— Ты, Ерохин, не туда смотришь. Читай моральный кодекс строителя коммунизма, — с достоинством вышел из тупика лейтенант.

«Звонкий лапоть! Тмутаракань!» — сокрушался лейтенант на Гришку.

По своей натуре Гришка был прямой и шибко зашибся о службу, отбил себе к ней апетит. От частых нарядов у него запершило в горле, потянуло глотнуть свежего воздуха. Отправился он за озоном в самоволку.

Ерохин был бельмом в глазу сержанта, зудящей болячкой в отделении, и чесались руки у командира прихлопнуть эту болячку, чтоб ладненько было, без изъяна. И вот представился случай: отсутствие Ерохина, сержант немедля доложил старшине. Старшина Жеребцов поднял роту по тревоге и повел третий взвод, в котором служил самовольщик, в соседнюю деревню Чигири.

— Взвод! Подтянись, аллюр в три креста, — подгонял он сонных солдат.

Войдя в деревню, подошли к одной из землянок. Носом чувствует старшина, что Ерохина быть здесь. Подошли к окну, в котором горит свет. Из окна, находившегося вровень с землей, доносился разговор. Кто-то из солдат постучал в окно.

— Ерохин, а ну выходи, ядрена мать.

Погас свет, голоса смолкли. Стали стучать в дверь.

В землянке обитали три семьи, вдоль нее виднелись три выхода.

— Ну ясно, это он там, кому, как не ему, там быть, — гудела толпа, — ишь какой, тешится, а мы спать из-за него не должны. А ну вылазь, а то счас халупу разнесем! — кричали голоса. В дверь все сильнее и сильнее колотили. Изнутри послышался женский плач, потом стук. Все насторожились. Женщина причитала, стук раздавался все сильнее и сильнее. Что это значило, все недоумевали.

Вдруг из соседней двери выбежал дед в кальсонах, в серых подшитых валенках.

— Мишка, етит твою мать, здесь же красноармейцы! — С молениями он бросился к солдатам.

— Бойцы, бойцы, ну что же это делаться такое, а? Он же мне, сукин сын стену прорубил.

И подбежав к окну, нагнувшись, забарабанил.

— Ты што же это вытворяешь, што затеял-то, дурья башка? — И, кинувшись опять к солдатам. — Где, где же это ваш командир-то будет, где?

Стук прекратился, открылась дверь, и солдаты увидели человека с бледным небритым лицом. В дрожащих руках был топор. На его лезвии мерцал холодный лунный свет.

— Сунулся бы кто, башку бы отрубил, — прохрипел мужик.

— Тьфу! — сплюнул старшина. — В три господа мать! Да ты что? Пьянь? Ты понимаешь, мы солдата своего ищем. Ну, выдь ты да скажи.

— А че мне говорить. Вы ломитесь, а не я.

— Да если бы ты сразу вышел, мы бы поняли и ушли. А то сколько мы из-за тебя здесь проканителили. Ой, горе луково! Сколько же вас, таких Мишек-шатунов, по белу свету бродит!

Зашел старшина к старику и чуть не поперхнулся: в нос ударило тяжелым смрадом. Земляной пол, в углу нары с горой грязного тряпья. Возле нар стол, сбит из грубых нестроганных досок. Рядом бочка с водой. Печка, мазанная глиной, стены не белены. Кишат тараканы, клопы да блохи. Стена возле печи и впрямь прорублена.

— Во, видал, что удумал, шальная башка, выход прорубил ко мне. Втемяшил, что за ним опять пришли, — показал дед рукой на разрушенное место в стене. — Мишка энтот с местов заключения объявился и прямо к Маньке. Всю ночь воркуют да пьют. А я-то думал, вы ко мне пришли дрова колоть, — слукавил дед. — Но опять же думаю, поздновато. Мне как-то Гринька говорил: «Дед я приведу роту солдат, они тебе враз дрова наколют».

— Это Григорий Ерохин? — поинтересовался старшина.

— А бог его знает. Наверно. Да, бегаёт он к Любке, — показал он рукой на соседку. Старшина кинулся к двери Любки. Дверь открылась, и предстал перед старшиной Ерохин.

— А, голубчик, ты тут!

— Тут, тут. Я тут к коммунизму Чигири готовлю. Политзанятия провожу. Просвещаю дюярку Любку.

— Я те сейчас напросвещаю! Ты уже напросвещался в дым, и нос в табаке. Сейчас ты у нас, просветитель, загремишь на пять суток.

Старшина снял с Ерохина ремень, проверил оттопыренные карманы шинели. В одном кармане была заломленная краюха хлеба, в другом — завернутый в бумагу кусок масла.

— Давай, пошел вперед, аллюр в три креста до части, — скомандовал старшина Ерохину.

Старшина Жеребцов был охотник на смекалку и стал в мысль оформлять увиденное. «Так это что же получается? Если сейчас, стало быть, шестьдесят четвертый, то до коммунизма осталось шестнадцать годков, а в Чигирях и конь не валялся. Этой деревне до коммунизма тысячу лет волочиться, и неизвестно еще, доберутся ли. Что-то тут не то. Я же в своей роте знаю, сколько у меня солдат, сколько нужно пар сапог и каких размеров, сколько нужно пар портянок, летних и зимних. Я же держу в башке, что к чему и что в моём хозяйстве творится. А тут, видать, о деревне и ухом не ведут. Какая-то запарка выходит. Угорели, закружились головы у вождей! А может, там вместо головы кочан торчит!» — раскидывал он мозгами, пока шли до казармы.

Наутро Ерохина увезли на гауптвахту. Канителил службу Гришка до демобилизации. Стер не одну пару сапог. Стерли и его, армейская терка все перышки содрала. У Любки от Гришки родился ребенок. Любка простудила его. Умышленно сделала сквозняк, открыв в холодную зиму форточку и двери. Невинное голенькое дитя заболело и умерло. Григорий по умершему печалился и сокрушался. Обрушился на Любку, что не сберегла ребенка. Он догадывался, что смерть была уготована Любкиными руками. Эти руки не были готовы к материнству. Однажды Григорий заглянул к Любке, а у нее другой солдат проходит обкатку ее лаской. Сделалось Григорию дурно, помутнел сознанием. И обуглилось его сердце на женщин на всю жизнь.

После службы Григорий вернулся домой, а бабки нет: умерла, домишко развалился. Стал он проживать в подвалах, на чердаках и в кочегарках. Все собаки его знают, даже пустилайки за своего признают. С родственниками он даже переговоры не заводит. Придёт к сестре, позвонит в дверь, та откроет и смотрит презренно. Григорий не заходит. Молча пляшет перед ней, кренделя выделывая, рожицы ей строит. Напляшется и уйдёт. Сестра — учительница, муж её — начальник, дети воспитанные. Но как-то сестра с матерью нашли Григория в кочегарке.

— Ты чего дурака валяешь? Нас позоришь. Чего нормально-то не живёшь, не работаешь, как все? Мы тебя посадим за тунеядство.

И посадили. Но виновным себя на суде Гриша не считал.

— Вот вы судите меня, сытые, холёные, ухоженные. Вы не знаете вкуса куска хлеба с глотком простой воды. А вот возьмёт да не взойдёт ваше солнышко, заспится, собьётся с расписания. Вы же все, как тараканы, кверху пузами ляжете.

— А ты не ляжешь? — задал вопрос судья.

— Хэ-хэ, а я уже валяюсь, сородичи позаботились, отобрали у меня моё солнышко. — Он посмотрел в зал, где сидели мать с сестрой.

— Ты вот всем вину развесил, а себя виновным не считаешь? — спросил один из заседателей.

— Считаю. Считаю, что я зря в этот мир попросился. Не достучаться мне до вас.

— Ну, если бы всех просьбы учитывали, тогда бы не жизнь была, а игра в палочки-выручалочки, — вмешался судья.

— Э-э-э, а жизни-то и так нет, есть только толкотня. Живёт тот молодец, кто на руку удалец. Поэтому, что зря суетиться-то. Изжуете вы меня.

Другой заседатель посоветовал: «Ну надо же, как-то совершенствоваться».

— О-о-о, совершенствоваться! На совершенство надо волю. А где волю взять? Она-то не рождается, воля закаляется, а у меня вся закалка идёт на согревания тела.

После освобождения из мест заключения Ерохин стал занимать себя ездой в электричке, где мы его и встретили в начале рассказа, и игрой в шахматы.

У знакомого соперника по шахматам Петрова умерла жена. И тот попросил Ерохина съездить с ним к шурина за гробом. Он хороший столяр и смастерил себе заранее гроб, который сушился у него на чердаке. Сели в машину и поехали. Приехали, погрузили гроб в кузов и, долго не разговаривая, поехали обратно. Шурина занял Гришино место в кабине, а Грише пришлось ехать в кузове. Возвращались уже ночью. В дороге их застала гроза,

и Григорий спрятался от дождя в гробу, накрывшись крышкой. «Хороший домик!» Понравился Грише гроб, и Грише сделалось легко и ясно. Сосновый гроб разморил смолянистым духом Григория, и он заснул. Снится ему нормальная человеческая жизнь: живёт он в хорошей семье, сидят они все вместе за столом и кушают. Отец его не материт, а уважает, называет его Григорием. Не бьёт его. Купил ему для школы новый портфель, и они вместе читают сказки, играют, радуются, смеются. Ходят с отцом в баню, и отец ему мыльной мочалкой растирает распаренное тело.

Спит Гриша в гробу. А в кузов сели попутчики. На ухабистой дороге затрясло, гроб стало подкидывать. Гриша проснулся, поднял крышку, чтобы посмотреть, что происходит. Но, как только заросшая голова осветилась луной, попутчиков из кузова как ветром сдуло. И Гриша из сна явился в реальность.

Приехали, шофёр спрашивает:

— Ероха, а где попутчики?

— А кто их знает. Не понравилось им, пешком пошли.

— Знамо дело, где им с тобой понравится. Увидишь тебя, так от страха на луну запрыгнешь. Такое чучело в огороде поставь — вороны за версту облетать будут. Благодарю бога, чтоб живы остались.

Схоронил Петров жену. После поминок Петров шепнул шурина:

— Ты сыграй в шахматы с этой фигурой, — кивнул он головой на Гришу. — Тебе в твоём околотке нет равных.

И шурин уверенно стал играть с Григорием. Первую партию Григорий выиграл. Это шурина огорошило.

— Давай ещё, — предложил он Грише.

Сыграли ещё партию. Григорий выиграл.

— Фу, — перевёл дух шурин. Виски у него вздулись, глаза округлились.

— Ещё давай.

Сыграли ещё. Григорий выиграл. И сколько они ни играли, Григорий уверенно выигрывал. Устал шурин, затряс головой.

— Ну, фигура, скажи, ты случайно не гроссмейстер?

— Гроссмейстер, гроссмейстер. Я в шахматы выучился играть в зоне, там от скуки будешь мастер на все руки. На жратву играли. Проигравший отдаёт свою пайку победителю. Не хошь быть голодным — шевели мозгами.

— Ну ладно, по такому случаю давай по чарке.

Захмелев, разговорились.

— А ты чё бобылем топоришься, словно жизнь пасешь, — спросил шурин.

— Пасешь... А мы все в этой жизни пасынки. Отец стегал меня, не оправдывал я его надежд. Он хотел впихнуть меня в социализм инженером, а мне хотелось быть просто человеком. Пупком не вышел в инженера. Вот и драл он меня от обиды, не хотел обмишуриться. Знакомые-то в инженера да в начальники кинулись, чтобы отхватить лакомый кусок, а я — Иванушка-дурочок. Вот и копчу небо один. Не хочу никому быть обязанным, не хочу ни перед кем расшаркиваться. А оказывается: человеком-то быть нельзя.

Теперь Гриша посещает кладбище, провожает усопших на погост. Народ стал замечать, где покойник — там обязательно появляется угрюмая, молчаливая фигура Григория, словно знак какой. Для него стало утешением и занятием — бывать на кладбище, словно он в этом нашёл смысл.

Он тайно радуется и торжествует душой: чем больше расширяется кладбище, тем больше утверждается он. «Есть и над вами сила, вы все ей покорны. Не только вам дана сила изгаляться надо мной, но и над вами есть сила. Вон она вас сколько положила», — говорит в нём душа. И горящими глазами он окидывал кладбище.

С возрастом фигура Григория стала пугалом. Безрассудные жестокие матчишки бросают в него камнями. Весёлая молодёжь улюлюкает, издевается над ним, добивает его смехом.

И вот не стало Григория, куда-то делся. Прошло несколько лет. На чердаке полузаброшенного многоэтажного дома была обнаружена сидячая мумия, спиной прислонившаяся к вентиляционной трубе. За пазухой у мумии была ещё одна мумия — мумия маленького щенка, крепко прижатого к груди руками.

Феномен

Лёнька Кучубеев рос безбидным мальчишкой. А когда отец плохо обошёлся с ними, бросил их с матерью, то он обиделся на жизнь, больно она непутёвая, грязью задёрнутая. Решил он тогда создавать настоящий коммунизм. Лёнька был крепкого телосложения и твёрдого

характера и поступил в милицию, чтобы народ в коммунизм затаскивать. Чтобы все жили человеческой жизнью, а не бегали паршивыми псами и землю дерьмом не поганили. Если кто в его руки попадался, то считай, хоть и напуганный, но почти коммунист. Лёнька не брал взяток и никому не позволял брать при себе. Дубасил мужиков во всю ивановскую, только шум стоял. «Паразиты, не хотят коммунизм возводить. Ну что ты будешь делать с народом таким. Вот только лупцевать и остаётся что Сидорову козу. Ведь спекулируют, в попойку сбегают красавчики эти. Сохатыми вон ходят, а строить не хотят».

Пробовал он этого брата переубедить, но где там, только рот от говорильни заклинивало, скулы сводило, и язык немел от усталости. А им хоть бы хны, наоборот, только ещё больше дубьём становятся.

Мудрые сотрудники старались ему втолковать: «Мол, с какого края ты учуял, что у нас коммунизмом пахнет?» А Кучубеев Лёнька упёрся и всё, не ведётся на их удочку: «Не проведёте, вы меня на мякине. Всё равно зайдёт коммунизм, он уже светит. И как вы здесь ни старайтесь сбить с толку, ничего у вас не выйдет». Тогда сослуживцы с другого бока стали заходить.

— Ты никак, ушибленный, или при родах тебя уронили, или мама плохо кормила.

— Нет! — говорит. — Жизнь меня вашим уродством побила. И не хочу я жить в вашем свинарнике и хрюкать по-вашему! Всё равно буду двигать коммунизм, и всё! Хоть лопните, хоть убейте меня!

И друзья от него отшатнулись. Хохочут: «Безнадёга здесь сплошная, какой запущенный, неисправим, пропащий человек, в общем».

Милицейское начальство его терпело, терпело, да и лопнуло у них терпенье: «Ну нельзя же так. Он же, сукин кот, всех милиционеров у нас так изведёт». И придумало ему портфель дать, чтобы попортить его изнутри, чтобы сгнил на корню. А он и это выстоял, ещё только крепче стал. Мучились они с ним, мучились и решили его в Казахстан сослать на перевоспитание с расчётом, что если он там не перевоспитается, то они в два счёта из него бешбармак сделают. А он и там выстоял.

Сослуживцы на аркан его берут, бьются с ним, а он стоит на своём, и всё.

— Да ты что, помешанный, так коммунизмом озабоченный, да строить его — глаза из орбит вылезут. Ты чё, совсем с головкой своей не дружишь? В бардаке, мило дело, курдюк наешь, и сиськи, и деньги при тебе будут.

Лёнька не поддаётся. И тогда начальство нашлось и быстро провернули операцию. Подослали к нему лейтенанта Аннушку с заданием положить его на лопатки, обломать семьёй да спесь сбить. И тогда он сговорчивей будет.

Лёнька как-то встrepенулcя, углядев в её стане упругость, солнцем и землёй свитую, повернулся он тогда к жизни лицом и женился на ней. Аннушка, степным ковылём отглаженная, поначалу никакими уговорами ни страхами Кучубеева не брала. А просто шёлковыми руками и синими озёрными глазами старалась снять с него порчу коммунизмом. И Лёнька, вдруг стал покладистым, ниже травы, тише воды. Детишками оброс. Бегают они, и весь двор криками заразили и заботами в голове Лёнькиной мысли о коммунизме потеснили. Встала тут перед ним думка, как дом хлебом наполнить. Увидев Лёнькины глаза в печали, начальство не нарадуется: «Ну, теперь ерепень с него точно ветрами сдуло. Детишки этого упряма пододвинут к взяткам. И вот он, голубок, в наших руках, задушен семейным хомутом, сам в бурдюк полезет!»

Аннушке за блестяще выполненное задание объявили благодарность и в звании повысили. Воодушевлённая Аннушка стала мужа малым рублём попрекать, чтобы вывести на длинные деньги. И тут Лёнька всю диверсию-то и обнаружил.

— Нет, Нюся, не развалить твоему начальству меня через тебя, не взять им меня своими манёврами. Корень мой глубоко в вере коммунизма сидит и не сгнил ещё. Хоть ты и лазутчица, но не посмотрю я на это и жить с тобой буду назло вражьему стану. Люблю я тебя? Да! Ну и что? Коварство ваше не пройдёт здесь. И как вы ни ухитряйтесь, а дети наши и внуки всё равно вас переборют и коммунизм обязательно поставят. Моего они будут складу и расшибут дремучий застой. Ты знаешь, Нюся, ну ведь стыдно же в такой стране, и жить без коммунизма!

г. Копейск

Люди жить должны

Вурдалак

Ошуюю —
 Спят соседки...
 Одесную —
 Сосед
 Сомкнув навеки
 Веки...
 Да я
 Не домосед.
 Как это мне постыло!
 Что каторга, нужда:
 Обжитую могилу
 Ночами покидать.
 Такое нездоровье —
 Хоть саван разорви! —
 Я жажду свежей
 Крови,
 Как некогда
 Любви...
 Взошла луна,
 И следом
 Вставать пора опять...
 Завидую
 Соседям:
 Покойно могут спать...

Однажды
 Лунной ночью —
 И будет поделом! —
 Поставит кто-то
 Точку
 Осиновым колом.

А. Боровику

Истаял
 Ветер
 В дебрях тишины...
 Покой...
 Дремота...
 Шелест или стон?
 Какие ветер осеняют сны
 Космической печали в унисон?
 Самум пустыни?
 Заполярный Норд?
 Уральская серебряная вьюга?
 Апрельская —
 Стыду наперекор —
 Студёным дуновением упругим?

А ветер спит.
 Не спит Афганистан —
 Коварен вздох предательской Сахары...
 Что может быть страшнее, чем
 Саланг?
 Кривые переулки Кандагара?

Какие
 Ветер
 Осеняют сны?
 А что его тревожит наяву?
 Покой...
 Дремота...

Люди жить должны!
 Не за тебя ли я
 Ещё живу?

* * *

Это, знамо, задумано
 Богом —
 Прошлый день оставлять позади:
 Кто однажды бывал
 За порогом,
 Обречён
 Не спеша уходить.

Вы не верите?
 Ладно.
 Не верьте:
 Лет пятнадцать тому
 Наяву
 Перенёс репетицию
 Смерти —
 До сих пор
 Безнадёжно
 Живу.

* * *

Почто тебе великий ум,
 Бездумный всеу
 Тугодум?
 Единый столп
 Не равен двум.
 Без мудрости
 Бесплоден
 Ум.

г. Коркино

Александр Фунштейн

Это всё Россия

* * *

Разделили стены жизнь на два мира:
За окном Вселенная, а внутри квартира.
Я в квартире житель, я у стен не пленный,
Дверь открою шире, вот я во Вселенной.

И меня подхватит сразу быстрый ветер,
Полечу над лесом утром на рассвете.
Подо мною реки, города, заводы,
Подо мной просторы матушки природы.

И просторам этим я не вижу края —
Это всё Россия, всё страна родная.

Ненормальная зима (сонет)

Что за зима? — Ни снега, ни мороза.
Сойти с ума, одни сплошные слёзы.
Ну что за лес — ни одного сугроба?
Лишь ветер свищет с непонятной злобой.

Где облака? Ведь были же когда-то,
Без лыж скучают лыжники-ребята.
Скорей бы налетела завирюха,
Ведь без неё на сердце как-то глухо.

Не испугать нас вьюжной кутерьмой,
Не страшен холод нам, мой друг, с тобою,
Земле ведь зябко, где ты, снегопад?
Пусть налетают снежные метели

И расстилают белые постели,
И дымный город будет очень рад.

Сотворение Вселенной

Ведь кто-то создал взрыв большой
И всей Вселенной стал душой.
Какой великий разум!
Он Мир весь создал сразу
И эволюцией своей
Довёл его до наших дней!
Тот, кто всё это сделать смог,
Он, право, настоящий Бог!
Ещё вопросов много:
А кто же создал Бога?

* * *

Много странного вроде бы
Было в нашей судьбе:
Раньше думать о Родине,
А потом о себе.

Нынче это не нравится,
Но совсем недавно

Помогало нам справиться
С очень многим оно.

О себе думать вроде бы,
Безусловно, не вред.
Но забудешь о Родине —
Жди несчастий и бед.

* * *

Из века в век копилась слава
Моей страны, я ей горжусь.
Вновь нынче костью в горле стала
Дельцам заморским наша Русь.

Должно нести нам утро радость,
Но, просыпаясь в полусне,
Я думаю: какую гадость
Вновь поднесут моей стране.

Несут порою очень грубо.
И всё-таки, считаю я,
Они себе сломают зубы
О нашей Родины края.

* * *

Прилёт отдохнуть я немножко,
Лицом повернувшись к стене.
А сзади подкралась вдруг кошка
И нежно прижалась к спине.

«Мур-мур» — это кошкины речи,
А может, так кошки поют.
Но спину мою она лечит,
Снимает усталость мою.

* * *

Растут детишки, делают отметки
На косяке дверном совсем не редко.
А вырастут и, рост уже не меря,
Дом покидают через те же двери.

* * *

*А чудаки стараются напрасно
Постигнуть смысл и тайну красоты.*

А. Терпугова

Без чудаков наш мир бы не менялся.
В пещерах жили б люди до сих пор.
Вершиной мысли так бы и остался,
Наверное, лишь каменный топор.

* * *

А были ли яркие в жизни мгновения,
Открытие истин в момент озарения?
Вся жизнь, как мгновенье, моя пронеслась...
И счастья, и горя досталось мне влать.

г. Челябинск

Завтра на краю дневного зноя

* * *

Я знаю, что ко мне пришла разлука.
Желанья спят, и радость встреч пропала.
И звон бокала — ложь пустого звука!
И все кругом внезапно серым стало.

Суши, бесцветны травы у порога.
Не дует даже слабый сонный ветер.
Раз нет тебя, зачем пришла тревога?
Здесь память — главный гость на этот вечер.

* * *

Ночью буря в городе прошла.
Увлекаясь диким вихрем танца
И свободой полною дыша,
Раскидала с блеском все убранства.

А потом уснула как дитя,
Тишину к рассвету подарила.
И с небес порхающе летя,
Чистым снегом все следы закрыла.

* * *

Не говори прощальных фраз,
Не оставляй меня в отчаянии.
Кому еще и сколько раз
Ты скажешь их при расставании.

А мне в себе как превозмочь
Упреки, толки, сострадания.
И что ответить в эту ночь,
Где все разбиты обещания.

Не говори ненужных фраз
Себе вослед как оправдание.
Давай простимся в добрый час
Без слов привычных: «До свидания!»

* * *

Прощай, мой старый верный друг,
Я уезжаю так поспешно,
Мои страдания безутешны,
Томит сплетенье наших рук.

Я отправляюсь в дальний путь,
Развевая давние тревоги.
Хотя бы ангелом мне будь
В преддверии моей дороги.

* * *

Ах, пересуды, лепетанья
Кружатся по ветру, как листья.
Им не понять мои деянья.
Им не раскрыть, о чем я мыслю.

У всех — права на заблужденье.
И ложь, сбивая, правит миром.
Чужая воля — прочь в забвенье!
А жизнь моя созвучна с лирой.

А я не то, о чем, возможно,
Кричат и шепчутся другие.
А если жить неосторожно,
То ты найдешь сердца родные.

Я то, о чем душа мечтает
И сердцу откровенно близко.
Душа без Бога не летает,
А без любви — летает низко.

* * *

Мысли сердца требуют покоя.
Внутреннее слово сокровенно.
Завтра на краю дневного зноя
Я скажу о главном откровенно:

Слово легкое, рожденное случайно
И ничем не связанное с нами,
Пусть коснется о мое молчание,
Словно пух, исчезнет с облаками.

В том молчанье исцеляющее слово,
Отсекающее много слов обманных.
Надо, чтобы сердце билось снова,
Не оставив закоулков тайных.

* * *

Скачет весело на тонком каблучке
Лето, под собой не чуя ног.
Так у юности заботы в рюкзаке,
А у старости — поспать ещё часок.

* * *

Калина тонкая цветет,
Невестой наряжается.
Любить тебя к себе зовет,
То манит, то скрывается.

Зимой опять белым-бело,
Но, как весной, не молодо.
И снова чисто и свежо,
Но ветрено и холодно.

* * *

Зачем так грустно вы смотрели
В мои глаза, потом мне вслед.
Зачем романс мне дивно пели:
«Где есть любовь, меня там нет!»

«Я некрасива!» — вы сказали.
Но сердце сладостно томя,
Скажите, шанс кому вы дали
Любить: мне вас или вам меня?

* * *

А ты зачем ко мне пришел
И у калитки топчешься?
Ты мне сказал «Любовь нашел,
Да и тепла так хочется!»

Весна в любви как карусель:
Вокруг все хороводится!
А ты пришел, когда в метель
Закат под ветром клонится.

А зимний вечер не поймет
Мои с тобой желания.
А ночка темная пройдет,
Забрав все обещания.

г. Миасс

Марина Ситникова

Туманы седые над Вяткой плывут

Под соломенной крышей

Были мы молодые, наивные
День рождался на небосклоне.
Были мысли у нас позитивные.
Мы мечтали о собственном доме.

Мы не думали — мы размышляли,
Строя дом под соломенной крышей,
А за окнами бури гуляли,
Осень мчалась кобылою рыжей.

Углубляясь в дела неотложные,
Мы в речах были неосторожными,
Дом построили да не пожили —
И кругом нас с тобой облапошили.

Всё казалось, что жизнь переменится,
Но глумилась судьба-погорелица.
Нам бы с детками жить в доме каменном,
Да солома горит синим пламенем.

Взвился в небо сноп золотых стрекоз,
Я ревела всласть, не считала слёз.
Раздувал ветерок пламя медное,
Ну а ты, как всегда, шёл в буфетную.

Перешла я вброд речку быстрюю:
Я сама судьбу свою выстрою!

Точка на карте

Точкой малой на карте живёт деревушка,
На российском лице озорная веснушка.
Здесь дождь благодатный летом идёт,
Пышная радуга в небе встает.

В соснах ветры гудят и не ходят трамваи,
Но сказочный дух над деревней витает.
Туманы седые над Вяткой плывут...
Здесь меня любят, здесь меня ждут!

В русской печке поспел золотой каравай,
Ароматами мёда кружит крепкий чай.
Я белую скатерть на стол расстелю
И с вятской деревней судьбу разделю.

Весенняя Вятка

На крутом берегу приютились избёнки,
Синевою Вятский простор прошит.
Вынуть землю из мокрой пелёнки,
Раскрасневшись, Веснянка спешит.

Мощный гул вдалеке повторяет альтём,
Распрямляет Вятушка спину,
И кипящее месиво снега со льдом
Сокрушает хрустальную зиму!

Раз пошёл ледоход, значит, будет весна,
Значит, будут закаты, рассветы!
И чуть вздрогнет земля, как во все времена,
Загоревшись в полях первоцветом.

Я дочка твоя

Я дочка твоя, седовласый и мудрый Урал.
Ты тот, для кого я пишу откровенные строки.
Меня по забытым и новым стихам ты узнал,
В них прячутся счастье и грусти щемящей истоки.

Я дочка твоя... я иду по траве босиком,
Купаюсь в любви, будто падаю в синее небо,
Любуюсь летящим на юг журавлей косяком,
Который внезапно пленит романтичных поэтов!

Я дочка твоя! Ты привёл меня в сказочный цех,
Где черпаю вновь родниковую щедрую силу.
Её принимаю, с любовью дарую для тех,
Кто вместе со мною родился в великой России.

г. Орлов

Феликс Андреев

В стране прозрачно-голубых долин*

...Сразу

*Per me se va nella citta dolente,
Per me si va nel eterno dolore...¹*

...каменный крест
по небесно-васильковому цвету:
прямо из центра —
на пути к небу —
женщиной
с глазами без зрачков,
с широко раскинутыми руками.
...имя её — Ваха!

...руки её сильны,
как крылья птицы.
созданные для объятий,
они распахнуты в предостережении,
в немом предупреждении беззвучия границы,
за слепой усталостью которой
прячется ночь...

Первыми уходят лучшие из нас...
Уходят, чтобы встать преградой
между нами
и чёрной дырой неизбежности.

Сегодня: 04 марта (с опозданием в 18 лет...)

Без преувеличения
(Будущим ветеранам тех войн...)

Зная
безрассудство предрасположенностей.
несущественность несуществующей
объективности.
невнятность слов на короткой волне
как наивную недооценённость запала,
и необъяснимость парадокса праздности
парадов.

Придирчиво
озираясь
на двусмысленность
предрассудков,
необъективность предвзятости.
Переполненностью преувеличения,
обрекая смысл на самоопределение

заявляю:
ничто так не чтимо и не ценно
как чистый цвет луга,
пьянящий запах хлеба,
берегущее тепло Светила,
и нежность прикосновения женских рук.

В перезвон колоколов
в е р у ю.

* Публикуется в авторской редакции.

¹ Через меня идут в город скорби,
Через меня идут в вечную муку...

...Что нашептал шиповник

женщиной, облачённой в весну,
(проплывающая там...)

разноцветными бликами-пятнами
по поверхности зримой
будто словами вымощены
(...звуки шагов)
места в зияющей темноте
по краю зрачков:
водоёма невиданной глубины-светлости...

В мрак погружаясь
(долгие снов силуэты)
скорбно,
страстно-отчётливо
пышут из рая
выплеском пламени
локонов дивных тугие сплетения...

I. Ssance

Всё также, как прежде,
завороженно,
приговорённостью,
мерю высшую
меряю времени
(штрих) запоздалого.

и только
обрывками фраз музыкальных
в свет окуная кисти
(мрак высветляя,
холстом прикрываясь),
контурно,
лишь обозначив конкретику вымысла,
(.....) выплываю
в зримую данность,
чтобы увидеть,
как над всхлипыванием алчных ртов,
вскользь,
за блуждающими взглядами
вырастает губ немых отпечаток.

Из-под...

В стране прозрачно-голубых долин
где свет, едва проснувшись, припадает к горизонту,
а серебристой поверхностью воды обманом завладевают волны,
я вижу из-под толщи вод
солнца золотой медальон.

За рябью — мелкой зернистой рябью — стрелок не видно,
лишь под чешуйчатой страстью вздрагивает пульс течения донного,
а приливно-переливные перекаты
играют шелковистой гривой убаюкиваемых водорослей.

Холоден цвет бесцветной воды...

Удобно устроившись на гладком камне, что посреди песчаной отмели,
словом свернувшись, (в ожидании слова)
наблюдаю (из-под...) монотонное нагнетание красок:
(масла — несмешиваемых — желтка и кобальта слив акварельный)

в створ уходящего
к небу

насквозь...

Очень близко

...когда мы мёртвые просыпаемся,
дня-праздников громадный репертуар
наполняется музыкой спелых побегов
будто голые стебли (что замолитвенна!)
голые части деревьев
сквозь ставни дом наполняют — страну.

Ты всегда там, где меня нет, Родина!

женщиной пылкою,
ранимо-раннею —
взглядом пустынным,
будто немые
голые
части
деревьев
ставшие кратностью света дневного
взглядом потухшим
как если б вобравших в себя
пред-упреждения стойко

(...пожалуйста, не оступись!)
даже если за всё отвечать перед данностью
нам не придётся...

Дыхание наше — пути —
п а р а л л е л ь н о!

Правосудие

...длинными мазками дома пустые комнаты.
будто идёт захват!
Куда не ткнусь — кругом стены!
Колокола язык во рту болтается...

Но
отчего так тихо кругом:
мимо пройдёшь —
не заметишь?

18 марта
(дух нашего дома)

...укоризненных глаз:
страх стоячей воды,
как безделицу
ветер неистовый
(неполно)
дрожащей рукой
с крыш сосульки сбивает:

звон весенний капелей
перекличкою с пением птиц...

*Да только выглянешь в окно —
кругом з и м а,*

...и сны.
На фоне серого дня
цветные — радужно! — сны.

г. Геленджик

Пахом Шевченко

Я побрёл тропой заросшей*

Я просил у Бога силы...

Я просил у Бога силы.
Целовал пороги храма.
А Всевышний бросил соли
На сочащиеся раны.
«Потерпи, — шепнул на ушко, —
Дальше будет интересней...»
И разнесся я над степью
Заунывной волчьей песней.
Я, задравши морду к небу,
На луну нацелив челюсть,
Извергал из сердца слабость,
Пустоты внимая прелесть.
Плыл туманом леденящим,
Слёз рососою пал на травы.
В эликсир мешая жизни
Медицинские отравы.

Я просил у Бога силы,
А в ответ — пинок с издёвкой.
Да подарок бесполезный —
Мыло с бельевой верёвкой.
И записка — «Пригодится,
Если срочно нужен выход...»
А на месте для печати —
Капля крови и копыто.
И на посох опираясь,
«Не ища заруку» свыше
Я побрёл тропой заросшей,
В край давно не битых шишек.
Мир не стал увы прекрасней,
Я не стал ни чуть сильнее...
Я просил у Бога силы...
Получил лишь шрам на шее.

Рубикон пройден

Возможно проще возложить
Клеймо врага на чьи то плечи...
Мы просто не умеем жить,
Идёт игра — считаем свечи.
Гордыней кичимся своей,
Чужую правду в ложь венчаем,
Всех провожаем туманом
Хоть поцелуями встречаем.

Мы разучились понимать
Не то других, себя порою,
Готовы брата разорвать,
А за врага стоим горою.
Да что напрасно причитать,
Мы все — обманутое племя ...
«Мы перешли за Рубикон»,
За нас теперь решает время!

* * *

Слезами брызнув по паркету,
Шурша нарядом из шелков,
Стуча сердечной кастаньетой
Вы устремились на альков.
Уединенье предвкушая,
Стремитесь прошлое вернуть.
Штормит, корсеты распирая
Девичья трепетная грудь.
Судьба сыграла злую шутку,
Я снова вижу этот взгляд.
(Зашёл проститься на минутку)...
И всё как много лет назад,
Одёрнув робко занавеску
Вы зажигаете свечу...
А я ни в то, ни в это время
Быть с Вами рядом не хочу.

* * *

Реформа разума неспешна.
Желаниям нашим вопреки
Прогресс ума напоминает
Течение высохшей реки.
Где оголились в одночасье
Коряги, ил и валуны.
Стоишь с улыбкою «Джоконды»
Перед расстрелом у стены.
И всё ж мечтаешь о свободе,
Небрежно сплёвывая злость.
Не видно туч на небосводе,
А ты твердишь, что хлынет дождь.

г. Луганск

* Публикуется в авторской редакции.

НОВЫЕ СТИХИ*

Любите женщину!

Любите женщину!
Она —
сама природа,
рождение богов
её
удел.
Она создатель
человеческого
рода
и созидатель
всех
мирских
насущенных
дел.

Любите женщину!
Хранительницу жизни,
семейного тепла,
любви очаг
и, кладезь доброты,
что детством дышит,
мужчины оберег
и мира стяг.

Любите женщину
и вечером,
и утром,
и звёздной полночью,
в полднейной
кутерме.

Любите женщину!
Всегда она
как будто,
бутон раскрывшийся
весною
на заре.

Любите женщину!
Во всём,
всегда,
в порыве,
да так,
чтобы срывало тормоза!
Любите женщину
и сделайте
красивей,
и, будет пусть,
счастливая
слеза.

Любите женщину!
И в море
и
на суше,

она всегда,
как хрупкая лоза.
Любите женщину!
Её
святую
душу,
за стан, улыбку,
руки
и глаза.

Любите женщину!
Когда вам будет
грустно,
когда у вас
хоть радость,
хоть слеза,
когда
у вас
на сердце
станет
пусто,
когда ваш лик
закроют
образа.

Но, даже там,
где вы уже
не в теле
с святыми старцами
беседуете
в лад,
любите женщину!
Любите!
В самом
деле!
Любите же!
Не ради
всех
наград!

Я не люблю

Я не люблю,
идти попутным ветром,
приятны мне
его
порывы в грудь,
когда
крутой
мороз
щекочет нервы,
и вьюга
застилает
млечный путь.

* Публикуется в авторской редакции.

Мне не приятно
если ветер в спину
несёт меня,
что лодку
по волнам.
Я не привык,
что всё
наполовину,
или любовь
делить
напополам.

Я не любитель
тёплого
уюта,
обитель кабаков
и не спроста,
перечит мне
наличие приютов,
и даже суть
распятого Христа.

Мне нравится,
когда
иду
на ветер,
или гребу
волнам
наперерез,
когда повсюду
ярко Солнце светит,
когда всегда
свобода
позарез.

Но в жизни так
бывает очень редко,
тебя всегда,
послушники гнетут.
Они в тебя,
стреляют
очень
метко,
и под конвоем,
в рабство
вновь
ведут.

Послушники,
они в чёсти у «БОГА».
Портфели, галстуки,
тусовки,
кабаки.
Лишь только мы,
тащймся
по дороге,
в конце которой,
не видать ни зги.

Когда же мне!
Когда развяжут руки?
Вздохну свободы.

Ветром надышусь.
Когда!
Когда же,
кончатся все муки?
Когда свободе
вдоволь
помолюсь?

Но, тщетно всё.
И нищета
глухая
меня за горло,
по ветру
влачит.
Как встать с колен,
прийти
к подножью «РАЯ»?
Душа ревёт,
кричит,
кипит,
горит.

Ах, где ж ты ветер?!
Где лихая вьюга?!
Зову же вас,
но, держат кандалы!
Ищу вас,
драгоценнейшие
друзи,
что бы воспрянуть
снова из золы.

Тогда и грудь
наполню
встречным
ветром,
и, надышусь
привольностью хлебов,
засветит Солнце
и зимой
и летом,
ну,а пока?
Засилье
холуёв!

Признание

... тридцать первое декабря,
полночь, бьют куранты...
я наливаю шампанское...
зажигаю свечу...
но...
тебя
всё
нет...
...первое января...
четыре часа утра...
свечи горят
одна
за
другой...

и
сгорают...
вот и...
Новый год наступил...
а
тебя всё нет...
догорает
последняя
свеча...

.....

С которой свечкой
словно сам
сгорел. Любовь моя и мука...
— я говорю сегодня Вам,
я, говорю
сегодня
Вам,
— я вас люблю.
Подайте руку.

Прильнув губами
к нагоде
ногтей любимых
хладной кромке,
я чуткость
в вашей простоте,
я чуткость в вашей простоте,
вмиг обрету.
В словах негромких
пусть тают сладкие уста,
и
терпка
их
солонуватость...
Я говорю вам: — Да! Вы — та!
Я говорю вам: — Да! Вы — та!

Душевных грёз
вителиватость.
Всегда, светлее всех
светил,
но
тает ночь.
Сгорела свечка.
Ваш образ сердце
пробудил,
ваш образ сердце
пробудил,
та чистота, что
в горных речках.
Ах, где ж вы,
где ж вы
друг не — мой,
моих терзаний и
томлений,
за, что назначено
судьбой,
за, что назначено
судьбой,

вас видеть только
в сновидениях?

С последней свечкой,
словно сам
сгорел. Любовь моя
и мука,
я, говорю сегодня вам,
я, говорю сегодня вам,
— Я вас люблю.
Подайте руку.

...Но дом хранит её тепло
и милых рук прикосновенье,
во всем
я чувствую её,
во всём
я чувствую её...
Во всем царит
её
виденье...

Память

Наверное, не важно какое сегодня число,
Наверное, не важно день или ночь за окном,
Наверное, не важно какая сегодня погода,
Но, важнее всего то, что в этот день
случилось:

Ты мне сказала : «Я, люблю тебя!»

.....

Я не помню какое было число,
Я не помню, какая была погода,
Я не помню, когда это было,
Но я до сих пор помню
запах
твоих
русых
волос.

птенец

Посадили птичку в клетку.
Золотые листья, ветка...
— Ты, пичуга, песни пой,
наши души успокой.
— только птичка всё молчит,
улететь лишь норовит.
Бьётся грудкой в злато клетки,
но, прочна золотая сетка.
Пух летит и перья вон
из груди пичуги стон,
в кровь разбиты клюв и грудка,
не сгибаем нрав малютки.
Вот бросок последний! Ой!
Что случилось птах с тобой?
Пал пернатый на пол клетки.
Умер рыцарь-малолетка...
Дрыгнул лапкой и затих.
Так, закончился мой стих.

Не мучь же мою душу

Не мучь же мою душу,
ей же больно
она и так,
кричит,
ревёт навзрыд.
О!
Дайте ей свободы!
Воли!
Воли!
Душа кипит!
Кричит!
Душа, болит.

Так в чём успокоение такое?
Что бы, всегда,
согласно правоте,
обнять бы душу,
приласкать в покое,
или пустить
на волю,
по росе.

Но, каждый день,
стреляют,
режут,
колют,
То, на́ уши,
что день,
лапшу
кладут,
а, ей — же надо,
воли!
Воли!
Воли!
Но, никогда
ей
воли
не-да-дут!

До свидания, столица — Москва!

Не говорю тебе, прощай
моя Москва, моя столица,
ты так прекрасна в разных лицах
и, угловата. Невзначай.

О, ты привыкла всех прощать,
родная ,древняя старушка,
не быть в чужих руках игрушкой,
но всех с достоинством встречать.

Они — строптивное дитё
тебя не слушают, «ФОН», «МИСС»,
во всем найти бы компромисс;
наладить в мире бытиё...

И как в семье любая мать
ты приголубишь иль накажешь
и не грозишь, а нежно скажешь,
— ребята, хватит воевать.

Умеешь веселить народ
и постоять на страже мира
а если враг, то и всем миром
встать на защиту всех дорог.

Не говорю тебе, прощай
моя Москва, моя обитель,
ты как всеильный повелитель
вольна казнить или прощать.

Я уезжаю, но вернусь,
лишь только ты поманишь пальцем,
не нужно мне ни мёда, сальца,
лишь только кликни. Отзовусь.

И, пусть гудит о том молва,
— мол, он уехал на чужбину...
на время я тебя покину,
тебе отдал я. Всё! Сполна!

Не говорю тебе прощай,
а говорю лишь, до свидания,
меня простишь ты с пониманием,
и без меня ты, не скучай.

Но, даже, от тебя в дали
с тоской, родная, помнить буду
Москва. Тебя я не забуду,
ты за меня лишь, помолись.

Не говорю тебе, прощай
моя Москва — оплот державы
в веках увенчанная славой
веками дальше процветай!

И, пусть звенят колокола!
Звон разнесётся по вселенной,
и вновь душе моей нетленной
придут прекрасные слова.

Стоит жить!

С. Есенину

I

Затрепавши хорошую книжицу,
Словно девку в расцвете годов,
Всё, от корки до корки выжал я,
Как из юных, красивых сосков.

Не трудами пустыми высится
Том Есенина в триста страниц.
— Он, и в пыльную полку впишется,
Даже в сумке бывалых девиц.

Иногда, про себя размышляя,
О Есенине тихо грущу,
Но душа его смерть не вмещает.
Этот миг, я ему не прощу.

II

Стоит жить, что бы жизнь ненавидеть
За мещанство, чванливость, позор,
Как бы женщин мне не обидеть,
Что б с любимой не было ссор.

Стоит жить, что б твердить ей снова:
— Я люблю Вас. Пусть сердце кипит,
И, жена, вдруг нахмутив брови
Вам грехи все сполна простит.

Стоит жить, ради здравого умысла;
В мартов день им цветы дарить —
Нашим женщинам; милым, умницам,
И, конечно, их больше любить.

Стоит жить, если небо насупится,
Если звёздный закроет лик,
Это значит, что радости — сбудутся,
Ну, а грусть? — Кратковременный миг.

Стоит жить, если небо звёздное
Распростёрлось во весь горизонт,
— Это листья желтеют зелёные,
Значит хлеб убирать резон.

Стоит жить, если гостем не прошенным
Ты на эту землю пришёл.
Коль явился, пусть даже брошенным!
К чёрту бредни! Работай как вол!

Верно! Жизнь не травинка отборная,
Что зернами стекает в амбар
Со своими вопросами спорными...
— Не сносить мне её на «базар»!

III

Стоит жить, что бы жизнь ненавидеть,
За бездельников, ханжество, вздор!
Как бы женщин мне не обидеть,
Да с любимой, что б не было ссор.

Ну а если пойду на попятную,
Где развратом полна постель,
Пусть, за жизнь мою, за развратную
Упокоит земля-колыбель.

Что ж, просить мне у Господа привязи
И, телёнком пришиллить к жене?
— Эка зависть?! Яблоню к завязи
Прилеплять в белоснежном огне.

IV

Стоит жить, чтобы жизнь ненавидеть,
За измену, негласный укор!
Только, женщин бы мне не обидеть...
Из души своей вымести сор...
.....

V

И, Сергея, простил бы наверно,
Не держу на него фасон.
Надо жить! — Это так же верно,
Как в природе: то бодрость, то сон.

Обращение к жизни

I

У кого не бывало такого,
Что б, вот так, не писалось порой.
Эти мысли, впрочем, не новы
Просто так, текут чередой.

Каплют перья чернилами в строки
Все века и, во все времена,
Обернешься, они же убоги...
Но, какие из них семена?

Ведь поэт — душевный уродец,
Он, на многое, просто, плюет,
И, порой, ненавидит народец,
Он своё, на гора выдает.

II

Побалуй жизнь живых поэтов,
Тебе ж, наследья — по душе?
Ну, что, скажу я вновь на это?
Ну, что, поведаю тебе?

Моя судьба-душа и гордость,
Я не виню тебя ни в чём,
Во мне кипит живая бодрость,
Всё остальное — ни — почём.

Я не ищу судьбу иную.
Живу, и радуюсь тобой,
Спасибо, жизнь! Прожить такую?!
Я б не хотел другой, иной.

Старый дом

Что, стоишь? Покосился убого,
старый дом — нашей жизни исток,
почерневшими окнами строго
сиротливо глядишь на восток.

А, когда — то, лишь солнышко встанет
ты заблещешь оконцем в ответ
и, хозяева, бодрые, сами,
на работу идут в сельсовет.

Пролетели года, вспомнил бога,
Ведь и ты был с душой, молодой,
нынче с грустью глядишь на дорогу...
Где хозяйева, хаты родной?

Захирела деревня. Мы сами
виноваты Да видит то Бог!
Над страной прокатилось цунами,
схоронили родимый чертог...

Нет работы в деревне давненько,
растворились селяне в миру,
а когда-то, была молоденька,
многолика, хмельна на пиру.

А теперь, покосился убого...
лишь крапива, да буйный репей,
и, разбитыми окнами строго
всё зовёшь...
Братко с горя
налей...

Я загнал свое сердце в угол

Я загнал
свое сердце
в угол,
Чтоб не ныло
оно
напрасно;
Что,
бывает
по жизни
туго?..
Черта с два!
Я по жизни —
страстный!

Пусть!
Не ропщет оно
во
гневе,
Пусть!
Забудет оно
о грусти,
Я ещё
в материнском
чреве
Понимал,
что меня
отпустят.

И, меня
отпустили.
С богом!
Хоть и было
в темнице
сладко.
Мол, шагай мил,
своей
дорогой,

И,
не думай,
что в жизни
гадко.

Я свободу
воспринял
чутко,
И всегда
понимал
прекрасно;
Без свободы,
на свете —
жутко.
Без свободы,
всё в чёрных
красках.

И крутило меня,
штормило,
И ломало,
что буйным ветром,
Все равно,
в этой жизни мило.
Оттого ли я стал
поэтом?

Призраки

1
Я в ломбард
заложил бы телегу,
но её у меня
просто нет.
Бюрократам
привезть бы снегу,
что б зимой
продавали тот снег...
Я с небес,
не хватаю камни,
на земле их
достаточно всем
и
спасибо, друзья,
что я
с вами.
Я — земной человек
на-сов-сем!

2
Сверлят мне
чьи-то синие очи
затылок.
Жаждут вытряхнуть
душу мою
на
скользкое блюдо.
Колким взглядом
бездонных
пустых
сверлилок,

протыкают везде:
где я был
и
потом еще буду.

Пригвоздят
голубыми,
в колючках
двумя
гвоздями,
всю зелёную
душу
мою
к
моей
чёрной,
железной
постели.

И
уводят
лесами,
морями,
горами,
полями
сладко спать!
— Да вот!
Жестко
перину
мне
стелят.

Я пропитан
не смрадом,
не жёлчным
своим
угаром,
но,
смотреть мне
сегодня
в них просто
ни как
нельзя.

Нет в них проку сейчас,
нет душе
вожделенья,
навару.

В них паскудство одно,
провождение
времени
зря.

Восемь длинных теней
закрывают мне
страстные очи.

Восемь длинных теней
мне на уши
кладут пауту,

Полугубы бровей
все куда-то
всю ночь
волочат...

Восемь
чёрных
червей

вяжут
чёрной
вуали
фату.

Два гвоздя голубых
протыкают
насквозь
до затылка.

Два гвоздя голубых
норовят
заточить
и
заткнуть.

Два спасенья от них
вижу я,
словно
пробку
в бутылке.

Два спасенья от них:
Лишь спокойно
вздохнуть
и
уснуть.

Цепь вуали прочна
цепко,
держит
меня
за

запястья,
Сеть вуали черна!
Око-ва-ло
за грудью
зажгло.

Подлой
черни —
жена
бьет в висках
по груди
и по
счастью.

Суть угара
ясна:

— Это бродит к рассвету вино...

3

Рассветает окно
блик тумана
на улицах

тает.

Рассветает окно.
Про-па-дает
дур-ма-на
тьень!

У-с-по-кой-ся
ду-ша,
призрак бредней
ещё витает.

Лишь сознание твердит:
— человеком
вступаю
в
день!

О! Дух святой! Прошу! Приди!

О Дух Святой !
Прошу!
Приди!
Открой
в душе моей
просторы.
Моя же вера —
от любви,
и потому,
стучит
мотор мой.

От этой
трепетной
души,
касанием сердца,
да и
мыслей,
я суть хочу
понять
тиши,
и громогласный возглас
с выше.

Ведь он один
не победим.
хотя,
не верую
я в бога,
и много ведь
таких
как
мы,
в душе своей
таим
тревогу.

А, как же целая Страна?
Её люблю,
не отвергаю,
но,
сколько
можно
нас
ломать?
(пусть поэтично рассуждаю.)

И, пусть,
в суждениях
я
строг,
но вторят мне

все «поэтессы», —
Всё подсознание
— есть
— Бог,
— законы,
космоса процессы.

Из грёз фантастики
иль снов.
Поверьте,
с ним вам
безопасней.
Стирает
всякой,
лжи
покров,
и в жизни вашей
станет, ясно.

Не отрекайтесь от любви.
И верь,
что Бог —
твоё сознание.
Кому нужны
твои мольбы,
и глас безумного
отчаянья?

Не осуждай!
Ведь это — грех.
Молись в душе
любому богу;
Природе,
людям,
помни
всех!
А, коль поэт,
молись же
слогу!

На государство?
Уповать?
Хихикнешь ты,-
Побойся бога!
Лишь смотрит,
как у вас
урвать!
Иди всегда
своей
дорогой.

Прошло то время
сладких снов,
когда слова
с делами
в связке,
а ныне,
всякий
«богослов»,
всё норовит
вам впарить
сказки...

Молись на деток,
на жену,
они, одни —
твоя опора.
Бранить
не надо
«сатану»,
и государство —
злого вора.

Молись на землю
на страну,
они — одни,
твоя
обитель,
одни они лишь
не умрут,
и мать они и
твой родитель.

О! Дух святой!
Прошу!
Приди!
И расталкуй
нам
горемычным:
— Что впереди?
Что позади?
Когда же станет
жизнь
прилична?

Я не робшу на приговор.
Но знает всё
моё
сознание:
«Что государство наше —
Вор»,
Одни
пустые
обещания.

Вот потому,
душа
кипит.

Надежда,
только лишь
на бога,
и потому,
поэт
не спит,
и молится ,
лишь
только
слогу.

Горе

Ах, сердце просило.
Ах, сердце простило,
в безмолвии томном
и трауре чёрном
и ныло, взывало,
и дико кричало,
и скорбно молчало,
куда то взлетало.
О, море! О, солнце!
Верните надежду!
Верните надежду!
И, сбросьте одежды!
О, сбросьте одежды!
Не будет как прежде!

О, море! О, солнце!
Верните начало,
но солнце молчало
и море молчало.
Любовь растворилась,
о камни разбилась,
мне всё говорило,-
любовь уходила...
И вот взбушевалась
неистовость моря.
О, боже! О, горе!
О, боже! О, горе!
И, солнце померкло...
Как раненный беркут
лежу я у моря.
О, горе! О, горе!
О, горе! О, горе.

с. Долгодеревенское

Валерий Мякушко

Кругосветная гонка

Серьёзный разговор

О-о-о! Очень рваные джинсы.

Рваные джинсы, рваные джинсы...

Эстрадная песня

— Приехали! — вышла на крыльцо Галина Петровна, когда её сын Андрей, открыв ворота, уже въехал во двор и вышел из машины.

— Здравствуй, мама! — поздоровался он, открывая багажник.

— Здравствуйте, мама! — поздоровалась и жена его, закрывавшая ворота.

— Бабушка, привет! — только сейчас вышла из машины внучка Леся, сидевшая на заднем сидении и там занятая всю дорогу гаджетом.

— Заходите! — пригласила хозяйка, задержав взгляд на голых коленях внучки, торчащих из дырявых джинсов. — Обед готов.

— Спасибо, идём!

Обед был домашним, вкусным и плотным. Внучка насытилась первая, и, поблагодарив, попросила разрешения выйти: разговоры взрослых ей неинтересны, гаджет ждёт.

— У меня к вам серьёзный разговор, — вдруг нахмурилась Галина Петровна. — Вот вы сами одеты прилично, и машина — блеск. А ваш ребёнок? Почему она у вас ходит в... рваных обносках?

— Мама! — удивились те. — О чём вы?

— Как о чём? Дырявые джинсы. Если у вас нет денег для неё, то... можете взять у меня.

— Так это же... писк моды!

— Молодёжной моды!

— Оправдываетесь? Думаете, что мы тут, в деревне, уже ничего не замечаем? Да такая одежда годится... только полы мыть.

— Дороговато обойдётся полы мыть — с дырами стоят чуть ли не вдвое дороже целых. Мода!

— Да, мода такая.

— У вас там что, крыша у всех поехала? — После паузы у Галины Петровны гнев сменился удивлением.

— Ну, мама, этот вопрос уже не к нам.

Член семьи

(забавные истории)

За забором детского сада, мимо которого я проходил, играли дети. Посёлок небольшой, группа смешанного возраста распределяла, как я понял, роли игры в семью. А что? Воображение преобразует игровую площадку в подворье, песочницу в дом, где в пластмассовой посудинке из песка можно приготовить любое блюдо... И, как у нас всех водится, взрослых и детей, по-видимому самые лучшие роли доставались самым сильным. Мама и папа — это, конечно, самые старшие, затем их дети, далее пошла лошадь, корова и даже дворовая собака — воспроизведено всё, что должно быть в нормальном хозяйстве поселковской семьи.

А вот самому маленькому мальчику, похоже, никакой роли не досталось. А ведь ему так хотелось играть со всеми вместе! И он нашёлся.

— Я буду свиньёй! — боясь отказа, с отчаянием приставал он к старшим. — Можно, я буду свиньёй?

Тра-та-та

Композитор Смычков проснулся в плохом самочувствии и дурном настроении. Голова трещала после вчерашнего «фуршета», коим завершился день, а точнее, уже ночь, что в последнее время, в гастролях, стало почти нормой, хотя было не до торжеств. Число посетителей его концертной программы с каждым разом становилось меньше, доходы падали, требовалось обновление программы. Но, как назло, никакого вдохновения, проклятый творческий застой.

Смычков ворочался с боку на бок, пытаясь найти какую-то новую мелодию, и тут уловил идущий из глубин головного мозга, пульсирующий в висках ритм «та-та-та». Он прислушался к этим звукам, и его осенило — это же новая мелодия. Не симфония, конечно, но для эстрады в самый раз. Лёгкая, быстрая или замедленная, посильная исполнителям в любом состоянии, что немаловажно для вредных условий их труда и образа жизни. Как раз то, что хорошо принимают концертные менеджеры и воспринимает неприученная умничать современная молодёжь.

Смычков вскочил, схватил нотную тетрадь.

Дело сделано, и вскоре мелодия зазвучала на концертах. Не то чтобы будоражила публику, которая возбуждалась другими средствами, но заполняла отведенное для концерта время вполне. И всё было бы в порядке, если бы однажды Смычкову не показали видеозапись концерта композитора Дудкина, этого музыкального бездаря, где звучала мелодия «тра-та-та» Это же плагиат самый настоящий!

— Ты украл у меня мелодию! — тут же дозвонился Смычков до того. — Я подам на тебя в суд.

— Это ты у меня спёр! — ответил тот не задумываясь. — Я уже подал на тебя в суд.

И вот уже два года, как Смычков с Дудкиным ходят по судам. Но там не очень разбираются в музыке, и один суд считает, что мелодии всё-таки разные: у одного «та-та-та», у другого «тра-та-та». Другой суд считает, что одинаковые: и ту, и другую можно воспроизвести одним пальцем на одной клавише.

Говорят, что тяжба скоро дойдёт до международного Гаагского суда.

Автопилот

— Андрюха, читал: автопилоты водят уже машину.

— Читал!

— Пока в тестовом режиме, на выставке, но вскоре, ясное дело, на дорогах появятся. Прогресс не остановить!

— Идёт развитие по спирали. Был у моего деда автопилот — жеребец Пегий. Так стоит деду где-то напиться, залезть в воз и, отпустив вожжи, отключиться и дрыхнуть, как тот его прямо домой привозит в целости и сохранности. Откуда бы то ни было дорогу найдёт.

— Так это — животное, а тут искусственный интеллект. Красота! Выпил, сел за руль, включил автопилот, и поехали. — Фёдор на мгновение, отведя руки вверх, отпустил руль. — На выбор куча компьютерных программ. Нажал одну кнопку — везёт домой, нажал другую — к подруге. Или приятелю, чтоб продолжить. Ха-ха! Представляешь, мент останавливает: «А ну дыхни!» А ты ему: «У меня автопилот, ему в рот и суй свою трубку». Мент злится: раньше в порошок бы тебя стёр, а тут ничего поделаться не может. Чешет свою репу жезлом. А ты глотаешь с горла у него на виду и едешь дальше как ни в чём не бывало.

— Ну ты, Федюха, и размечтался! Представляешь, сколько будет стоить этот «искусственный интеллект»? Тут уж и выпить не на что станет.

— А жаль! — подумав, согласился Фёдор.

— У меня жена такие функции выполняет, — после паузы продолжил Андрей. — Ежели едем куда в гости, то в обратный путь она за руль садится как непьющая. Правда, автопилот этот, в отличии от системы в одну лошадиную силу, сбои иногда даёт. Недавно при парковке соседнюю машину чуть не протаранила. Крику было! Так что я тоже — за искусственный... А-а-а! Стой! Фу ты! Кто ж так ездит? Ты же чуть было...

— А чего он подставляется? — кивнул на обгонщика. — Хамло! Ему, видите ли, быстрее всех надо. Сейчас я его... подрежу.

— М-да! Так я всё же за искусственный интеллект.

Пугало

— Что-то пугало твоё не очень-то пугает, — сказала жена, кивнув в окно на огород. — Дрозды как клевали, так и прибирают ягоды, залетают даже в теплицу. Воробьи подчистую склёвывают подсолнухи. Вороны, сороки шныряют ...

Я выглянул в окно — действительно так, резвятся птицы, не боятся.

— Надо что-то сделать, — настаивала жена. — Не то они в твоей страшной-престрашной соломенной шляпе и гнездо совьют.

— Сейчас что-нибудь придумаю, — подумав и берясь за бумагу, сказал я.

Удивил жену, нарезав листочки, сделав в них надписи и навесив на чучело — на мятую шляпу, на рваный галстук, дырявые пиджак и брюки.

- Смешной ты! — так отреагировал на то жена, однако обратила внимание, что птицы, подлетая к чучелу, стали тут разворачиваться и без промедления покидали сад.
- Как это ты? — крайне удивилась она.
- А навесил ярлыки. Шляпа — 200 евро, галстук — 100 евро, пиджак — тысяча долларов... Как в нашем элитном магазине. Народ, увидев там такое, тут же разворачивается на выход. Это и навело мысль.
- В нашем элитном? Тогда ты продешевил.
- Ну... здесь же секунд хенд, однако.

Цитрус

Живём мы с тещей, Капитолиной Петровной. Скажу сразу: существующие анекдоты про тещу к ней отношения не имеют. Живёт она в отдельной комнате, в наши дела со своими советами не вмешивается. Сидела там и тихонько смотрела по телевидению сериалы — все серии подряд без пропусков. Выйдя к ужину или чаепитию, пыталась что-то рассказать из виденного, но ничего связного не получалось, отчасти потому, что то, как развивались и чем завершились запутанные отношения некоего Педро с некой Заурой и их многочисленными семьями, нас не очень интересовало.

И вот всё изменилось — то ли отечественные сериалы до двухсот серий недотягивают, то ли разницы между ними никакой, но теща вдруг увлеклась... политическими дебатами. «Время покажет», «Право голоса», вечера с Владимиром Соловьёвым... Где кипят страсти между восточниками и западниками, патриотами и космополитами, либералами и социалистами, журналистами и общественными деятелями, политологами и экспертами, да такие, что порой никто никого не слушает и говорят все сразу. Страсти, по-видимому, заводят и слушателей, потому как теща время от времени выскакивает из своей комнаты с круглыми глазами:

— Премьер греческий Цитрус каков: приехал к нам почти как брататься, а отбыл и ко всем санкциям против нас присоединился...

Гм! Если в Греции растут цитрусовые, то не значит, что премьер-министр цитрусовый.

— Ципрас? — поправляю её. — Так у них свои проблемы: аномальная жара и пожары, а у нас свои — от дождей Дальний Восток затопило. А вообще даже лучшие наши друзья испаряются, как только увидят морковку побольше.

— У Тимошенко рейтинг уже стал выше, чем у Порошенко...

— Два сапога... — Хотел сказать «пара», да Тимошенко ведь особа женского пола, и поправляюсь: — Сапог и туфля — из одной коробки трюфеля.

— В Китае в пятый раз за год снижаются цены на бензин, а у нас только растут...

— Так... китайцы нефть импортируют, а у нас она своя. Что хотим, то с ней и делаем.

Теща исчезает в своей комнате, чтоб через некоторое время появиться снова:

— Трамп какой: с Путиным в Хельсинки разговаривает, а на стоящую за его спиной жену Меланью ноль внимания...

— А нечего в служебные командировки за мужем увязываться. Чтоб демонстрировать свои наряды.

— Скажешь такое! — тут уж жена моя присоединилась. — Мама с тобой серьёзно, а тебе всё шуточки.

Против двоих не попрёшь, сдаюсь. И думаю: когда же вновь появятся много-много-серийные сериалы?

Кругосветная гонка

— Подъём нужен, решительный рывок вверх! — сотрясая натянутые канаты гондолы, уже в который раз произнёс капитан. — Отстаём! Смотрите, китайцы поперли вверх, американцев скоро обгонят. Индийцы тоже... Наш же аэростат не хуже!

— Так мы на высоте идём, где нет попутного ветра, — пояснил штурман. — Поднимаемся, но едва заметно, совсем чуть-чуть. И никак из этого застойного слоя выбраться не удаётся.

— Лишний груз потому что у нас! — сказал техник.

— Где же лишний? — возразил штурман. — На горном перевале, чтоб не зацепить хребет, вон по совету, — кивнул он на безучастно сидящего под бортом на дне гондолы увесистого господина, непонятно зачем оказавшегося в команде, — моторчик сбросили, баллон с газом... Оружие, что ли, осталось сбросить? Под низом джунгли, вдруг вынужденная посадка. А там крокодилы, ягуары...

— А он готов всё сбросить! — кивнув на толстяка, отозвался пожилой бородатый монтажник. — Лишь бы самому остаться.

— Разговорчики! — пресёк возникающий в команде раскол капитан.

— Мы не то, что не догоним, но и океан потом не пересечём, — помолчав, мрачно произнёс штурман. — Надо кому-то из экипажа прыгивать. Смотрите, китайцы, похоже, уже так и сделали.

— Они это могут!

— И американцы, как увидели, что их те настигают, похоже, тоже готовятся.

— Гонки есть гонки!

— Смотрите-смотрите! Янки, кажись, своего капитана собрались сбросить. Парашют на него надевают. Вот это да!

Импичмент? Ха-ха!

— Глянь, тот, похоже, сопротивляется.

— А у нас кому прыгать?

— Как кому? Самому толстому.

— Ещё чего захотели! — отозвался тот. — Я тут не для того...

— Так ему и парашют нужен как танку!

— Да, не хотел я этого, но вынужден признать, кому-то придётся прыгать, — согласился с такой необходимостью капитан. — Иначе снижение неизбежно. Но только давайте так, чтоб было по согласию.

— Штурману нельзя, — сказал техник.

— Технику тоже, — сказал штурман.

— Деду тогда, что ли? — воскликнули они оба. — Так у него — кожа да кости. И... пенсионер почти что.

— Рано такому молодцу думать о пенсии! — сказал капитан, подавая парашют.

г. Снежинск

Михаил Рудковский

ДТП

В одноместной палате реанимационного отделения, святая святых любой больницы, лежал обклеенный датчиками человек с идущими к нему многочисленными проводками и трубочками. Из рта торчала толстая трубка, соединённая с аппаратом искусственного дыхания, который противно шипел и чмокал, но надёжно дышал вместо пострадавшего. Над кроватью мигали лампочки приборов и ползли зубцы электрокардиограммы. Ещё недавно это был спортивного вида молодой человек, Ходов Глеб Петрович, а теперь было то, что от него осталось. Всего несколько часов назад он наслаждался вкусом губ любимой девушки, любовался простором хлебных полей, восхищался красотой летящей навстречу птицы, с удовольствием вдыхал ароматы умытого летним дождём леса. И всё исчезло в один миг. Грохот, лязг, мгновенная боль и мрак. У человека сохранилось лишь тёплое, перештопанное во многих местах тело, жизнь в котором поддерживало упрямое сильное сердце, без усталости продолжавшее своё благородное дело. Ему помогали, в силу своих возможностей, земные ангелы в голубых сатиновых костюмах, привыкшие к стрессам врачи-реаниматологи. Различными лекарствами они пытались разбудить уснувший после травмы и операции мозг. Наступила ночь. Для нормальных, здоровых людей. Он же не мог этого знать. Глубокая, бесконечная, тяжёлая темнота поглотила сознание, которая спрятала от него живой окружающий мир и в то же время надёжно защитила от мучительного страдания, от жуткой боли.

Прошло несколько дней и ночей, наполненных бесконечными молитвами верующей матери и бесчисленными чашками крепчайшего врачебного кофе. Глубокая кома — сон травмированного мозга не отпускал молодое тело из плотных липких объятий небытия. Доктора полагают, а бог располагает. То ли Всевышний услышал горячую молитву убитой горем матери, то ли врачебное искусство в союзе с жизненной силой, заложенной природой, а быть может, и то, и другое; но как-то на рассвете, когда даже привыкшие к бессонным ночам, сёстры задремали, его ресницы дрогнули. Постепенно чугунно тяжёлые веки разлиплись и в появившуюся щелку пробрался слабый молочный жалкий свет, дежурной лампочки-ночника. В уши нырнул едва различимый звук, дающий сигнал мозгу для его анализа. И несколько его клеток откликнулись, стали работать, вовлекая в неё соседние области. Он вдруг понял, что может думать. Думай скорее, пока мозг не устал.

— Где я? Что со мной? Где Светлана?

Вдруг с тоскливой туманной ясностью в сознание пробрался смысл услышанных слов. Неприятный, скрипящий как несмазанная телега холодный трескучий голос шипел, ныл и настойчиво требовал:

— Ну чего ты за него цепляешься? Кому он теперь такой нужен, с дыркой в голове и парализованными ногами? Отдай его мне. Я положу его в шикарный гроб из красного дерева, отделанный бархатом; усыплю цветами, губы подкрасим, щёки подрумяним, красавец красавцем. А сколько хороших, справедливых и заслуженных слов будет сказано, честно и откровенно. При жизни такого не услышит. Отдай его мне!

— Старая! Ты не туда попала, совсем, что ли, чутьё потеряла? Или объелась? Мало тебе сотен тысяч молодых парней, убитых в современных локальных войнах, так ты ещё и по автомобильным дорогам рыщешь. Нет, неуважаемая! Этого парня я тебе не отдам. Он даже отцом не успел стать. Это же богатенький обкуренный молокосос вылетел на встречную полосу, ну и что оставалось делать? Парень рванул влево и полетел в овраг. А в «мерседесе» сидело пять человек, в том числе двое детей. Он же жизнь им спас, а сам...

Убаюкивающий тёплый голос, который он уже где-то слышал, прервался глубоким вздохом.

— Пока я здесь, пока его горячая кровь согревает меня, пока его любящее сердце работает, пока нейрохирурги и реаниматологи борются за его жизнь, и не надейся. Он мой! Он ещё живой и будет жить. Складывай свою жизнелюбивую и уматывай.

В ответ послышалось ехидненькое хихиканье.

— Хи-хик, отцом-то ему в любом случае уже не быть. Отцовка не работает. С травмой позвоночника теперь только памперс, и никаких отцов. Ну ничего, я терпеливая. Могу и подождать. Может случится, что от такой жизни он сам меня позовёт.

Голоса размылись и растаяли. В просыпающемся сознании сформировалась зыбкая мысль:

— Это же они обо мне спорят.

Мысль мелькнула и погасла, так как мозг был ещё не в состоянии её надёжно сохранить. Слова возникали, непрочно сцеплялись и быстро распадались, не успев создать какое-нибудь понятие.

За пять дней до этого он проснулся утром рано, и первая же мысль обожгла тревожной радостью. Сегодня он сделает предложение. Бархатная коробочка с заветным колечком уже давно ждёт своего часа. Глеб сразу приготовил её после той невероятной ночи на даче. Но никак не решался. Целоваться, подчиниться страсти — это одно, а согласиться стать женой — это совсем другое. Маме она понравилась. Хорошо бы с отцом по-мужски посоветоваться, но он далеко, в другой семье. После облегчённой зарядки Ходов появился на кухне в праздничном костюме, в галстучке.

— Ты чего это выпендрился, — удивилась мать, — и сияешь как новый пятак?

— Ма, я решился! Еду к Светлане с предложением. Как думаешь, не откажет?

— Наконец-то! Слава богу. Я рада за тебя. Она хорошая девушка и давно ждёт этого. Только учти, обижать её я тебе не дам, а то вы, мужики, народ известный, вначале...

— Ну, мам, чего ты опять...

— Ладно, ладно, не буду. Раз решился, значит, так тому и быть. Вам жить.

На старенькой «десятке» он прикатил к общежитию мединститута с букетом алых роз. Были радостные визги вездесущих подруг, недавно обсуждавшие, что делать, когда узнали, что Светка «залетела». Кричали «ура», стреляли шампанским. Избранница, мечтавшая об этом часе, смущённо спрятала лицо у него на груди. Набившиеся в комнату студенты неожиданно заорали «горько», и они с удовольствием подчинились.

— Давай сейчас удерём куда-нибудь за город, — шепнула счастливая невеста.

— Давай!

Сцепившись ладонями, они выскочили на улицу.

— Не спеши! Остановись! Прошу тебя. Пожалей хотя бы её, — прошелестело в правом ухе, словно ветерок запутался в листьях.

Глеб от неожиданности замер возле машины и оглянулся. Никого не было. Что-то кольнуло у сердца, и слегка закружилась голова.

— Ну что ты встал? Поехали. Я придумала. Обвенчаемся в какой-нибудь загородной церквушке. Сегодня договоримся о дате, ну а потом уж студенческая свадьба.

— Замечательно! Прошу, мой ангел, — и широким жестом открывает дверцу, — прокачу с ветерком.

— Меня катать не надо, я всегда с тобой, но ты меня не слушаешь. Остановись, умоляю. Чёрные тучи на горизонте... ну, хотя бы пристегни её.

— Да что это сегодня со мной? Переволновался, наверное, вот и чудятся какие-то голоса.

- Прости! Я предупредил. Дальше всё зависит только от тебя. Согласен?
— Согласен, согласен, — невольно сорвалось с языка.
— С чем ты согласен, Глебушка?
— С тобой, конечно, согласен обвенчаться... пристегнись.

Светлана пожалла плечами и внимательно посмотрела на жениха, который, как-то растеряно оглянувшись, встряхнул головой и сел за руль. Включил музыку. В машину ворвался хриплый голос его кумира Высоцкого: «Чуть помедленней кони, чуть помедленней...»

- Вот, даже твой любимец просит тебя: не гони, чуть помедленней...

Но Глеб, в упоении от скорости, утопая в радости от взаимной любви, уже не слышал голоса своего ангела-хранителя.

Вскоре они покинули город, и в приоткрытое окно автомобиля ворвались пьянящие запахи умытого дождём леса, высокого в это лето, скошенного травостоя и грибного духа. Он взглянул на невесту. Сияющие с огоньками внутри глаза, поток волос цвета калёной меди, раскинутых на плечах, улыбка чуть приоткрытых губ делали Светлану трепетно прекрасной и неудержимо желанной. Таинственная женская сила влекла, туманила мозг, толкала на подвиги. Стрелка спидометра замерла на цифре 100. Он почувствовал непреодолимое желание поцеловать её и, наклонив голову, сложил губы в розовую розетку. Светлана засмеялась и чмокнула в щёку.

- Смотри на дорогу, не торопись.

Этого было мало, почти ничего. Держась за баранку одной рукой, Глеб привлёк её к себе, и они замерли в страстном длительном поцелуе. Вдруг краем глаза он увидел летящий им навстречу лоб в лоб «мерседес». Хватило мгновения, чтобы рвануть руль резко вправо и вылететь с дороги прямо в овраг. Машина беспомощно закувыркалась и замерла колёсами вверх. Боли не было. Просто мрак ворвался в его жизнь.

* * *

В ноздри медленно вползали лекарственные запахи. Шуршащие звуки аппарата искусственного дыхания ритмично раздражали слух. Свет едва пробирался между неплотно сжатыми веками. Всё тормозило, торпедировало клетки головного мозга, формируя ощущения, понятия и даже путаные мысли. Но сил не было. Почти не было. Он быстро уставал, и просыпающееся сознание вновь стало угасать. Глеб даже не успел понять, что не чувствует ног. Но внутренний слух ещё улавливал, или ему так казалось, какие-то знакомые голоса.

— Видишь! Божье проведение всеильно. Ему лучше. Ищи себе клиентов в другом месте. Мы тебе его не отдадим!

— Не спеши, душевная! «Ещё не вечер», как пел Высоцкий. Сил-то почти не осталось, а чтобы встать на ноги, надо силы и не малые. Да ему и встать-то не на что, хи-хик. Ноги-то тю-тю, не работают.

— Как ты мне надоела, похоронная твоя доля. А любовь! Ты даже не представляешь, что может сделать любовь. Он же предложение невесте сделал. Ну, той девушке, которая благодаря пристёгнутым ремням отделалась ушибами.

— Охо-хо. Тили-тили-тесто, жених и невеста. Поминальный стол пора накрывать, а они о свадьбе талдычат. Трудно понять этих людей.

Пришёл невропатолог. Заглянул в глаза, постучал молоточком по ногам, почиркал его рукояткой по животу, поколол иголкой и покачал головой.

— При такой травме головного мозга можно считать чудом то, что всего через неделю появились признаки сознания, а вот с ногами дело швах. Спинной мозг молчит. Надо ждать. И ещё! Нужна встряска нервной системе. Пропустите к нему невесту, пусть порадуетя.

Глеб слышал голос врача, но никак не мог уловить смысл сказанного.

Светлана чуть не упала в обморок, увидев его в таком состоянии, но, собравшись с духом, взяла за руку. Он открыл глаза и застонал, указывая на аппарат. Пришёл врач, попросилжать ему руку и довольно хмыкнув, отключил систему, удалив из трахеи трубку.

Потянулись мучительные дни медленного выздоровления. В палате постоянно дежурили по очереди мать и невеста, но Глеб упорно отказывался от помощи последней.

— Не приходи больше. Я не хочу тебя видеть, — кричал он, а после от отчаяния в кровь кусал губы.

Наконец, она не выдержала

— Дурак! Я люблю тебя, и у нас будет сын, — выпалила и первый раз заревела в голос. Глеб опешил.

— Какой сын? — И в это мгновение острая боль пронзила правую стопу.

— Больно! Мне больно! —сквозь слёзы заорал он так, что перепугал весь персонал. Прибежал врач, поколол иголкой.

— Больно, и здесь больно, и здесь...

— Ходов! Ты, наверное, родился в рубашке. Спинной мозг заработал, теперь ты точно встанешь на ноги в самом прямом смысле этого слова. Я всегда верил, что наши старанья в союзе с божьими силами и любовью почти всегда приводят к успеху.

Заведующий реанимационным отделением пожал плечами и буркнул:

— Бред какой-то, но я склонен верить в это.

г. Челябинск

Татьяна Ческигова

Я старую папку достану

* * *

Расцветено утро небесным востоком,
Но время уже нарасхват,
И улицы людным бурлящим потоком
Навстречу юдоли спешат.

Бросают трёхцветный укор перекрёстки,
Их взор неподкупен и строг.
И стелятся под ноги зебры полоски
На серую кожу дорог.

А помнишь вчера? Тишина в переулке
Дышала сквозь спелость рябин,
И вечер угадывал в нашей прогулке
Мелодию двух половин.

Щиплют небо облака,
Сбившись овцами в отары,
А под ними седока
Вдаль несёт коняга старый.

Дышит пажить муравой,
Мошкаркой зудит прохлада.
Рыже-пёстрою толпой
По росе уходит стадо.

Сливки поданы к столу
Непременным атрибутом,
Низко кланяюсь селу
В городской квартире утром.

Знаки зимы

А. В. Куницыну посвящается

*Я не в свои не сяду сани —
Уж лучше я пешком пойду..*

А. В. Куницын

«Я не в свои не сяду сани —
Уж лучше я пешком пойду...»
Но буду волен, у терзаний
Не волочась на поводу.

Нужда не мать, но крепнут силы,
Острее правда, жизнь густа,
И сердца пылкого посылы
Слетают строчками с листа.

Уста не юноши, но мужа.
Руда оплавится в металл,
А слово?.. Слову очень нужен
Из чистой совести кристалл.

Лишь у земли родной во власти
Душе сокровищ не счесть.
Урал — моё земное счастье,
И в этом счастье весь я, весь.

* * *

Травы, травы... Петухи
Заливаются далече.
Пёс пастуший от блохи
Телеса зубами лечит.

Туч воспаление,
Осень в бреду.
Столпотворением —
Листья в саду.

— Время строптивное,
Сердцу не лги,
Глупо дождливые
Ждать четверги.

Белыми перлами,
Будто займы,
Сыплются первые
Знаки зимы.

* * *

Стынет осень. Покрова.
Льются перезвоны.
Относили деревья
Яркие фасоны.

Утро чудной новизной
Смотрит к нам в окошко.
В серебре — газон с травой,
В серебре — дорожка.

Это зимушка-душа —
Белые реснички —
Сыплет наземь не спеша
Снег из рукавички.

* * *

Время прежнее, где ты?
Нынче Родины суть перестрочена.
Совесть, честь — раритеты,
А законы — народу пощёчина.

Время прежнее, где ты?
Ненадёжное завтра злорадствует.
Слышишь, пилят бюджеты,
Безраздельно владеют и царствуют.

Приболела Россия,
Не посеяно во поле зёрнышко.
Чахнет периферия,
На подворье ни пуха, ни пёрышка.

Одолели налоги,
Словно блохи дотошные, множатся.
Я держусь до изжоги,
Я России и дочь, и заложница.

Во власти хвойного сезама

За кладбище в берёзовом убранстве
Лежал мой путь в июльскую жару
Туда, где в стародавнем постоянстве
Поёт сосна в реликтовом бору,

Где мшистыми коврами бродят лоси,
Косули чутким ухом ловят тишь,
И солнечного зайца где-то носит
В проплешинах теней, не уследишь.

И нет для сердца лучшего бальзама
Чем этот — заповедно-потайной,
Где я во власти хвойного сезама
У Каменной Санарки за спиной.

* * *

Рассвет во всей красе —
Смотри и пой.
Я кланяюсь росе,
Туман — фатой.
И холод бередит
Лесную грусть,
Но мой немой визит
Приметит груздь,
Зароется в листве
И станет ждать.
А я по трын-траве
Крадусь как тать.
Берёза скрипнет вдруг
И тишина...
Корзина — старый друг —
Полным-полна.

* * *

А лето в медном купоросе
Ещё полощет неба гладь,
Но август обречён на осень.
Уже поставлена печать
Печатным пряником медовым
На чайном столике в саду,
И горизонт крылом свинцовым
Несёт дожди. А я краду
Остаток дня, ещё смакуя
Тепло небес. И может быть,
Когда-нибудь вот так смогу я
Безмерно осень полюбить.

* * *

Август танцует на краешке лета.
Яблоки просятся с ветки на стол.
Я напитаюсь улыбкою света
Солнца, вошедшего вновь на престол.

Нет, не пришло ещё времечко, видно.
Много в туман утечёт ли воды?
Лето по тропкам уходит, обидно.
Сад бесшабашно роняет плоды.

Будет и мне по делам благовидным
Лёгкое платье душе, а сейчас
Булькает в старой кастрюле повидло.
Близится, близится Яблочный Спас.

Аракуль

А ветер на ушко...
Аракуль как блюдец
С шафрановым солнцем.
Навариста юшка,
И музыкой вьются
Комарики-звонцы.

Костры и палатки,
Подруга-гитара,
Весёлые лица.
И сосны-мулатки
Такого загара,
Что ночью не спится.

А завтра с восходом
Не к водам, а к сводам
Нас ждёт восхождение.
С берёзовым взводом
По горным породам
Под сердцебиенье

Вспотеет футболка.
— Прости, что незвано,
Покой твой нарушен,
Но, знаешь, надолго
Во власти Шихана
Останутся души.

* * *

Что за сила такая в природе
 В этих дивных уральских местах?
 Нынче Турция, Греция в моде,
 А у нас всё Шихан на устах
 И Аракуль, что стылые воды
 Бескорыстно бросает к ногам,
 И закаты свои, и восходы
 Посвящая божественно нам.
 О цене здесь иные понятия,
 Наши души на чаше весов.
 И смотрю я со скал на распяты
 Цвета неба среди гор и лесов.

К 100-летию комсомола

За окнами снежная пудра
 На жёлтом плаще октября,
 И это особое утро
 Волнуется, память бодря.

Летá в неизвестность не канут.
 Из шкафа, где книг толкотня,
 Я старую папку достану,
 В которой частичка меня.

Потёртый картон и завязки
 Крепки на советский манер.

Я той ещё... старой закваски,
 Я родом из СССР.

Достану с обложкой неброской,
 Как жизни бесценный клочок,
 Мой юный билет комсомольский,
 Мой ленинский алый значок.

Припомню чудесные годы,
 Где нами дышала страна,
 Где пели, как братья, народы:
 «Любовь, комсомол и весна!»

Где молодость, честь и отвага —
 Почётная жизни ступень.
 Мы клятвы давали у стяга
 И верили в завтрашний день.

Нам далее космических снилась
 Мечтой покорённая высь.
 И сердце горячее билось,
 И руки к работе рвались,

Взрастив города и заводы,
 Трудом подчинив целину.
 Зернились со временем восходы,
 И знамя труда и свободы
 Зарёй обнимало страну.

г. Троицк

Владимир Яковлев

Небо-осень с глазами, полными дня

* * *

И прочее ничтожно
 Собою сочтено
 Так глаз в ночи тревожно
 Глядит в своё окно
 И зеркалам разбитым
 Нет смысла нам солгать
 Произнося мы квиты
 И глазу не объять
 Ни каверзной улыбки
 Ни крыльев голубей
 Всех параллельных линий
 Окраин площадей

* * *

Небо-осень с глазами полными дня
 Чиркало спичкой взявшейся ниоткуда
 Зеркало ветра бродило себя бередя
 Неочерченное в бессловесное чудо
 Наравне с воров признающим метель
 Произнося молитву созвучную с годом
 Я задал вопрос что с нами будет теперь
 Замечая себя проходящего ангельским
 бродом.

* * *

Когда думаешь что сентябрь это формула потери
 В другом иносказании где свет благополучен и чист
 Где в доме глушат водку забыв закрыть двери
 И маленький мальчик на полу сгибает в самолёттик лист
 Там близость воды настраивает на ожиданье
 И смысл каждой вещи необратим и прост
 В безликом созвучии молодости и оправданья
 Падающей листвы на унылый погост

г. Озёрск

Так пройти до конца

* * *

Бывают минуты
усталости, вязкой как глина,
Заботы тебя
прижимают к житейскому дну.

И воздух удушлив,
и суетной жизни рутина
Подобна болезни,
тягучему серому сну.

Безрадостный день
пропадает бездарно уныло,
Владеет душою
безделья унылого плен.

И только молитва —
молитвы живительной сила
В таком испытанье
тебя поднимает с колен.

Живым кровотоком
опять наполняются вены.
От искренних слов
и в душе, и в глазах горячо.

И воздух свежее,
и враз раздвигаются стены:
Под груз твой тяжёлый
Отец подставляет плечо!

Слезам благодарности
места в душе не хватает.
Молиться Отцу Милосердному
не надоест.

Он любит, Он слышит,
Он все твои горести знает,
Он вместе с тобою несёт
твой спасительный крест.

* * *

Благодарю Тебя, мой Боже,
За счастье видеть красоту
Земного дня и ночи чудо.
За драгоценную звезду,
Что в час предутренний блистает,
Холодной нежностью маня.
Что, мира больше не кляня,
Душа с любовью всё вмещает,
И сердце дух мой возвращает
К Тому, кто любит так меня!

В преддверии страстной седмицы

Я, конечно, уйду,
Как уходят другие,
Навсегда перейду
Тот последний рубеж,
За которым есть рай,
Где поля золотые,
Где покой преисполнен
Блаженных надежд.

Мне покажут его,
Проведут непременно
По душистым садам
С ароматом из роз.
Но смогу ли забыть
День земной незабвенный —
Мир страданий и боли,
Мир печали и слёз.

Я, конечно, уйду,
Как уходят другие,
Не сумею никого
Уберечь от разлук
И оставлю любовь
Вам, мои дорогие, —
Только ею спасаются
Души от мук.

Но пока я живу
На планете печали,
Я не стану бояться
Последнего дня.
Сердцем знаю, что там,
За чертой, повстречаю
Тех, кто любит и ждёт,
Тех, кто верит в меня.

Но пока я живу
На планете печали,
Мне бы только суметь
Так пройти до конца,
Чтобы мысли мои
Преткновеньем не стали
В исполнении верном
Заветов Отца.

И тогда я уйду,
Как уходят другие,
За спиной оставляя
Последний рубеж.
И откроет мне Пётр
Врата золотые,
За которыми Вечность
Блаженных надежд.

Наталья Дубровина

Ах ты, зять, ты наш зять

Ловелас

Заядлый в жизни ловелас,
Чужих любитель жен,
Сигал с балконов и не раз,
Лез просто на рожон.

Победам пошлым вел учет:
Когда, и где, и с кем?
Своей семьи не создавал:
К чему она, зачем?

Экстрим любовный обожал,
Скрываясь от мужей,
Но от судьбы не убежал:
Инфаркт догнал, ей-ей.

Зятек

Ах ты, зять, ты наш зять,
Разлюбезный зятек.
Сядем дружно за стол
И нальем по чуток.

Ты у нас юбиляр:
Разменял сорок лет.
Принимай от гостей
Поздравлений букет.

Ах ты, зять, ты наш зять,
Вряд ли лучше найдешь!
И умен, не болтлив
И собою хорош.

За тобой наша дочь
Как за крепкой стеной.
И для нас, стариков,
Словно сын ты родной.

Ах, зятек ты, зятек,
Разудальный наш зять.
Поговорка гласит:
С зятя нечего взять.

Да и впрямь что возьмешь?
Все что было — раздал.
А просили б, еще и
Рубашку бы снял.

Ах ты, зять, ты наш зять,
Разлюбимый зятек.
Получился у вас
Распрекрасный внучек.

Так живи до ста лет,
Все, что нужно, имей.
Пусть семья с каждым днем
Будет крепче, дружней.

Гостья

Гости бывают зваными,
Любимыми, долгожданными.
А я приняла нежданную,
Неведомую, нежеланную.
Змею почти двухметровую
В своем саду увидала,
Как царственная особа
На клумбе она возлежала.
Грела бока на солнышке
И ароматы вдыхала.
Цветную свою головку
Она величаво держала.
Вела себя очень вежливо
И будто меня изучала.
Цветы в реверансах склонились,
Свою красоту обнажая,
И визитершей гордились,
Нектаром ее улажая.
Но я, проявив малодушие,
С места встречи сбежала.
Ну явно была не готова,
Радушие враз отказало.
Божье ли это знамение,
Хозяйки ли гор игривость?
В это трудно поверить,
Но это со мною случилось.

Новорусский

(комментарий к сериалу)

Ты когда-то предал
Неземную любовь...
Стать богатым мечтал
И купился за грош.

Ты им стал, обокрав
Тем себя и свой дом.
Ты бежишь из него,
Трудно дышится в нем.

Ты бежишь от себя,
От родного «огня».
И напрасно глазами
Всюду ищешь меня.

Ты жену предаешь.
Жаждешь пошлых утех.
У продажных друзей
Ты имеешь успех.

Но страдает душа,
Долгой кажется ночь.
Подрастает уже
Твоя старшая дочь.

Ей, возможно, судьбы
Ты желаешь иной:
Чтобы «сладко» жилось,
Но в душе был покой.

Но не купишь ты ей
Счастья длинным рублем.

И ее предадут
За каким-то углом.

Ты когда-то мечтал,
Ты когда-то предал...
Но себя навсегда,
Навсегда потерял.

п. Увельский

Виктор Калугин

За гранью этой и другой

* * *

Не беру я никогда чужого, —
Эта ноша мне не по плечу...
Мне бы крынку молока парного
К пышному из печки калачу.

А старуха у печи хлопочет.
Взоры то и дело отводя,
Недоверия угли ворочит,
В тати меня тайно возведя.

Нет за мной, хозяйка, тёмных мыслей.
Если не по нраву — прогони.
Не держу за пазухой корысти...
Напугал, за это — извини.

Не беру я никогда чужого:
Мне и своего не унести:
Годы влагу с родника живого
К древу своему несусь в горсти.

* * *

Как-то раз погожим утром
У стопы сакральных скал
Я у деревца бездумно
Ветку юную сломал.

Что тут стало: грозный ветер
Заревел, с высоких круч
Опустился серый вечер,
Дождь полил из хмурых туч!

Затрещали стволы, кроны
Зашумели, наклонясь...
Я твои порушил коньки!
Джива², покарал меня!

* * *

Закат полощется в реке
И отражением иллюзии
Скользят в небесном челноке
Люди.

И не понять, и не узреть
Границ реальности; играет
Кристалла огненный секрет
В грани.

Что если грани обогнуть
Лучом извиристо-лучистым,
Откроется ль мне новый мир?
Чистый.

За гранью этой и другой
Миры в сияющей огранке:
Закат приходит спозаранку,
Чужой...

А мой угас в речной волне.
Мрак опустился чёрной ризой.
И смех игривый звонко брызнул
В челне.

* * *

Что мы знаем о поясе каменном?
Что мы знаем о тверди небесной?
Если даже душе покаянной
В брэнном теле темно и тесно.

Нам ли, сирым, мечтать о вечности?
Если в собственной жизни короткой
Лбами бьёмся в ворота грешности
Упокой заливая водкой.

Не пора ль не взывать к Всевышнему,
А землице родной покаяться
Да рубаху отдать ближнему
И сомненьем души не маяться.

Да зажить вопреки «санкциям»:
Возлюбив, обретёт обрященный,
Вопреки неумным бряцаньям,
Сохранив колосок возвращенный.

г. Магнитогорск

¹ Кон — изначальное целое истинное сотворённое Богом (испокон веков).

² Богиня Джива (Дева Жива, Дива, Сива) — Богиня вечной вселенской жизни, богиня младых и чистых душ человеческих.

Светлана Богомолова

Случилось чудо — и себе не верим

Сон

Будто лодочка плывёт —
Вёсла-облака.
И ведёт меня вперёд
Боженьки рука.
Проплываю я во сне
Чьи-то берега.
Вижу, машет мне в окне
Мамина рука.
Брат с сестричкой — они
В возрасте младом.
Светят в окнах мне огни —
Наш родимый дом.
Замечаю папин взгляд
И его глаза.
Повернуть уже назад
Мне никак нельзя.
Слышу бабушки слова
И её завет:
«Светка, я ещё жива,
Смерти, Светка, нет».
Всё плыла себе, плыла —
Вёсла — облака.
То ли я была мала —
Лодочка легка.
...Вдоль светящихся окон
Незнакомый путь.
А вернусь ли я в тот сон
Хоть когда-нибудь?

Чудо

Бабочки в коконе,
бабочки — без...
Так происходит
жизни замес.

Чудо рожденья —
взмах крыльев,
и взлёт!
Хрупкость и нежность.
Чуда полёт.
Прекрасны они,
беспечно летают,
С цветка на цветок
ловко порхают.
Крылья у них
ярко расцвечены,
Чтоб не остались они
незамечены.
И верю я в то,
что чудное это
Всем на прощанье
дарит нам лето!

Малиновые серёжки

В природе зима ворожила —
Стужа в самом разгаре,
А в комнате радость кружила —
Цветы на окне расцветали.
Малиновые серёжки
К свету тянулись неистово.
Чудо — цветок на окошке
С названием «декабрист».
Исчезла куда-то усталость,
Сбежала без замедленья,
Волнующим всё казалось,
Таинственным на удивленье.
А стёкла мороз разукрашивал,
Где цвёл «декабрист» на окошке,
Радость в себе вынашивали
Малиновые серёжки.

Память

Воду памяти пью
из забытого всеми колодца.
Были весны — о них
мне теперь лишь мечтать остаётся.
Помню долгие ночи — ты в них
мне стелил из подснежников ложе.
Помню сильные руки твои —
нёс меня ты лесным бездорожьем.
Помню жадные губы, меня
целовавшие нежно и сладко.
...А сейчас предо мной
из листьев пожелтевших тетрадка.
За окном промелькнёт,
меж проплакавших туч неба просинь.
Опускаясь с заоблачных круч
я стихи сочиняю про осень.
Воду памяти пью — вспоминаю улыбку твою.

След

Разрезая небо —
 как ножом по маслу —
 Самолёт пронзает
 голубую массу.
 Чирк на небе голом,
 отблеск вечной тайны,
 Кто-то мелом словно
 поиграл случайно.
 Лайнер скрылся быстро,
 чёткий след растаял.
 Поднебесной искрой,
 открывая тайну.
 Всё совсем не вечно.
 Только был и нет.
 На земле отмечен
 жизни чёткий след.
 Жил, любил, трудился...
 След на небе скрылся...

Маэстро

Среди лесов наш городок затерян,
 И до столиц путь далеко не близкий.
 Случилось чудо — и себе не верим,
 Нас посетил маэстро,
 сам Вертинский.
 На сцене человек в цилиндре. Фото.
 У микрофона тоже он...
 Стихи читает.
 Я знаю точно, этот Он — не кто-то —
 Пьеро Вертинский в душу залетает.
 Прикован взгляд к рукам, перчаткам белым,
 Они порхают плавно, вторят строкам.
 Стихи он декламирует умело —
 Сочувствую, какой он одинокий.
 Париж. Любовь. Вино течёт рекою,
 А дамы! — эти дамы на экране.
 И кокаиновой безумною строкою
 Открыто делится он этим с нами.
 Вот на экране прошлого эпоха...
 Двадцатый век мелькает рядом с нами.
 И сам Вертинский —
 вскриком или вздохом —
 Вернул на миг нам красоту стихами.
 г. Трёхгорный

Марина Овчинникова

Вина не искуплена, но всё равно

Та настоящая, простая

Поляна в платье ярко-жёлтом меня приветливо встречает,
 Раскинув жаркие объятия под небом чистым широко.
 Нет ничего... лишь жажда жизни и красота родного края!
 И мне так хочется смеяться по-детски звонко и легко!

Я босиком по тёплым травам в истому нежности ступаю,
 А надо мной витают строки стихов забытых и поэм...
 Я в мире этом ярко-желтом та настоящая, другая,
 С улыбкой искренней и верой в начало добрых перемен.

Романс

Черно-белые клавиши помнят твои теплые юные руки,
 На концерте к ним прикасался так волнующе, нежно романс.
 Растревожили наши мысли невесомые чистые звуки,
 Ото сна пробуждались чувства, подо льдом живущие в нас.

Я сидела в ряду последнем, свежесть музыки сердцем вдыхая,
 Мне казалось, что я планета, вдохновленная солнечным светом.
 Ты играла о чувствах глубоких, ничего о любви не зная,
 И о жизни совсем не зная, приоткрыв мою душу при этом...

Бабушки

Духовой оркестр в объектив не входит —
Вечером раскинулся в парке широко.
Бабушки нарядные тяжело так ходят,
Но зато танцуют просто и легко.

Бабушки как бабочки в музыке порхают,
Каблучком врезаясь в каменный цветок!
Их глаза прекрасные юностью сияют,
А душа их жаждет времени глоток.

Счастья мгновенье

До мгновенья всего лишь века,
И с судьбой разговор откровенный...
Неизбывной печали река —
Место встречи двух душ во Вселенной.

И дрожат над водой голоса:
Им не скрыть вековое волненье...
Отражаются в грусти глаза,
Испытавшие счастья мгновенье...

It's my life...

Рваные джинсы и стильные майки,
Селфи на память и музыки драйв...
Пламя восторга в твоей зажигалке,
Пульсом во мне и в тебе «It's my life»

Яркие краски волшебных моментов...
Чудо и этот ночной мотылёк!
Что через бурные аплодисменты,
К небу взлетев, нас порадовать смог.

* * *

На шее царапина, крестик в ковёр,
Цепочки разорваны звенья...
Не склеить, не выровнять дивный узор
Из веры святой и смирения.

Вина не искуплена, но всё равно
Затянется рана на коже.
А губы мои повторяют одно:
«Помилуй, спаси меня, Боже».

г. Сатка

Николай Банных

Сашкино счастье*

Глава 4

Сашка проснулся. Утренние яркие лучи зимнего солнца заставили его зажмуриться. Он любил такое ясное зимнее утро. И в этот раз в первые мгновения его сердце радостно забилось, лицо озарила широкая улыбка. Но уже в следующее мгновение настроение его резко изменилось, улыбка исчезла, сердце защемило, душа наполнилась тревогой. В памяти вначале смутно, как в тумане, а затем все ярче стали всплывать события вчерашнего вечера.

Внезапно для него дверь в спальню открылась, и вошла мать. Сашка резким движением накрыл голову подушкой. Нина Петровна подошла к кровати и тихим спокойным голосом стала говорить сыну: «Саша, мы так ждали тебя, оба с отцом на это время оформили отпуска. Ты же, сынок, в первый день приезда преподнёс нам такой “подарок”. Для Сашки это слушать было невыносимо. Пусть мать лучше бы ругала его последними словами — это было легче перенести. Вскоре вошёл отец. Сергей Михайлович с горечью вымолвил: «Видишь, мать, видимо, сынок посчитал, что у нас недостаточно светло в квартире, поэтому принёс нам “фонарь”». Жена замахала на Ловчикова-старшего руками и зашептала: «Не надо, Серёжа, выйди, я сама поговорю». Когда отец вышел, Нина Петровна решила расспросить сына, что же вчера случилось и почему он пришёл в сильном опьянении да ещё с фингалом под глазом. Сашка довольно резко ответил: «Мама, оставь меня, пожалуйста, мне и так тошно, потом всё узнаешь». Нина Петровна, засуетившись, сказала: «Ладно, сынок, сейчас схожу к соседке, принесу бодяги».

Когда мать вышла, Сашка вскочил с кровати, подошёл к зеркалу и увидел, что под правым глазом у него кровоподтёк. «Господи, — взмолился он, — как же я теперь смогу выйти на улицу? А Люда?» И только в эту минуту он отчетливо осознал весь ужас вчерашнего происшествия. Ведь он обидел свою единственную и любимую Людмилу. Сашка вновь упал на кровать, ему казалось, в общем-то, безмятежная светлая жизнь закончилась, и теперь его окутала какая-то жуткая чёрная пелена.

Часа через два к Ловчиковым пришёл Кузнецов. Нина Петровна проводила его в комнату сына. Сашка, отвернувшись к стене, ни с кем не хотел разговаривать. Виктор, присев на стул около кровати друга, минут пять помолчал, а затем попытался разговаривать его: «Сашок, ты хоть помнишь вчерашний вечер? Ты сильно обидел Людмилу». Ловчиков вдруг резко по-

* Продолжение. Начало в «Графоман» № 1-2018.

вернулся к Кузнецову и крикнул: «А не ты ли вчера рассказывал мне о шашнях Гончарова с нею?»

— Ничего я тебе такого не говорил. Я просто сказал, что этот студент часто ошибается в библиотеке, иногда провожал Бычкову домой. Ты же вчера рассвирепел и полез в драку, разбил Гончарову нос, но и сам получил фингал.

Сашка встал с кровати и заходил по комнате: «Что же мне делать? Что делать?» — повторял он.

Виктор успокаивал его: «Саша, надо извиниться перед Людмилой».

— Как я пойду с этим? — показывая на глаз, продолжил Ловчиков. — Кроме того, она не простит меня! Витя, прошу тебя, повстречайся с нею, поговори, может она вечером согласится встретиться со мной. Я всё ей объясню.

— Ладно, попробую, вечером доложу результат, — ответил Кузнецов и вышел из комнаты.

Весь день Сашка не выходил из спальни, игнорируя уговоры родителей поесть или хотя бы попить чаю. Он постоянно делал примочки под правым глазом и с надеждой ждал прихода Кузнецова.

К вечеру погода стала портиться. Глядя в окно, Сашка видел, как постепенно усиливается метель. Это изменение на улице отражалось и в душе парня. Он всё больше впадал в уныние, чувствуя, что этот вечер не сулит ему ничего хорошего. Интуиция его не подвела. Около восьми часов вновь пришёл Кузнецов. Сашка с надеждой глядел на него, но Виктор, потупив взор, сказал, что видел Людмилу, она заявила ему, что не только не желает разговаривать с Ловчиковым, но и видеть его не хочет. Уж очень он её обидел.

Сашка сел на кровать и обхватил руками голову: «Что мне делать, Витёк? Что делать? Я жить без неё не могу», — бормотал он.

Кузнецов, пожимая плечами, предложил: «У тебя лишь один шанс. Самому встретиться и поговорить с нею».

Прошло несколько дней. Кровавый подтёк под глазом благодаря усиленному действию бодяги исчез. Сашка решил поговорить с Людмилой. Подавляя душевную робость, он подошёл к библиотеке ко времени окончания рабочего дня. Бычкова вышла из помещения со своей напарницей и пошла по направлению к своему дому. Проходя мимо Ловчикова, она даже не взглянула в его сторону. Сашка пошёл вслед за любимой и вскоре догнал её. Он попытался взять Людмилу за руку, но она отдернула её и, остановившись, резко заявила ему: «Больше не подходи ко мне, я видеть тебя не желаю». Затем, всхлипывая, ускорила шаги. Ловчиков остановился, не зная, что ему предпринять. Придя домой, Сашка стал размышлять, как ему вернуть расположение любимой. За сегодняшнее столь короткое и вроде бы неудавшееся общение он понял, что не всё ещё потеряно. Главное, что во взгляде Людочки не было ненависти, а была только обида. Он решил действовать по-другому: «Надо написать письмо и всё изложить, как сильно он любит её, что она ему дороже жизни, и просить прощения за причинённую обиду», — смекал Ловчиков. Не откладывая задуманное на потом, Сашка стал писать письмо. Он изложил, как задумал, а в конце ещё добавил, что, будучи молодыми, сгоряча можно натворить глупостей, последствия которых потом наверняка отразятся на всей последующей жизни, и никто уже не предоставит возможности исправить это.

На другой день Ловчиков попросил передать письмо любимой Сергея Потапова. Сашка, узнав от друга, что письмо передано, определил срок три дня, в течение которых Людмила по прочтении письма должна будет решить для себя их дальнейшие отношения. Он не находил себе места в эти дни. Всё его существо тянулось к намеченной им встрече с любимой.

Ловчиков, как и в первый раз, рассудил, что будет встречать Людмилу после окончания её рабочего дня, однако ждать будет ближе к её дому. Увидев подходившую к нему девушку, Сашка так разволновался, что язык его онемел, и вначале он едва мог вымолвить: «Здравствуй, Люда». Она в ответ кивнула головой. Взяв себя в руки, Ловчиков начал говорить быстро, боясь, чтобы его не перебили: «Люда, я знаю, ты прочитала моё письмо. Я всё там описал. Я больше жизни люблю тебя и не могу потерять. Скажи прямо, любишь ты меня или нет? Простила ли меня?» Девушка уткнулась в его плечо и зашептала: «Саша, какой ты всё-таки дурачок. Да мне никто не нужен кроме тебя. Я два года мечтала о нашей встрече. Мне так хотелось обнять тебя». В глазах у обоих молодых людей появились слезинки, но это были слёзы счастья.

Не прошло и месяца, как демобилизованный трудоустроился водителем в совхозный гараж. Завгар Савин Александр Иванович предложил ему бортовой автомобиль Урал-355М, водитель которого вышел на пенсию. Ловчикову нравилась эта машина, она как нельзя лучше подходила для работы в сельской местности, и многие шоферы с удовольствием сменяли бы свои ГАЗы на эту «землячку», выпущенную в городе Миассе. Сашка вновь быстро вписался в водительский коллектив. Эта работа приносила ему радость. И отношения между ним

и Людмилой становились прекрасными. Ловчиков каждый вечер приходил в библиотеку, а потом они подолгу гуляли по посёлку, несмотря на наступившие холода.

В один из таких вечеров в конце января Сашка обратился к возлюбленной: «Может, хватит нам с тобой жить по разным домам. Я считаю, что нам пора пожениться, и чем скорее, тем лучше. Ты согласна стать моей женой?» Девушка, прижавшись к нему, тихо произнесла: «Да. Однако, Саша, у меня есть одно условие: чтобы ты никогда понапрасну меня не ревновал».

— Людочка, мы всегда будем вместе, и никаких ревностей с моей стороны не будет. Тебе достаточно этих слов?

— Достаточно, — ответила девушка, — и теперь ещё раз скажу тебе: да.

Сашка схватил Людмилу под руки и закрутил. Затем остановился и взволнованным голосом заговорил: «Люда, а все-таки я до последнего опасался твоего ответа, вдруг ты скажешь “Нет”». Она засмеялась своим залившимся смехом и опять сказала: «Саша, ну и дурачок ты. Как я могла произнести это слово!»

Договорившись о женитьбе, решили сообщить об этом родителям. «Сначала пойдём к моим, — заявил Сашка, — а затем к твоим».

Нина Петровна, увидев сына с Людмилой, засуетилась. Ей была по нраву эта стройная симпатичная, к тому же скромная девушка. Как было бы хорошо, если она станет её невесткой. «Раздевайтесь, проходите, будем пить чай», — радушно затараторила хозяйка. «Мама, мы ненадолго, позови отца». В коридор вышел Сергей Михайлович. Сашка, стараясь придать своему голосу торжественность, заявил: «Дорогие родители, я и Людмила решили пожениться! Я думаю, что вы не будете против». Мать и отец переглянулись, и Нина Петровна растерянно сказала: «Мы не против, а Людмила согласна?» Девушка, немного зардевшись, ответила: «Конечно, согласна». — «Тогда давайте за стол», — сказала Нина Петровна.

«Нет, мама, мы обязательно посидим в следующий раз, а сегодня сходим к Бычковым и переговорим с родителями Люды», — заявил Сашка.

Бычковы встретили молодых людей также радушно. Сашка и Людмила долго переглядывались между собой, но потом Ловчиков, набравшись смелости, обратился к родителям девушки: «Иван Владимирович и Надежда Михайловна, я пришёл просить руки вашей дочери Людмилы. Я люблю её и обещаю, что никогда ничем не обижу». Бычковы-старшие также поглядели друг на друга, а отец обратился к девушке: «Ты согласна? Не пожалеешь потом?» Людмила взволнованно вымолвила: «Да, я согласна». «Хорошо, ну а теперь к столу», — распорядился Иван Владимирович. Надежда Михайловна, накрывая на стол, украдкой смахивала со щеки слезинки. Хозяйка угощала домашней выпечкой, чаем с вареньем, при этом шёл неторопливый разговор. Будущий тесть спросил Ловчикова: «А ты, Саша, так и будешь всю жизнь работать шофёром? Или в планах есть какая-то перспектива?»

«Есть, Иван Владимирович, — ответил Сашка, — хочу заочно поступать в Троицкий техникум механизации, как наш завгар Савин». — «Молодец», — похвалил Бычков. Молодые люди предложили провести свадьбу 8 марта. На этом и порешили.

(Окончание следует.)

с. Еткуль

Наталья Сумина

Восход над озером

Тёмная, летняя ночь над озером подходит к концу.

Небесная чернь на востоке начала неспешно линять. Звёзды гасли. Природа ещё спала. Едва заметный ветерок сонно шевелился. Его хватало только на несколько рябинок на почти безупречной глади озера. В траве еле слышно прошуршала мышка, возвращаясь к себе в норку. На дереве пошевелилась сова, устраиваясь поудобнее в дупле. Сытая, уставшая, укладывалась спать. Качнулась ветка. Малейшие звуки, которыми ночью был наполнен лес, утихали. Тишина.

Сначала казалось, что всё спит, но вдруг понимаешь, что природа уже проснулась и, притаившись, чего-то ждёт. Не вздрогнет ветка, не кольхнётся трава.

Соловей в темноте, вроде начал свои трели, но сразу замолк, смутившись. Как будто застеснялся, что его великолепные рулады недостаточно хороши, чтоб сравниться с тем чудом, которого ждёт всё вокруг.

Небо на востоке совсем посветлело. Озеро разгладило своё зеркало. Оно приготовилось отразить в себе то чудо, которое вот-вот произойдёт. Всё замерло, затаило дыхание.

И вот наконец самый первый, самый смелый, самый чистый луч нового дня триумфально вонзился в небо.

И спала пелена безмолвия. Ветер побежал по траве, по кустам. Взъерошил кроны деревьев.

— Ура! Просыпайтесь, сони! Новый день начинается.

Зашелестела трава:

— Слышим, слышим. Мы умываемся росой. Мы рады.

Зашумели деревья:

— Мы не спим. Наши ветви готовы принять лучик каждым листочком.

Зашептали цветочки между собой:

— Скорее раскрывайтесь, не опоздайте на первый луч.

Соловушка, прочистив горлышко, запел свою самую лучшую, самую звонкую песенку.

Всё пришло в движение. Солнышко вставало над лесом, величественно отражаясь в воде.

Начинался новый день...

г. Нязепетровск

Нэллн Кузчлова

Я хочу, могу и буду

О комсомоле

Юность моя с оптимизмом,
С верою в сердце жила.
Только вперёд к коммунизму
Гордою поступью шла.
В шестидесятых кипучих
В космосе первый наш след.
Советский Союз был могучим
В эпоху великих побед.
Сколько огня и задора,
Незабываемых встреч,
Праздничных дат комсомола
Память сумела сберечь.
Чтоб на героев равнялся.
Верной дорогой пошёл.
Трудностей чтоб не боялся —
Всеми нас учил комсомол.
Тех жизнерадостных истин
Нас согревает тепло,
Мы и сейчас оптимисты —
Верим в любовь и добро.
Мы не страдаем от скуки.
Бывает самим невдомёк.
Как сквозь житейские муки
Спасительный бьёт огонёк.
От имени трёх поколений
«Спасибо» ему говорим.
Значок бережём, где наш Ленин,
Билет комсомольский храним.

Пушкин жив

Был молдаванин нам как брат,
Так мило проявлял заботу,
Туристам русским был он рад
И демонстрировал красоты.
Там фруктов сладкий аромат
Уральцам головы дурманит,
Молдавский спелый виноград
На дегустацию нас манит.

Наш гид скамейку показал,
Где Пушкин отдыхал под липой,
Поэму наизусть читал
И называл её великой.
И к памятнику нас привёл,
«Я помню чудное мгновенье»,
Наш Пушкин гордый, как орёл,
Мы все застыли в изумленье...
Сегодня памятник снесён
Чужим политикам в угоду,
Но русский дух не побеждён,
Ведь Пушкин жив в сердцах народа.
Так в чём же Пушкин виноват?
В том, что грызут тебя сомненья?
Решив, что русским ты не брат,
Затеял с памятью сраженье.
Напрасно. Памятник хорош
Не осквернить живую лиру.
Его ты славу не возьмёшь,
Известен Пушкин всему миру.

Единение

Сороковые, роковые,
Детей войны осиротили,
Отцы их были молодые,
Но землю нашу защитили.

Как трудно дети выживали:
И страх, и боль познать успели,
И под бомбёжки попадали,
И вдоволь хлебушка не ели.

Но выжили! Промчались годы...
Седьмой десяток доживают,
Но те недетские невзгоды
Им память сердца воскрешает.

Опять июнь, двадцать второе.
Для нас день памяти и скорби.

Старше отцов их дети вдвое,
Склоняют головы к надгробью.

Бойцы лежат в одной могиле:
Рафкат, Ваню, Никола, Сашка.
В стране советской так и жили.
В атаку шли в одной упряжке.

Вновь поисковые отряды
Пропавших без вести находят,
И павшим воинам порядок
На братских кладбищах наводят.

Потомки пусть войны не знают,
Чтоб мир не нарушали беды,
Бессмертный полк объединяет
Всех внуков, прадедов и дедов.

Не верим!

Неужели в самом деле
Мы с друзьями постарели?
Ведь таких когда-то сами
Называли стариками.
Разве это недостаток,
Что пошёл восьмой десяток?
Что согнулись наши спины,
Чаще стали именины.
Наши выросли ребята,
Стали взрослыми внучата,
Свою юность не забыли,
Счёт уж правнукам открыли...
Те слова, что с губ слетают,
Бумерангом возвращают.
Неужели??? Нет, не верим!»!
Мы с друзьями НЕ СТАРЕЕМ!

Притяжение

Наш путь земной уже не долгов,
Но есть в России уголок,
Что сердцу мил и очень дорог,
Он пройден вдоль и поперёк.

Где детство наше ликовало,
Где юность встретила с мечтой,
Где отчий дом — начал начало,
Как родничок с живой водой.

И пусть угасло то бывшее,
И не у кого погостить,
Но притяжение земное
Зовёт то место навестить.

Сильные духом

Где-то надо быть первым,
Испытанье пройти,
Только сильным и смелым
Все открыты пути.
Не судьба всё решает,
Сам себе помоги,
Чемпион совершает
К пьедесталу шаги.
Да не верьте вы слухам
И не плачьтесь судьбе,
Только сильные духом
Побеждают в борьбе.

Глас совести

Если увидим чужие грехи,
Становимся строгими судьями,
Их обвиняем: как люди плохи,
Играют чужими судьбами.
Если свои обнаружим грехи,
Станем себе адвокатами:
Нам обстоятельства были лихи,
Связались не с теми ребятами.
Грозно обсудим за что-то других,
Считаем, что нет им прощенья...
Что же глас совести в нас приутих?
Мы просим грехов отпущение.

Доброта спасает нас

Ты проснулся? Улыбнись,
С ранним утром подружись.
Взял от солнышка тепло?
Начинай творить добро.
Человек оригинален.
Каждый в чём-то уникален,
Улучи такой момент —
Подари свой комплимент.
Доброта души коснётся —
Бумерангом к нам вернётся.
Каждый день и каждый час
Доброта спасает нас.

Хочу, могу и буду

Я хочу, могу и буду
Жить без боли и страданий,
Дней счастливых не забуду,
Награждений и признаний.
Мои детские мечтанья
Вспоминаются всё чаще,
Внуков, правнуков желанья
Наполняют сердце счастьем.
Чтоб привлечь к себе вниманье,
Вопреки своим недугам,
Я твержу как заклинанье:
«Я хочу, могу и буду».

Письмом порадовать кого-то

А за окном

А за окном метёт метель —
Такой метели не бывало.
И холодна моя постель.
Рябину снегом заметало.

Из-за безумной круговерти
Из дома выйти неохота.
Ищу свободные конверты —
Письмом порадовать кого-то.

Хочу послать письмо я маме.
О, как она его ждала!
Но помню текст той телеграммы,
Что мамы нет, что умерла...

И сквозь метель я чётко вижу —
Её глаза, а в них тоска.
...А снег рябины ветки лижет.
Как мне печаль её близка.

* * *

Вот и я прабабкой стала.
Только не хватает мамы мне порой.

К ней бы на минутку забежала,
Рассказать, как тяжело мне одной.

Не шадим и не жалеем старость,
Пока живы мамы и бодры.
Им бы лишь вниманья даже малость —
Были б они счастливы, добры.

Но у нас всегдашние заботы,
Суета сует, как и всегда.
Будто бы захлопнуты ворота,
В дом не постучится к нам беда...

Вспоминаем, память напрягая,
Что уж нет и самых дорогих.
Ищем оправданья, замечая,
Всё ли получаем от родных?

Нет давно уж бабушки и мамы,
Порвана земная с ними нить.
Только посещаем Божьи храмы,
Продолжая образ в памяти хранить.

Свечи ставим им за упокой.
И опять в заботах день-деньской.

г. Трёхгорный

Светлана Калашникова

А мы бредём по тротуарам

Нелепость

Беды не ждём. Сама НАИВНОСТЬ.
Соседка вдруг сошла с ума
И нездоровую активность
В тот день у дома развила.

Она «безумною» рукою —
Сама того не поняла —
Взяла садовую отраву,
Коту на холку налила.

И сколько котик ни старался
Отравы силу превозмочь,
Он через два часа скончался.
Никто не смог ему помочь.

Наш Барсик вовсе не чесался —
Зачем же блох на нём травить?
Он так нечаянно «попался»,
И ДУРЕ дал себя УБИТЬ.

Он был всего дворца ОТРАДА
И ВОСХИЩЕНЬЕ глаз ловил.
Его украсть пыталась БАБА.
А он обратно приходил.

В квартире ПУСТО и УНЫЛО.
И Барсик нас не веселит.
Он боязливо — торопливо
Соседкой под кустом зарыт...

Освещение

Сумрак в кайф влюблённым парам.
Освещают лишь дорогу.
А мы бредём по тротуарам
И сломать боимся ногу.

Друг скатился вдоль ступенек
И влетел в дорожный знак.
Водрузил убитый велик
На него как яркий факт.

Может, жив остался как-то.
Утверждать не поспешу.
Впечатлённая тем ФАКТОМ,
Я с фонариком хожу.

г. Трёхгорный

Татьяна Николаева

Мне хотелось один только миг

* * *

Я в музыке, как в облаках, летаю,
 Душой и сердцем чувствую её.
 Я в звуках нежных от восторга таю,
 Рисую образ и лицо твоё.

В мирах Вселенной я не раз встречала
 Твою улыбку и веселый взгляд,
 Аккордом форте о любви кричала,
 Звала репризой: «Оглянись назад!»

Пассажем клавиш за тобой бежала,
 С высокой ноты возвращалась вниз,
 Струной скрипичной от любви дрожала
 И нежно-нежно пела вокализ.

О классика! Водоворот эмоций!
 Ты будоражишь души и сердца.
 Вошла на трон красавицей царицей,
 Наследием великого Творца.

Тайна

Ты опять от меня улетела
 В ночь на ранний далёкий восход.
 Вновь душа от разлуки болела,
 Взглядом я провожал самолёт.

Сердце с болью тоска разрывала,
 Небо плакало звездным дождём.
 А морская волна напевала,
 Что во снах мы друг друга найдём.

В тайне мы сохраним эти встречи,
 Не расстанемся больше с тобой.
 вспыхнут ярко зажжённые свечи.
 Я тебя уведу за собой,

Уведу в бесконечность Вселенной.
 Вместе мы улетим за мечтой.
 Там любовь наша станет нетленной
 И гореть будет вечной звездой.

Мне хотелось

Мне хотелось пройтись не спеша,
 Погулять с вами в стареньком парке
 По аллее, листву вороша.
 Принимать от природы подарки.

Стихотворной делиться строкой,
 Чтобы в вальсе она зазвучала,
 И опавшей листвой золотой
 Осень строчку любви написала.

Мне хотелось один только раз
 Стать в любимых в глазах отраженьем,
 Появиться в стихах хоть на час
 И делиться с тобой вдохновеньем.

Мне хотелось один только миг
 Стать для вас поэтической музой,
 Но цветок в нашей вазе поник
 И строка расплескалась медузой.

Ты ждал меня

Ты ждал меня. Я это знала.
 И я ждала с тобою встреч.
 В разлуке сердце подсказало,
 Как наши чувства уберечь

От повседневных глупых споров:
 Кто был не прав, а кто был прав.
 От всех ненужных разговоров,
 Как усмирить свой пылкий нрав.

Порой нам в души заползала
 Злодейка-ревность, как змея.
 Душа в смятении страдала
 И у тебя, и у меня.

В разлуке лишь понятно стало,
 Что две души полны виной,
 Но ты скучал, и я скучала
 По нашим встречам под луной.

Случайная встреча

Поздний загадочный вечер,
 Взгляд мимолетный на миг
 В нашу случайную встречу
 В самое сердце проник.

Сердце с восторгом забилося,
 Словно хотело сказать:
 Светлое чувство родилось,
 Можно любовью назвать.

Пальмы тихонько шептали,
 Море ласкало волной,
 Звёзды алмазами стали,
 Тень твоя гналась за мной.

Я от тебя убегала
 Лунной дорогой к мечтам.
 Небо заранее знало:
 Встретимся в будущем там.

Трудна дорога для успеха

* * *

Что я чувствую? — Да ничего.
А без чувств не пробьётся стих:
Не ударит слогом в строчку,
У бесстрастия нет и берегов,
Мои кони спят, как без них:
Полетишь в глухую ночку?

Я пытаюсь разогреть себя:
Распалить огоньком азарт,
С пустотой всегда нет прока!
Мой Икар, крыльями серебрясь
Выбирает любимый чарт,
Вот и утро: свет с востока.

Наступило время — полетать,
Я предчувствую ту сладость:
Разум гонит в небо строчки,
Вся счастливая душой опять!
Со мной кони делят радость,
Я довольна сдвигом с точки.

* * *

Перехожу на высшие частоты:
Простила всех обидчиков давно,
Стремлюсь в других я вызвать те же ноты.

Живое одиночество — картина.
Висит одна, разглядывают все,
Огромный мир — живая паутина.

Я посылаю импульс и желанья:
Пусть взоры искрой чередует свет,
Мои чтоб даром не прошли старанья.

И где-то в вечности мы будем вместе,
Она хранит диковинный секрет:
Мечты людей — космические песни,
Я строю свой заоблачный сюжет.

* * *

Восток — жара: мой ум не хочет,
А кто-то любит отдыхать,
Да нужно ли билеты брать,
В страну, где страх кинжалом точит.

Где свет от звёздочек сильнее,
А ночи кошечкой мягки:
Заботы дома — далеки,
И жизнь покажется светлее.

На все вопросы есть ответы:
Верблюды — восточный колорит,
И небо нежностью пленит:
В чужих краях сладки рассветы.

Ласкает воздух краски рая,
На море игры и буза,
Всё это хвалят вам в глаза:
Природа лечит, обнимая!

Волной за внешней красотой
Миражный стелется туман:
Хвалой не видим в нём капкан,
Не чует сердце за чертою.

Своя там прелесть: чудно ложе,
Россия любя — неформал!
И кто б куда бы ни желал,
Свободный дух в сто крат дороже!

* * *

Новое время кризисом вышло,
Жаждет искусом перемен:
Радугой, словом ли — коромысло
Дарит чувство: с радостью в плен.

Злюсь сомнением, мало готова,
Дух под пыткой — хочется зреть,
Тянут свечи в ночные покровы:
Воля есть, боюсь прогореть.

Мчусь бесшабашно я на свободу
Груз красивый снова нести,
Знание в мысли, суть к переходу,
Жребий брошен — самость в чести.

Ставлю сложные эксперименты:
Третий глаз буравит окно,
Вижу в грёзах картины, фрагменты:
Божьи чары — слово зерно!

* * *

Начало лета — моросью сыты,
Грустно всем — сирень не цветёт,
Весна прошла, а окна закрыты:
Ветер злится, крутится, рвёт.

Явленье — первым разом такое:
Схожи с севером холода,
Наводнения — не до покоя!
В общем, хаос — кавардак.

Кому-то, может, ровно, спокойно,
А многим не видится свет:
Атаки, провокации, войны,
Политический винегрет!

Ощущенья плохие все в кучу
Собрать, выбросить до тепла,
Отодвинуть и грязные тучи:
Размышленья — колокола.

Чушь собачья и хлад не стихают,
Ходят вместе — в одной цепи,
Жизнь без красок протяжно плохая:
Воздух давит — чувства мертвит!

* * *

Сегодня в красном вся луна,
Ночная путница по небу,
Заинтригует всех сполна,
В затменье скроется побегом.

Великий Марс наверняка
Пошлёт сигнал — предупреждение!
В одном ряду через века
Его к Земле так близко рвенье.

Луна и Марс сканворд творят,
Как разгадать все эти тайны?
Землянам звёзды говорят:
Разумно всё — всё неслучайно!

Грядёт планетный маскарад,
Ведь это что-то означает?..

Не знают люди: свет иль град
Хранит Вселенная в молчанье.

* * *

Идут дожди, туман утрами,
Холодной стынью острый меч,
Нет вдохновения: ветрами
Ослабло чувство, как сберечь?

Держусь ещё ковчезным чудом,
Надеюсь, боль сама уйдёт.
Среди экстрима — град повсюду,
Беру я курс на лучший взлёт.

Трудна дорога для успеха,
Противоречия в борьбе:
Идти вперёд? — дожди помехой,
А бросить — волос в серебре.

Пусть кто-то нагло душу топчет,
За жизнь любовью я плачу!
Надеждой мысль — лучом средь ночи:
Я справлюсь, справлюсь — так хочу!

г. Копейск

Евгений Хамович

Жизнь как сказка

Мчит по любимой земле Новый год

Мчит по любимой земле Новый год,
Конь его резвый уже у ворот
Нежную дробь отбивает копытом,
Сам добротой людскою пропитан.
А на небе светят звезды,
Светят звезды у Кремля.
И, не чувствуя мороза,
В танцах кружится земля.

Припев:

Новый год, Новый год, так долго жданный,
Словно на крыльях над нами кружит.
Новый год, Новый год все наши планы
В мире желаний враз завершит.

На щеках снежинки тают, да снежинки
на устах

Да в улыбках нежных тают слезы радости
в глазах.

А в огромном хороводе песни нежные звучат.
Нет парней свободных вроде,
нет свободных и девчат.

Припев.

Всюду танцы, всюду танцы.
Веселится весь народ,
Разукрашенный румянцем,
К нам приходит Новый год.
Добрый, ласковый и яркий
Зажигает в жилах кровь,
Дарит каждому подарки,
Счастье, радость и любовь.

Припев.

И на всей земле отныне
Будет только благодать,
Горе с яростью остынут
И не будут нас терзать.
Год без горя, и печали,
И ненужной суеты
Люди с радостью встречают,
С ним сбываются мечты.

Припев.

Льется музыка рекою,
Песни рвутся в небеса,
Люди телом и душою
Стали чище, чем роса.
Жизнь, как сказка на экране,
Преподносит свой кураж,
Потому что вместе с нами
В этой жизни Боже наш.

Неурядиц планов
И неразберих,
Главных и неглавных,
Как уйти от них.

Позади их слышен ропот:
«Где теперь нас разместят?
Как же дальше нам работать?
Может, всех нас сократят?»

Ни к чему роптанье,
Ни к чему галдеж —
Теснота в братанье
Не помеха всё ж.

Что ж вы, братцы, приуныли?
Эй, ты, Рудик, не шурши.
Ничего, что малость в мыле,
Мыло — радость для души.

г. Челябинск

Александр Нелюбин

Неземная любовь

*Если в сказке сказать, там прекрасна любовь...
Она в жизни реальной — гораздо приятней.*

В родной дом приезжал на каникулы к маме,
Откровенно беседовал с ней по ночам.
Она днем занята, как обычно, делами,
Лишь в ночной тишине разговор по душам.

Компетентна она по любому вопросу
И даже, что будет, могла предсказать.
У меня нет любви, есть одни парадоксы...
Почему?! Все расскажет, поможет понять.

И тогда утешала меня моя мать:
«Не кручинься, сынок, не терзай свою душу.
За всю жизнь тебе много придется понять,
Пока просто поверь, что скажу я, послушай:

Ведь любовь велика, больше солнца и ярче,
И всецело тебя поглощает она,
Ее свет путеводной звездой замаячит,
В мире девушек много, любима — одна».

Я менял города, в разных странах бывал,
Я полжизни искал и мечтал о любимой,
Но нет слов передать, как один тосковал,
Помогали беседы те с мамой родимой.

Вот Вселенная вся повернулась ко мне,
И Амур снизошел, и Венера с Фортуной —
Так большая любовь вдруг пришла при луне,
Унесла ее утром разлука к Сатурну.

Странно создан наш мир: появилась любовь,
Тут безжалостным вихрем ворвалась разлука.
Мы тогда до утра расставались с тобой,
О любви не сказал, ты спешила в науку.

Когда я полюбил, стала жизнь хороша,
Но еще я не знал, что она меня любит.
А в разлуке тревожно страдала душа:
Мог ее потерять, значит, жизни не будет.

Мы с ней рядом ходили шесть лет по земле,
С нею связаны дружбой, но лишь пионерской.
Мы студентами плавали на корабле
По красавице Каме в той бытности пермской.

Петропавловск и Пермь — больше тысячи
верст,
Пролегли между нами бескрайние дали.
Так любовь я свою сквозь пространство
пронес,
Много сил твои нежные письма мне дали.

Степень крепости чувств все растущей любви
Проверяла, пройдя через годы, разлука.
И журчащий твой голос, и речи твои
Вспоминал я изящный твой облик и руки.

А на встрече с тобой каждый миг все острее,
Месяцами я ждал чудный миг с нетерпением,
Я на крыльях стремился к тебе побыстрее,
Обгонял самолет, приближая мгновенье.

Под луною блаженство быть рядом с тобой,
Занырнуть под сирень опустевшего парка.
Под курантами шли и не слышали бой —
Для влюбленных часы не нужны,
как припарка.

Стала самой родной ты, голубка моя,
Дорогая, тебя больше жизни люблю я,
Не томи, если любишь, скажи не тая...
Ты ответила: «Да», — мы слились в поцелуе.

Я признался в любви, первый наш поцелуй...
Словно ток мозг прошил, враз исчезли
сомненья.

Как нам вместе жить дальше, теперь
нарисуй —
Так звучит в унисон сердец наших биенье.

Могу горы свернуть, только ты прикажи.
Если хочешь экстрим, то тебя украду я,
Уведу на другой край земли, в Геленджик,
Там на море, о счастье, к ногам припаду я.

Нам любовь навевал черноморский прибой,
И шептала волна, нежно слух наш лаская,
А луна серебром нас укрыла с тобой,
Целый мир лишь для нас и царица морская.

Мы с тобою вдвоем на пустом берегу,
Обнимаю тебя я с неистойвой силою,
Никогда я тебя разлюбить не смогу,
Неземная любовь моя, легкая, милая!

Наши судьбы навек воплотились в одну,
Пред Всевышним вкусив сладкий плод
в райском саде.

Музыкант с программисткой лелеют луну,
За ее добрый свет по ночам любви ради.

Быстро время течет, как сквозь пальцы вода,
Так для нас незаметно минуют года,
Но большая любовь не пройдет никогда.
Птицей годы летят, а душа молода!

Сорок пять лет в цветах — каждый год
рос букет.
Лепестки с ароматом любовь излучали.
Так любовь пусть цветет и живет много лет!
Чтоб стихи о любви не смолкая звучали.
г. Челябинск

Людмила Куковенкова

Эх, баня, баня

Пыль дорожная

Улыбка счастья, иль слёзы брызнут,
И гордая походка по траве,
Всё это было в юной фазе жизни
Пока не оголили нервы мне.

Была такой, когда могучий ветер
В лицо вдруг дунул сильною волной,
Ударив больно жизненной плетью
Мне по плечам судьбою непростой.

И пыль дорожная от ног летела,
Тогда я не бежала и не шла,
Душа моя дрожала и ревела,
Я тело брненное своё несла.

Но не упала даже на колено,
Хотя болело ВСЁ... душа и тело.

Эх, баня, баня

Деревня в дымке серебристой,
Субботний банный вечерок,
Берёзы веничек душистый,
Да благодатный жар — парок!

И рожки красные, как в сказке,
В крутую, видно, от парка,
Эх, хорошо из бани классной
Испить холодного пивка,

И самовар пыхтит, довольный,
Что всех собрал за стол большой,
Горячий чай с медком — извольте,
Окрошка, шаньги, квас хмельной.

Эх, баня, баня... ХОРОША,
И тело млеет, и душа...

г. Троицк

Валерий Дивянчин

За недвусмысленный намёк

На одном заседании (басня)

В набитом зале не осталось
Пустого места ни вершка:
На заседаньи обсуждалось
Стихотворенье Барсука.
Одни его превозносили —
Поэта на руках носили,
Другие, чтоб не огорчать,
Решили просто промолчать.
А заключительное слово взяла Лиса.
Склонясь к листу,
Она взглянула в зал сурово
И улыбнулась Барсуку:
— Перед поэтом преклоняюсь,

Видна здесь мастера рука,
И лично присоединяюсь
Ко всем, хвалившим Барсука.
В стихотвореньи, все мы
Большие встретили проблемы,
Оно недлинно, между тем,
В нем очень много важных тем.
Так завершилось обсужденье.
И подошла Лиса к Ежу:
— Другое у меня сужденье,
Тебе по-дружески скажу:
Нет ни проблемы там, ни темы —
Могли заметить это все мы,
А с формой у него беда,
Стихотворенье Барсуково
Не ново, вяло, бестолково

И не годится никуда!»
 Уже к концу подходит стих,
 Но он не требует морали,
 Поскольку сами вы бывали
 На заседаниях таких.

Басня о баснях

Про Волка басню сочинил —
 Хапуги мне сказали:
 «Храбрец! Не жаль тебе чернил?
 Ведь мы себя узнали!
 За недвусмысленный намек
 Преподадим тебе урок!»

Лисицу в басне показал —
 Проныры мне сказали:
 «Обидеть нас? Каков нахал!
 Ведь мы себя узнали!
 Однако за поклеп такой
 Мы расквитаемся с тобой!»

Лесным зверям не делать зла
 Решил я по секрету,
 И вскоре басню про Осла
 Отправил я в газету.
 Творенье удивило свет —
 В тревоге жду я новых бед...

Но что стряслось? Я вновь в чести,
 Врагам милее брата:
 Меня готовы вознести
 К вершине Арарата.
 Признаться в том, что ты Осел?
 Никто на это не пошел!

Баллада про беса

Вечернее солнце.
 Прощаясь с землей,
 Верхушки берез золотило.
 Шел парень счастливый
 Тропинкой лесной,
 Спешил на свидание с милой
 И надо ж случиться
 Несчастью, беде:
 Едва только вышел из леса,
 Увидел болотце
 И в темной воде—
 Корявого хмурого Беса
 А Бес из трясины,
 Из тины густой
 Полез, отряхнулся на суше
 И кинулся к парню:
 — А ну-ка постой,
 Почто мой покой ты нарушил!..
 Я знаю, что ты
 На свидание идешь,
 Погибель свою
 Ты в трясины найдешь,
 Тебя заташу я в болото!..

Но шанс на спасенье
 Даю я тебе,
 Спасайся.
 Вот тебе выбор:
 Иль свою милую нынче убей,
 Иль со мной рюмочку выпей...
 Болото клубилось
 Гнилою водой
 Шуршало
 Осокою ржавой.
 Поежился парень, сказал:
 — Черт с тобой,
 Я рюмочку выпью, пожалуй...
 И вмиг подобрел
 И поласковел Бес
 — Да ты, брат, я вижу, мужчина!..
 Да ты, брат, герой...
 И в болото полез,
 И вытащил бутылку из трясины.
 Вот пьют они...
 Час и другой пролетел,
 А в бутылки-то не убывает,
 От водки наш парень
 Вконец захмелел,
 А Бес ему знай подливает,
 — Давай, — говорит, — теперь выпьем за нас,
 За нашу великую дружбу!..
 Посыпались искры
 У парня из глаз,
 Взмолился он:
 — Больше не надо...
 Ругается Бес:
 — Я таких не люблю,
 Давай-ка рюмашку,
 А не то, брат,
 Я тут же в болоте тебя утоплю,
 когда недопь, я недобрый!
 Был парень безвольный,
 Боялся всего,
 И покорился,
 И для ублажения Беса того
 До чертиков, бедный,
 Напился.
 И только тогда
 Его Бес отпустил:
 — Ступай, — говорит, — я не против...
 Но парень давно
 О свиданье забыл,
 А сам утопился
 В болоте...

Мораль

А Бес-искуситель и поныне живет
 И жертву свою поджидает.
 Хороших людей он на чарку зовет
 И волю у них отбирает.
 И может быть, кто-то решит: «Ерунда!»
 Слова мои встретит с ухмылкой,
 Но все же советую помнить всегда
 Про Беса, который в бутылке!

г. Южноуральск

Разборчивый гусак

«Любит — не любит»...
Но просит сердце
Любви, как цветок...

И. А. Бунин «По течению»

65

Графоман № 4(36)-2018

Народная мудрость гласит: «Любви все возрасты покорны», а я бы добавила: «И все живое».

Оставили мы как-то на зиму одного гусака по кличке Тит (что в переводе означает заботливый защитник) и двух гусынь: одна по кличке Домна (госпожа), другая — Иона (голубь). Клички им подбирала я, и они им очень подходили. Домна — госпожа, гусыня крупная, уверенная, дородная и независимая. В ее походке, повадках наблюдались важность и самовлюбленность. Вторая гусыня более мелкая, светло-серого, голубоватого оттенка, очень скромная, внимательная ко всему, происходящему возле нее, своей покорностью напоминала голубку. А вот с Титом просчиталась. Это был крупный, красивый, умный и гордый гусак. Кличку Тит, заботливый защитник, однако, оправдал только наполовину. Тит любил только Домну, а на Иону не обращал внимания. Никак не могла понять, почему у наших соседей на одного гусака штук десять гусынь, и они все — его семья. О всех заботился, охранял их так, что все боялись мимо дома пройти. Бесстрашно не только бежит, но и летит за человеком ли, за собакой. А наш Тит спокойный, с чувством собственного достоинства (интеллигент вшивый). Но с Домной вели себя даже неприлично. Ликуют, крыльями друг перед другом машут, восхищаются друг другом, счастливо гогочут, а Иона хмуро плетется за ними, как совсем чужая, грустная, несчастная, ну просто беда. Жалко мне ее было, и она это понимала. Возле меня больше находилась, когда я была во дворе. Я не знала, на кого мне больше сердиться: на гордячку и эгоистку Домну, которая то важно не замечала Иону, то, как мне казалось, демонстративно, чтоб еще больше ее расстроить, выпячивала свой восторг, радость и счастье. (Иногда встречаются и девушки такие, которые на публике показывают свои чувства до неприличия, а порой — и до пошлости.) Сердилась и на Тита. Подталкивая его к Ионе, давала понять ему, что в его обязанности входит не только забота о Домне, но и о ней. А Тит был неумолим, именно в эти моменты голосом, движениями и повадками подчеркивал чувство собственного достоинства. Он не сомневался. Он был уверен, что прав настолько, что мне становилось неловко за свои действия. Можно было, конечно, восхищаться верностью Тита. Однолюб, верный, ну прям, не гусак, а благородный лебедь! Но ведь Иону жалко!

Когда любимая Титом Домна села в гнездо выводить гусят, я надеялась, что теперь Тит наконец-то обратит внимание на Иону, но ничего подобного. Он ее по-прежнему игнорировал. Гнездо Домны находилось дома под кроватью, так как на улице было еще морозно. Тит не отходил от крыльца в ожидании, когда выйдет его возлюбленная. Когда Домну выпускали из дома на улицу, радости не было конца: гогот, ликование, крыльями машут, какой-то свой танец влюбленных исполняют. А Иона издали грустно наблюдала за ними. Счастливые влюбленные, ликуя и гогоча, шли на речку. Но Домна не забывала о своих родительских обязанностях, и, как бы хорошо ей ни было с любимым, гуляла недолго. Быстро возвращались, у крыльца происходило очень трогательное прощание. И вот Тит снова один, призывно трубит у крыльца и совсем не замечает Иону. Иона переживала, печалилась, скромно наблюдала за гусаком издали, но к нему не подходила.

Но вот однажды Иона пришла с прогулки веселая, счастливая и... не одна. Следом за ней к нам во двор пришел чужой гусак. И что особенно интересно, а возможно, и необычно: она его привела, чтоб представить его мне, чтоб познакомить нас. Ликуя, подталкивая и подбадривая, она подвела его прямо ко мне. Решила таким образом успокоить и порадовать меня, что наконец и она теперь не одинока, и у нее есть любимый и любящий друг.

Я порадовалась за нее очень даже искренне и похвалила чужого гусака, как бы благословив их на дружбу и любовь.

Спать гусак уходил куда-то к своему подворью. Но днем они встречались на речке, плавали, гуляли, и он провожал ее всегда до нашего двора. Приятно было наблюдать, с какой заботой, любовью чужой гусак обхаживал нашу Иону. И она с благодарностью принимала его заботу, и была, наконец, весела и счастлива! Довольна была и я, что эта умная, милая и скромная гусыня Иона наконец-то обрела настоящего друга и повеселела.

г. Чебаркуль

Зоя Романова

СЫН

Поздним вечером в квартире Веры Петровны неожиданно раздался телефонный звонок: — Здравствуй, мама! Сегодня купил билет и через два дня выезжаю, скоро встретимся. Купил тебе электромассажёр и палки для скандинавской ходьбы. Я уверен, что ты почувствуешь себя гораздо лучше, если будешь заниматься финской ходьбой.

— Зря ты тратишь деньги, Миша, они тебе сейчас так нужны.

— Деньги всегда нужны, мама, а здоровье твоё важнее. Приеду, поговорим, а пока до свиданья, целую тебя и до встречи!

Вера Петровна не успела сказать больше ничего. Снова в квартире воцарилась глухая тишина. Слышно было лишь, как тикают старые настенные часы, напоминая, что существует жизнь. И скоро, совсем скоро явится домой сын, и всё оживёт снова. Вера Петровна очень часто общалась с сыном по Интернету, видела его лицо. Они обменивались новостями, и ничего особенного не происходило. Но телефонный звонок вдруг неожиданно разбудил память, всколыхнул прошлое, и она расплакалась. Чувствуя, что ей сегодня долго не уснуть, Вера Петровна направилась к книжному шкафу, где хранятся альбомы с фотографиями и дневники, которые она начинала писать со дня рождения своих детей. Вера Петровна открыла дневник сына и ахнула, произнеся вслух:

— Пятьдесят лет! Как много времени прошло со дня его рождения, а я в суете дел, забот, болезней и горя даже не заметила этого.

Вот в дневнике приклеены светлые, как лён, волосы родившегося малыша, указан день и час рождения, забавный лепет сынишки, первые произнесённые слова, первые шаги и всё то, что сделано было впервые. А вот под одной из фотографий спрятано направление на прерывание жизни маленького человечка, ещё не появившегося на свет. Накануне муж Веры, Андрей, в который раз убеждал: «Подумай, Вера, хорошо, оставь ребёнка. Возможно, это будет сын, а я так хочу иметь сына! Но это не так важно, оставь ребёнка». Андрей встал перед Верой на колени: «Прошу тебя, опомнись!» И тут только Вера наконец сдалась.

Незаметно пролетело время, и настал час отправки Веры в роддом. По прибытии машины «скорой помощи» Андрей заволновался, вызвался сопровождать Веру. Въезжая в центр города, машину резко подбросило, она ударилась о твёрдый предмет, загрохотала и остановилась. Вера упала и оказалась возле лобового стекла. В машине началась паника, а на улице раздались крики. Под колёсами машины лежал пожилой человек, который скончался на месте происшествия. Прибыла другая машина «скорой помощи», и Веру в шоковом состоянии увезли в роддом.

А на утро следующего дня на свет появился новый человек, который затмил все тяготы жизни. Андрей устроил своему сыну и жене праздничный приём при выписке из роддома. Их встретили близкие и друзья. Заранее была нагрета вода для купания новорожденного, красиво, со вкусом убранный и заставленный угощениями стол, цветы. После дружеской посиделки всё в квартире было убрано и чисто вымыто друзьями. Андрей имел фотоаппарат, что в ту пору было редкостью. И радостная встреча появившегося на свет человечка и все последующие дни, а также годы жизни были отражены в фотографиях. А все проделки малыша были записаны в дневник Верой Петровной. Сколько радостных и тревожных событий, смешных и грустных историй отражено в этом дневнике, трудно перечислить. И Вера Петровна углубилась в воспоминания, перечитывая свой дневник и колыбельную:

Уснули земли просторы, и ты, мой сын, засыпай,
Пусть нас не застанет горе, спи, родной, баюшки-бай!
Расти ты честным и добрым и будь похож на отца,
Да, чтоб от стыда за сына не прятала я лица.
Пока что, сыночек милый, спи, свои глазки закрой,
Пусть жизнь твоя будет счастливой, радость будет с тобой!

Вера Петровна перевела взгляд на фотографии. Вот первая улыбка сына, милое забавное личико с ямочками на щеках. А тут уже фотографии в детских яслях. На одной из фотографий в тяжёлом состоянии в больнице, где врачи боролись за жизнь малыша в течение сорока восьми дней. Ох, сколько же было тогда переживаний и слёз, трудно передать словами. А вот его первые забавные рисунки, Вера вспомнила, как однажды, сидя за столом с сыном, она взяла бумагу и карандаши, нарисовала стоящую на столе красивую кружку. Миша был в восторге, он с любопытством рассматривал рисунок и кружку. С тех пор сын стал рисовать. Посещал

городскую изостудию, затем окончил художественное училище и наконец художественную академию. И даже когда служил в военно-морском флоте, не прекращал заниматься рисованием. А сколько в дневнике записано детских забавных историй — не перечислить. Эти истории продолжались даже тогда, когда Миша пошёл в школу. Вот в первом классе пришёл с раскрашенным портфелем, где разноцветными масляными красками крупными буквами было выведено «ФРГ». Родители сделали сыну выговор и вместе кое-как отмыли краску. А на следующий день сын пришёл с новыми яркими буквами на портфеле «ГДР». На родительский вопрос ответил: «Вы же сами сказали, нельзя ФРГ, поэтому я написал ГДР».

После окончания учёбы в академии сын домой не вернулся. Он часто приезжал в отпуск и звонил. А когда очень тяжело заболел отец, сын прилетел на самолёте. В последние часы жизни отец, мать и сын обнявшись, говорили друг другу самые душевные, искренние слова. Признавались друг к другу в любви и горько плакали, навечно расставаясь друг с другом.

После проводов отца сын остался дома на некоторое время, чтобы поддержать и успокоить мать. Он купил для неё компьютер, а Вера Петровна освоила азы, и так мать и сын постоянно стали общаться в Интернете. Сын ежегодно навещает мать, и они часами беседуют, вспоминая прошлое. Вера Петровна, беря в руки дневник, с ужасом думает, а как бы она жила, если бы не послушала мужа и у неё не было бы сейчас близкого и родного человека — СЫНА, который в самую трудную минуту жизни окажется рядом.

г. Конеёвск

Анатолий Омельчук

Как же рад я вам, ребята!

Мираж

Проснулся я утром туманным,
Не в силах свой сон разогнать.
Приснилась с улыбкой Оксана,
Волос её чудная прядь.

В косу она розу вплетала,
Мне нежный свой взгляд подарив.
«Любимый, — она прошептала, —
Ты в сердце моём вечно жив.

Я счастлива только с тобою.
Ты принц мой на белом коне.
Глубокую тайну открою:
Сгораю в амурном огне».

Стрелю я к ней устремился,
Чтоб счастье своё удержать.
Вдруг! Образ её растворился,
В туман превратился опять.

Господь! Скажи мне на милость,
Зачем поступил так со мной?
Любовь, думал, с неба явилась,
А это мираж роковой...

Орангутан (шутка)

Я на Гаваях отдыхал,
Гитарный звук мой слух ласкал.
Проснулся утром, словно танк,
Сидит вблизи орангутан.

Он улыбнулся и сказал:
«Браток, ты очень долго спал.
Живём с тобою кое-как,
Пойдём, отметимся в кабак.
Промочим горло коньяком,
Поговорим о том, о сём.
Ты не смотри, что я такой,
В душе я добрый и простой.
Ведь у меня — высокий ранг,
Но для толпы — орангутан...
Меня, как крест святой, храни,
И преданность как дар прими.
Среди людей в расцвете — ложь,
Ты лучше друга не найдёшь».

Сон (шутка)

Во сне тебя я увидал,
От страха к лесу побежал.
Господь кричит с небес: «Шалишь!
Ведь от судьбы не убежишь».

Опята

Вот смотрю: растут опята,
Атакуя пни берёз.
Как же рад я вам, ребята,
Что найти вас удалось.

Положу вас всех в корзину,
Отнесу скорей домой.
По тропинке, узкой, длинной,
Я шагаю, как герой.

Грибник

Я в лесу с большим лукошком,
По грибы один иду.
Пусть кусают меня мошки,
Грузди всё равно найду.

Вдруг заметил: под листочек
Спрятал голову грибок.
Ах, попался мне, груздочек,
Обмануть никак не мог.

Ножичком моментом срежу,
Я тебя под корешок.
Суп сварю с грибами свежий,
Ты готовься в котелок.

Поздравление Мише

Не шумите, тише-тише!
Дайте важное сказать:
«День рождения у Миши,
Что мальчишке пожелать?»

Богатырского здоровья,
Пожелаем мы ему,
Чтоб учился он с любовью,
А безделье — ни к чему.

А Мишутка ведь не шутка,
Закадычный мой дружок.
Не сидит он ни минутки,
Мастерит, как мужичок.

Знает разные машины,
Предпочтенье марке «ЗИЛ»,
Чтобы маму, как мужчина,
По делам везде возил.

С ней живёт в большой квартире,
Помогает ей во всём.
Ведь ему уже четыре,
Чистота и блеск кругом.

Мухомор

Вот сморчок — он неказистый
И неяркий сам на вид.
Но в тарелке — вкусный, чистый,
Возбуждает аппетит.

Мухомор, хоть и красивый,
Привлекает всякий взор —
Ядовитый он и лживый,
Обходи его, Егор.

Помню, так учил я внука:
«Гриб умей ты распознать,
Непростая это штука:
Как людей, их различать».

Монолог русской женщины

Смотри, Марусь, идёт Матвей,
Он замечательный еврей.
Портной! Любую вещь сошьёт,
Такой нигде не пропадёт.
Сынок! Ну прямо весь в отца,
Два одинаковых лица...
Несёт гитару — музыкант!
Врождённый у него талант.
Матвей — заботливый супруг,
И каждый год жену на юг...
А водку он совсем не пьёт,
Семью родную бережёт.
Не то что мой живой Степан,
После полочки — часто пьян.
Мне муж родной и мил, и люб,
Как выпьет браги — сразу груб...
А если трезв, то золотой,
И дорог именно такой.
На свете лучше его нет,
Живём мы вместе двадцать лет.
Он у меня мужик простой,
С открытой русской душой.
Сам из народа — не король!
Но чувствует людскую боль.

г. Челябинск

Галина Савельева

Жизнь сложна, но всё ж прекрасна

Промчалась школьная пора

Промчалась
школьная пора,
звонкой юности
капелью.
Прощанья
тёплые слова
память
не предаст забвенью.
Возьмёт в объятия
мир большой.
В нём гор уступы
с крутизной.
Но молодость
летит стрелой —
покорен ей
барьер любой.
Волнующе
звучит струна.
Мажорный ритм
берёт она.
Закружит
жизни карусель,
польётся
творческая трель.

Туман

Как-то враз
душа раскрылась.
Грусть пушинкой
с плеч скатилась.
Растворилась
в летних днях,
тая в солнечных
лучах.
Мне оставила
свободу —
ближе быть
лицом к народу.
Всяк торопится,
спешит,
целеустремлённый
вид.
Озабоченные
лица.
Будто все
с одной страницы.
Не напишешь
с них роман.
Жизнь, как призрачный
туман.

Начало всех начал

Не печалься,
сокол ясный,
жизнь сложна,
но всё ж прекрасна.
И радуйся,
что кто-то ждёт,
мечтая о тебе,
живёт.
Он крылья
старости даёт.
Основы стержень
вековой
подарен щедрою
судьбой.
Дух разума
лишь подмигнёт,
унынье в никуда
уйдёт.
Вспыхнет даль
мечтой заветной,
ввысь манящей,
луной светлой.
Но этот зов
не есть причал —
только начало
всех начал.

Всегда рядом

Я всегда с тобою
в мыслях рядом,
и неважно где,
в каком краю.
За тепло, что даришь
нежным взглядом,
искренне тебя
благодарю.
И пускай клокочет
мгла мирская.
Солнечного лика
не затмить.
Суть природы,
чистотой блистая,
будет ярким факелом
светить.

г. Снежинск

Наталья Ушакова**Я в ладу сама с собой****Неразумные проклятья**

Вот история одна,
Не печальна, не скучна.
Есть нюанс коварный в ней:
Зря не трогайте чертей...
Расскажу я вам былое,
И случилось же такое...
Был я молод и здоров,
Гнал на пастбище коров,
Жил подпасок у меня,
Федей звали,
Два коня
Степь топтали до захода.
Вот и выпала дорога
Ночью на реку сходить
Да коней там напоить.
Посылаю я Федота —
«Не пойду — была охота
На реку идти к чертям...
Слушай, Степа, нам, детя́м,
Бабка в детстве говорила:
“У чертей шальная сила
В полнолуние да на речке...
Будто вылезут из печки.
Сами черны, как смола,
И слыла о них молва:
Тот, кто на реку придёт,
Тот бесследно пропадёт...”
Так, что, Стёпа, не пойду
И коней не поведу».
Трусом не был никогда,
И коням нужна вода,
Сам веду поить коней:
«Испугался он чертей! —
Рассуждаю я в дороге. —
Обойдусь и без подмоги».
Звёзды сыплют как из сита,
У луны они как свита,
Охраняют и блестят —
Быть в дозоре с ней хотят.
Для меня луна сияет,
Поле ярко освещает.
Я ворчал, не унимался...
Ну а чёрт вовсю старался...
Ухают в кустах, шумят:
Напугать меня хотят.
Прохожу кусты я мимо,
Речка плещется лениво.
Пьют водицу два коня...
Волос... дыбом у меня —
Дева по реке идёт,
Тихо песенку поёт.
Красотой меня пленит.
А дурман глаза слепит.
Вот поближе подошла,
Засмеялась и ушла,

Так же на воду ступая,
В ней луну чуть-чуть качая...
Проводил я деву взглядом,
Обернулся, вижу рядом:
Странный дед, кряхтя, стоит —
И луна уж не блестит,
Скрылась, тучкой заслонясь...
Вздрыгнул я, в ночи крестясь,
Старец речь завёл учтиво:
— Не бойшься ночи — мило,
Вижу: храбр ты, и силён,
И умом не обделён.
— Как зовут тебя, пастух?
Кто-то из кустов мне: «Ух!»
— Степа! — я сказал в ответ,
Федин вспомнил тут совет.
Жаль... ему я не поддался...
Да к нечистому попался.
Чую, ночь играет в прятки —
Что-то с дедом не в порядке...
На душу легли сомненья,
Продолжаются виденья:
То ли пояс, то ли хвост?
То ли прост, то ли прохвост?
На ногах-то что — копыта?...
Да стопа травой скрыта...
Полнолуний звался дед —
Ликом чёрен, волос — сед.
— Ждал тебя я здесь годами
И дождался... между нами
Заклучим мы договор.
Что за бред? Уж очень скор!
Что же с ним я здесь стою?
— Дочь отдам тебе свою.
— Кони! Ну! Пошли домой.
Ноженьки мои травой
Обмотались — не идут...
Ох и дед — он, видно, плут.
— С места, Стёпа, не сойдёшь!
Тут на месте пропадёшь!
Чую: дед и впрямь опасен...
— Ладно, дедушка, согласен...
— Раз согласен, поклянись:
Кровью, Стёпа, распишись!
Что поделать — расписался...
Да в траве стоять остался...
— Примешь в жёны мою дочь...
Приходи-ка завтра в ночь!
Будет ждать тебя карета,
Дочка к свадьбе одета,
Дам и серебра, и злата —
Заживёте вы богато!
Обвенчайся в церкви с ней!
А теперь домой скорей!
Мать свою предупреди,
Дочь мою ты береги!
С неба тучи ночь убрала...
Снова блеском засверкала...

К матушке пришёл печальный:
— Мать, готовь обед венчальный!
Рассказал как на духу.
«Рыло вроде не в пуху...
Почему ж со мной всё это?
Не найти пока ответа...»
Настаёт вторая ночь...
Полнолуний, его дочь
В точности всё выполняют —
У реки меня встречают.
Дочь — красавица, румяна —
Не видать в ночи изъяна.
Речка светит, серебрит,
Тройка с приданым стоит.
Дочка деду поклонилась.
И сердечно с ним простилась.
Дед исчез, кряхтя в ночи,
На кустах сидят грачи.
Смотрит девица в глаза —
«Как прекрасна стрекоза!..»
И, чаруя красотой,
Говорит: «Пока постой...
Что скажу тебе, прими —
Мы останемся людьми:
Только сядем мы в карету,
Моему внемли совету,
Разговаривать не смей —
За каретой сто чертей.
За спины начнут цепляться
И свистеть, и издеваться —
Ты терпи, не оглянись —
Лучше Богу помолись!
Чары тёмные уйдут,
Силы лиха пропадут.
Обернёшься — онемеешь,
Пропадёшь, остолбенеешь!»
Кони тронулись, летят,
Черти сзади нам свистят.
За спину меня цепляют,
Визгом, страхом донимают.
Как заехали в село,
Мигом всех чертей смело.
Солнце встало над горой, —
Показалось всё игрой.
Супругами домой вернулись —
Рука в руке, любя, сомкнулись,
В четыре стороны крестясь
И маме в ноги поклонясь,
Сели все за пир честной.
Ну, а ночью на покой
В спальне уложила мать,
Села, утро стала ждать...
Медовый месяц пролетел.
Я лучшего желать не смел...
Жена покладиста, умна
Учтива, ко всему скромна.
Кухарит, жарит, пироги
Румяны, сладки и мягки,
Во рту съестное тает...
Да что-то жёнку мает.
Бывало, сядет и взгрустнёт,
Как будто лихо её ждёт.

И говорит она однажды:
— Есть разговор, и очень важный,
Поедем к матушке моей.
Пора б и ей встречать гостей.
Чья дочь она? Покрыто тайной,
С ней встреча не была случайной,
Но, коли в церкви обвенчался,
Желанью я её поддался.
В карету запрягли коней
Да к теще подались моей.
Вот едем день, подходит ночь,
Лошадкам надобно помочь:
Овса им дать и напоить,
Самим ночь как-то пережить.
Деревня встала на пути,
Переночуем — не грусти...
Иду я в хату, в дверь стучусь
И на постой с женой прошусь
Кричу: «Хозяева, согрейте,
Стакан воды не пожалейте».
Хозяйка отворила дверь.
«Входите, люди — я не зверь,
И мне не жалко — спите,
Но сами поглядите:
Исходит мой ребёнок криком
В каком-то состоянье диком.
Семнадцать лет моей дивчине,
Но не растёт она и поныне.
Всё плачет, плачет день и ночь,
Никто не в силах мне помочь.
Ест кашу дочка за троих,
Сидела б на руках моих —
Что сутки? Годы напролёт
И только Бог меня поймёт...
— А как зовут, скажи, ребёнка?
— Я назвала её Алёнка,
Но имя дочь не понимает
Да всё кричит, не затихает.
— Алёнкою зовусь и я, —
Промолвила жена моя.
На стол собрали ужин
На белой скатерти из кружев.
Еду откушав, стол убрав
И образам поклон отдав,
Постель хозяйка постелила,
Качать крикунью поспешила.
Мать и песенку, и стих,
А дитё всё в крик да в крик...
Тут жена моя встаёт,
Образам поклон даёт,
Подошла затем к хозяйке:
— Мать, ребёнка в руки дайте!
Я могу дитю помочь —
Исцелю твою я дочь.
Ничему не удивляйся
Не жалея, а постарайся,
Что увидишь — лишь молчи!..
За окном галдят грачи...
Пожалеешь дочь чуть-чуть —
Худо мне не отвернуть...
— Пусть будет то, чему бывать:
Устала я не спать, страдать.

— Ну что ж, неси топор и плаху!
 Клади ребёнка! И с размаху
 Всем остриём — да на дитя,
 А он мгновение спустя
 Как прыгнул на ноги свои,
 Давай вокруг чертить круги
 Да превратился в чёрта —
 У всех дыханье спёрто!..
 Перед мамашей пляшет он,
 И смех идёт со всех сторон.
 — Во! Сколько мучил я тебя!
 Исчезла чёртова стезя.
 Он растворился, словно дым,
 Виновник волосам седым.
 Поиздевался над мамашей,
 Утробу набивая кашей.
 Девушка к женщине подходит,
 С хозяйки глаз она не сводит.
 — Семнадцать лет тому назад
 Шёл за окошком снегопад.
 Меня, грудную, ты кляла
 За то, что ночью не спала:
 «Пусть чёрт тебя к себе возьмёт,
 Быть может, сон к тебе придёт!
 А чёрт в ту ночь на стрёме был,
 Забрать меня он не забыл,
 И, подложив тебе свинью,
 Подумал: «Кровушки попью».
 Меня же к людям отпустил,
 Невинность душеньки щадил,
 Он права не имел такого,
 Чтоб причинить дитю худого:
 Оно ни в чём не провинилось,
 Святым у чёрта находилось.
 Старик мне подыскал и мужа,
 Но в жилах пробегает стужа,
 Когда ты, матушка моя,
 Качаешь чёртова дитя.
 Взмолилась мать: «Прости меня!»
 Язык без косточек вина.
 В объятъях заключила дочь —
 Исчез злодей, за ним и ночь.
 На стене часы идут,
 Час за часом отдают,
 Но есть минута в сутки
 От чёрта вроде шутки.
 Что если только наш язык
 В «минуту чёрта» скажет:
 Хулу, проклятья, наговор...
 Он всё тебе покажет,
 Он побалуует от души
 Так проклинать ты не спеши...
 Я рассказал о том Федоту,
 Та ночь отбила мне охоту,
 Чтоб в полнолуние да на речку...
 Я на лежанку и за печку.

Ирония в гробу

У меня в доме идиллия:
 Я в ладу сама с собой.
 Гроб как раз не в избытке,
 Пусть то будет домик мой.

Нет излишеств, нет претензий,
 Даже если есть долги.
 Кто ж придет со мной прощаться:
 Верный друг или враги?

И хотя на все на это
 Ровным счетом наплевать,
 Попрощаюсь с белым светом —
 Поспешите дань отдать.

Возмущение осталось,
 Посмотрите на лицо:
 Я жила, для всех старалась,
 Не была я подлецом.

Ну и пусть, зато на отдых,
 А какого вам рожна —
 Ногу на ногу сложите,
 Эта поза мне важна.

Ну-ка, люди, не блажите,
 Я же нынче просто труп.
 Ногу на ногу сложите,
 Не сочтите то за труд.

Душа светит око

Душу б вырвать из груди,
 Положить на полку.
 Может, всё повыскрести —
 Сколько будет толку.

Накопилось в душе
 Много всякой гнили,
 Надо б в баню иногда,
 Чтобы там помыли

Как же быть с такой душой? —
 Маюсь без причины.
 Ей в груди нехорошо,
 Ей не до мужнины.

Для любви там места нет,
 Мусором забита.
 Много невеселых лет
 В душу, словно в сито.

Жизнь и крутит, и пылит
 По моей душонке.
 От того она болит,
 Плачет очень звонко...

Ей любимого беречь,
Как зеницы око.
Ей бы в свет апрельский лечь,
Чтоб не одиноко.

Некому её согреть,
Нету половинки.
Средь пылинок,
Тряпок средь
Жить ей не в новинку.

Даже если я найду
В жизни ту потерю,
Уж не вылечит никто,
Никому не верю.

Много лет прошло с тех пор,
Безвозвратно сплыло.
Только было у меня,
Я ведь не забыла...

Смерть бабочки

В лобовое стекло — да в смятку,
Бедной бабочки последний взмах.
Но рассмотрим по порядку,
Для кого же это крах.

Для стекла пятно, помеха,
Смерть омоется водой.
Что ж в стекло, как неумеха,
Пролетела б стороной.

Неужели я в ответе
За природную красу.
«Не убий», — читал в Завете,
Но ее я не спасу.

Хоть бедняжку мне и жалко,
Хоть я бабочек люблю,
С ней столкнулся будто сталкер,
Смерть слезою окроплю.

Пусть простит меня красотка,
Да, я больше, чем она.
Мне бы с нею надо кротко...
Жаль, машина — сатана.

г. Магнитогорск

Юрий Норкин

Слышу зов отцов

Баллада о последнем солдате

День Победы! Ликует столица.
Майский ветер летит всё бодрей.
Как светлы, как торжественны лица
У идущих в колоннах людей...

Вот идут тяжело, но красиво
Ветераны далёкой войны.
Узнаёте, гражданка Россия,
Это дочери ваши, сыны.

Серый пепел военных пожарищ
Всё клубится в седых волосах,
И забытое слово «товарищ»
Оживает у них на губах.

С этим словом к друзьям обращались:
«Коммунистом считайте меня», —
И на смерть в штыковую бросались
Там, где дыбом вставала земля.

Не забыть им тех взрывов и дыма —
Память бьёт лебединым крылом.
Полегли там друзья молодыми
В сорок первом и сорок втором.

Их сегодня так мало осталось,
Опалённых той страшной войной.
Они вынесут всё, лишь бы жалость
Обошла их судьбу стороной.

Будут мёрзнуть в нетопленных избах,
Невнимание, голод снесут,
Но с пути, что был смолоду избран,
Как с поста, никогда не уйдут.

«Жила бы страна родная,
И нету других забот!»
Жила бы страна родная...
Но однажды 9 мая
Лишь один до Парада дойдёт.

И увидит народ-победитель:
Вот пришёл он, последний солдат.
Проходите войска, проходите.
Он сегодня ваш примет парад.

И пройдут молодые ребята.
Как пружинен чеканный их шаг!
А он... видит себя в сорок пятом,
И друзей, и победный наш флаг.

А потом, опустившись устало,
Он замрёт, поклонившись Огню,
Словно Красная площадь вдруг стала
Пьедесталом гранитным ему!

Неподвластен годам и стихии,
Будет в бронзе над нами стоять.
...Не впервой вам, гражданка Россия,
После жизни людей возвышать.

Но когда озорные внучата
Прибегают с охапкой цветов,
Слышно: в бронзовом сердце Солдата
Бьётся к Родине милой любовь!

Траншея

Дан приказ: «Вперёд!» — и, глотая дым,
Не сгибаясь под пулями, взрывами мин,
Русский парень встал,
А над ним, как вал,
Белорус, украинец, грузин,
Встали братья на бой, как один.

Полегли друзья, заслонив собой
Матерей, детей, край родимый свой.
И ушла война.
А траншея та
Заросла, заросла сон-травой...
Где теперь богатырский строй?

На мечях моих кандалы висят —
Почему отвернулся от брата брат?
Если завтра в бой,
Кто в траншее той?
Только грозно могилы молчат, —
Не тревожьте ушедших солдат...

Как весенний гром, звон Победы той
Всё слышнее звучит над родной землёй.
Слышу зов отцов,
Это в сердце кровь
Бьёт в набат, бьёт в набат, бьёт в набат!
Только вместе мы — сила, мой брат!

г. Орлов

Елена Черданцева

Страна моя и мой рассвет

Жизненный путь

Как петляешь ты, жизни дорога!
И у каждого собственный путь.
У кого-то с камнями с порога,
И нет мысли куда-то свернуть.
И в бессилье проходят года.
Ты, ругаясь, идёшь, спотыкаясь,
Но к надежде своей направляясь —
Жизнь подскажет дорогу всегда.
А усталость, бывает, с ног валит.
Предлагает нам жизнь отдохнуть —
Сил набраться, подумать позволит
И продолжить свой жизненный путь.
И с годами становится ясно:
Жизнь ведёт нас по нашей тропе.
Никуда не свернуть, всё напрасно:
Мы ведомы по нашей судьбе.

Моя Россия

Леса, и горы, и моря —
Россия, Родина моя.
В мечтах и полная забот.
В труде живёт её народ.

И с ним проходит жизнь моя
В прохладе летнего дождя,
С рябиной ярким пламенем горю,
В снежинках, что ладонями ловлю.

Страна моя и мой рассвет,
И для меня дороже нет.
На страже у родной земли
Плывут по морю корабли.

Умеешь ты, моя земля,
Растить богатые хлеба.
В прощальном крике журавлей
Есть грусть о Родине моей.

Прекрасная российская земля,
И нет такой другой на свете.
Будь счастлива, моя страна,
За будущее мы в ответе.

Небесная сила

Какое же счастье почувствовать силу —
И жизнь продолжает писать мне картину,
Где светлые, тёплые, нежные краски,
И сердце ожило и хочется ласки.
Пусть в прошлом окажутся боль и кровать —
Устала болеть и устала лежать.
Молилась и плакала — Бога просила,
И ты помогла мне, небесная сила.
Луч серебристый на солнце играет,
Всё боли ушли, снова жизнь расцветает.

г. Трёхгорный

кой произошло? Машинально достал карточку и с высоты бросил её на пол. Как и прежде, карточка спланировала и упала за кухонный шкафчик. Ничего не произошло. Проклиная себя за эту глупую манипуляцию с карточкой, Андрей полез за шкафчик и, поднимая карточку с пола, случайно коснулся ею бутылки с водой. В это мгновение сразу услышал сигнал от телефона о поступлении сообщения. Убрал карточку в бумажник, открыл сообщение. Это ж надо же!!! Эсмэс сообщала о поступлении на карточку опять 300 000 рублей! Быстро включил ноутбук, вошел в личный кабинет, открыл страницу. Да! На карточке опять сумма в 300 000 рублей. Теперь уже не горячая испарина на лбу, а холодный противный пот струился по позвоночнику. А что если завтра утром придут за ним «товарищи» из полиции, обвинят его в финансовом преступлении и назовут хакером. Это же мошенничество в крупном размере, срок до четырех лет.

Но с другой стороны, он банковские компьютеры не взламывал, пароли не подбирал, с чужих счетов деньги не снимал. Как тут быть? Как всё это происходит?

Не отключая ноутбук, Андрей пошел на кухню, приложил карточку к бутылки с водой. Услышал сигнал телефона о поступлении эсмэс, проверил ноутбук. Да! Опять поступило 300 000 рублей. Что делать?

Шальные мысли крутились в голове. Сколько можно ещё наснимать на карточку денег, куда их тратить, а если служба компьютерной безопасности «Сбербанка» докопается до этого происшествия, то ему мало не покажется. Андрей выключил ноутбук и с тяжелыми мыслями пошел спать.

Жена сквозь сон спросила:

— Ты чего так долго не ложился?

— Да засиделся в «Одноклассниках», — неохотно ответил Андрей.

Утром Андрей выглядел мрачным, плохо ел. На вопрос жены: «Что с тобой?» — ответил, что загрипповал, и отлёживался на диване. Потом у него созрел план. Смотался в город, в «Россельхозбанке» завел сберкнижку и платёжную карту VISA, а, пока жена полола грядки зарегистрировался и завел личный кабинет в «Россельхозбанке» и приложил карту VISA к волшебной бутылки с водой. Это ж надо же! На карте 300 000 рублей.

Теперь Андрей довёл на сберкнижках денежные суммы до восьмизначных цифр. «Эх! Хорошо жить!» — сказал кто-то.

— А, хорошо жить ещё лучше! — сказал Вицин.

— А по УК РФ срок до... — начал было продолжать Вицин, и у Андрея мурашки забегали по спине. Нет, так дело не пойдет,

— Пойду с повинной! — решил Андрей.

Жене оставил записку: «Уехал в Москву по делам, буду через три дня».

В Москве в Центральном отделении «Сбербанка» в отделе компьютерной безопасности ответственный товарищ сказал:

— Не переживайте, сбой бывает, правильно сделали, что деньги зачислили на сберкнижку и не потратили. Разберутся на местах, и всё станет по-прежнему.

Утром Андрей проснулся рано и в хорошем настроении. Жена ещё спала. ЭТО Ж НАДО ЖЕ, какой интересный сон приснился! Тихо встал, чтобы не разбудить жену. Ушел в другую комнату, включил компьютер, проверил денежный баланс. Всё, как и раньше, без изменений. На душе легко и почему-то немножечко грустно.

А вдруг такое произойдёт на самом деле? А?

г. Орлов

Наталья Паршукова

Уголовное дело (повесть)

Начало

Вернёмся на год назад, в 1 июня. Лето. Теплый солнечный день, праздник «День защиты детей». Музыка слышна из детского садика, что напротив окон нашего дома. Ребята кричат, смеются, радуются. Клоуны игры, конкурсы проводят с детишками. Хорошо, глаз радуется. Пётр собирается со знакомой Лидой поехать купить ей машину, б/у авто. Внутри меня какая-то маята — все из рук валится. Делать ничего не могу, сердце щемит. Намешала пустырник, валерьянку — настойки стопочку. Приняла «на душу населения». Сын Пётр сказал: «Мам, я

Продолжение. Начало «Графоман» № 3-2018.

поехал в Симас с Лидой за авто. Пока!» Закрыл дверь. Я села за швейную машинку, джинсы отреставрировать. Ковыряюсь с джинсами, вспоминаю, как Петька в детстве радовался, что я с ним гуляю в парке. Играем в разные игры — все, как в праздник, весело, солнечно, радостно. Работа моя отнимала много времени и сил, одним словом «военка», господписка. Так что, когда я и Петька вместе, всегда праздник: парк, пляж — летом, коньки, лыжи — зимой. В любое время года отдыхали на турбазах, курортах, санаториях. Больше любили осенью где-нибудь быть, отдыхать на природе. И вдруг сердце как-то защемит, как-то застонет. Беру сотик, нажимаю кнопку «П.П.С». Пётр ответил сразу: «Мамуля, осмотрим авто и домой!» Тревога не успокаивалась, включила телик, нашла мультики по каналам, сварила кофе — нужно успокоиться. Но нет, тревога не прошла. Я вздрогнула от звонка сотового телефона. Пётр сказал, что они попали в ДТП и за рулем продаваемой машины был он.

ДТП

Набрала 102, сообщила в дежурную часть, что в Симасе возле остановки конечная «Заповедник» произошло дорожно-транспортное происшествие и Пашина Петра удерживают и вымогают деньги двое неизвестных с подачи хозяина машины, Ликаса Семёна, жителя городка Симас. Вот почему, как только случается беда, где нужна полиция, так её нет? Почему? Телефон сына отключен. Что с ним, я не знаю. В ситуации один остался. Лида сбежала. Подъехали двое на «Марк-2» белого цвета — «тойота». В дальнейшем эти двое — братья Выдовы. Газель влетела в машину, в которой сидел за рулём Пётр. Газель двигалась со скоростью до 65 км/час с моста, где ограничительный знак до 50 км/час, направление Ключи — Симас. Приехал автокомиссар. Пётр заплатил ему 1 тысячу рублей, а точнее, деньги выхватил Ликас С. из портмоне Петра. Водитель газели Чеев Д. Н., хозяин продаваемого авто Ликас С. и автокомиссар Ковч С. уехали куда-то. Петра Выдовы-братья, силой и угрозами посадили в свою «Марк-2» и увезли в опорник северного района г. Симас. Отняли сотовый телефон. В опорнике младший лейтенант полиции Вулда С. Л. в присутствии братьев Выдовых открыл компьютер и предложил братьям ознакомиться с данными на Петра и его семью. Заставил написать расписку на выкуп разбитой машины. Один из братьев все снял на камеру сотового телефона — как писалась расписка Петром. А я в дежурной части полиции уже второй час сижу, никто не вышел. «Ждите». Телефон Петра молчит. Когда случается беда, несчастье, роковая случайность с человеком, и где все? Всё выглядит так: «Власть имущие, вершащие, решающие. Людишки мелкие выбились во власть. И комплексы неполноценности свои развесили и навязали всем, прикрывшись властью». Политика на выживание: выживешь — ну и ладно, а исчезнешь, точнее, сдохнешь — замечательно совсем! Девяностые годы процветают... Пётр позвонил мне с незнакомого номера. Сразу я не ответила. Маячок на сотик пришёл, чтобы я перезвонила. Услышала голос сына. Жив, слава богу, жив. Попросил денег, чтобы вернуться домой. Эти сволочи проговорили все деньги на телефоне Петра и из портмоне всё забрали до копейки. Сына домой вернулся уже в 5 утра 2 июня. Измученный, голодный, какой-то истерзанный. Состояние его мне не понравилось. Из носа шла кровь, температура под 40 градусов....

Судьи и суды

Открываю конституцию Российской Федерации. Главный закон государственности и власти. Читаю и понимаю, что судьям и судам дана безграничная и несменная власть президентом России. Зададите: «При чем, в уголовном деле Конституция» — вопрос? Вчитываюсь и начинаю понимать: статья 125, п. 4 — Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам на нарушения конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, в порядке, установленном Федеральным законом.

В ноябре приостановлено дело по избиению и ограблению Петра. И хозяин авто Ликас С. подал гражданский иск на Пашина Петра с выплатой ущерба размером 180 тыс. руб за разбитое авто. На чаше весов правосудия жизнь и здоровье двух людей, Петра и его матери, и ржавое железо в виде разбитого авто.

Возникает вопрос — соизмеримо одно с другим? По конституции жизнь и здоровье — это главный приоритет ценности и благосостояния государственности. По мнению судьи Гуменёвой Е. А., наоборот — жизнь человеческая ничего не значит. Выносит Гуменёва Е. А. определение на арест имущества, не учитывая, что квартира и автомобиль Петра в долях по завещанию между Надеждой Евгеньевной и Петром Семёновичем Пашиным. Две трети доли завещанного имущества принадлежит Надежде Евгеньевне. Это смешанное сложное имущество по статье 35 Конституции, охраняемое и гарантированное законом и государственностью.

Но нет, судья наложила арест. Самодурство какое-то. На заседаниях даже слушать не хочет и отклоняет вопросы и доводы об аресте. Судебные слушания какие-то скоропалительные, скоростные, с нежеланием вслушаться в доводы и доказательства, ознакомиться с документами. Главное, точнее, улика отсутствует как в документах в суде, так и в уголовном деле и деле по ДТП: «Отпечатки пальцев и потожировые Пашина Петра с управления разбитой машиной».

21 мая состоялось судебное заседание. Гуменёва Е. А. — судья, на заседание пришла, внешний вид её постараюсь описать помягче. Карандаш в стакане. Худящая, и мантия не по размеру. На голове — не волосы, а обесцвеченная пакля. Лицо бледное, с отеками глазами и синяками, с распухшим носом от соплей, и говорит непонятно — жвачку жуёт. Ответственно, и решение вынесла сопливое. Ей же всё равно — она же власть. Получили решение это через два месяца, 23 июля. Вы, судьи, не можете разобраться в совершившемся преступлении? Зачем тогда вы существуете? Нужны ли вы, если от вас только беды и нищета? Процветает скрытая мошенническая преступность, уничтожаются вашими решениями законопослушные люди.

28 августа, в канун моего шестидесятилетия, в апелляционном суде поддержали решение Гуменёвой-судьи, оставили без изменений. Могли бы и что-нибудь в нашу пользу решить. Были предоставлены доказательства, документы, и возникли вопросы у судей. Апелляционный суд состоит из трёх судей. Три человека не пожелали разобраться, что данное ДТП — это мошенничество и автоподстава. Слова Пашина Петра: «Я был за рулем» — ничем не подтверждены: ни экспертизой, ни каким-либо другим документом.

Показания Лиды Вилодивой, для которой Пётр осматривал машину, еще не доказательство. Хотя Лида показала, что Пётр не там сел за руль, а хозяин машины настаивал на этом. Судьи защищают в этой ситуации мошенника Ликаса С. И забывают о главном. О философии власти, о законности, где учитываются не только мнения и слова большинства. Но и уязвимость и незащищенность индивидуума конкретно одного лица. Тем самым не желая увидеть глубину социального среза, обнажающего болевые точки такого отвратительного явления, как скрытое мошенничество, порождающее и побуждающее в будущем увеличение преступности.

Власть, данная судам, превратила всё и всех в серую безмозглую массу, не имеющую средств к существованию и подлежащую уничтожению. Либо платите преступникам. Ну уж нет. Ни я, ни мой сын не платили и никому платить не будем. Тем более за профамандию судов. А преступности тем более платить не будем!

Военных бывших не бывает! А мне, Надежде Евгеньевне, выпало быть военной на господписке. Из моей бригады, с кем я работала на военке, в живых никого не осталось. Нахлынули воспоминания о военке. Много можно написать воспоминаний, рассказов о людях интересных, уникальных. Если буду жива — напишу. А сегодня: «А судьи кто?»

Бесконечность в бездне дней в пространстве и времени, вечное: «А судьи кто?»
(Продолжение следует)

г. Челябинск

Антонца Лазутина

Величье красоты

Уходит «бабье лето»

Уходит лето, «бабье лето»,
Тепла последний отголосок,
И песня осени пропета,
Картины яркой той набросок.

Осины пламенем пылают,
Берёзы янтарём горят,
Листочки клёна понимают,
Что скоро с ветром полетят.

Здесь лета бабьего медовость
Была сладка, а всё уйдёт.
В нём отшумела вся бедовость,
Зимой рябина к окнам льнет.

Рябина горькая, рябина,
О ней и песни все поют...
Ой, нелегка у ней судьбина,
Но люди рядом с ней живут.

Осень-чаровница

По лесу ходит-бродит
Та чаровница осень.
За руку она водит
Раздолье неба в просинь.

Согрет тот день осенний
Рябиновым дыханьем.
И след лесной олени —
Ажурное вязанье.

Красавицы-рябины
Склонились и грустят,
Их яркие рубины
На веточках горят.

А осень блюз играет,
Вливая в душу грусть.
И листики вплетает,
Как паутинки, в грудь.

Иван-чай

Лес песню нежно напевал,
В нее вплетая нежно птичьи трели.
И звон кузнечиков веселый перепал,
И травы колыхались, как качели.

Здесь ветви трогал лёгкий ветерок,
Запутавшийся в дебрях иван-чая.
Цвел на опушке в зарослях в свой срок,
И морю розовому чем-то подражая.

Ведь он, душистый и пьянящий, как мускат,
Навеял умиротворенье в душу.
Величье красоты, природы аромат.
И заставлял все звуки сердцем слушать.

г. Катав-Ивановск

Людия Хохлова

Вдаль за счастьем манили

Что такое Любовь?

Что такое Любовь?
Разве кто-нибудь знает!
Это то, от чего
Сердце замирает.

Греет в стужу, в мороз,
В жару сердце стынет.
И не в шутку — всерьез
Красит волос иней.

И горька, как полынь,
И сладка, как сахар,
И поет, как гармонь,
Плачет словно птаха.

Водопадом с высот,
Или тихой речкой...
Как кому повезет!
И сгорает свечкой.

И парит в вышине
Облаком небесным.
Манит сказкой во сне
И таинством вечным.

И отправит в полет
В небо синей птицей,
И остудит, как лед...
В зной — вода в кринице.

Свет, и тень, и тепло —
Наше «бабье лето».
Где Любовь, там добро,
Жизнь и яркость света.

Моя судьба и сила

Колдовскою водой умывала река,
Вдаль за счастьем манили меня облака,
И лечил тишиной и прохладой лес,
Красотою берез и сосной до небес.

Силу черпала я у родимой земли.
Мне, прощаясь, качали крылом журавли,
Чтобы с новой весной вместе встретиться
вновь.

Край родной — моя сила, судьба и любовь!

Наши годы

Словно стаи птиц, летят года
Все вперед, вперед без остановки.
Их не задержать нам никогда,
Не уменьшить при любой сноровке.

Улетают, словно лист осенний,
Что с дерев неслышно сыпет наземь,
Красотой сверкая нешутейной,
А порой изъедены заразой.

Как же хочется, чтоб годы не спешили!
Как сдержать стремительный их бег?
Средство есть, чтоб чуть притормозили:
Должен быть счастливым человек!

г. Катав-Ивановск

Маргарита Кононенко

В озёрах купается небо

Старуха

Всем клички во дворе давали?
А новичков не пропускали,
её Старухой прозвали...
Придя со школы, вся в делах,
с яслей — с сестричкой на руках,
гуляет с ней и кашеварит,
не по годам дела-то, старят.
Мальчишки шутки отпускали,
её увидев, гоготали:
«Гляди, Старуха! Как идёт!»
Девчонки все её жалели,
с ней вечерами часто пели.
«Анкетами» потом менялись,
тетрадь та быстро заполнялась:
«Любимый автор», «Мой герой!»
У каждой и «секрет» был свой,
а пацаны-то не чурались
читать всё то, что там писалось,
и зная это, все старались
в нём указать, в кого влюблялись!
Ей выбрать надо, но кого?
О нём не зная ничего,
его лишь видела в окно
и, тихо взглядом провожая,
себя в него она влюбляла.
Вёл за собой он всех мальчишек,
играл в футбол, любил детишек!
А в клубе вдруг она решила
взяла его и пригласила,
на танец белый, и у всех
в глазах ирония и смех.
О встречах с ним и не мечтала,
но вдруг взяла и написала,
ему признание в письме.
Передала его сестре:
«Что скажет он вам обо мне?!»
Как лань, от страха вся дрожала
и от него записку ждала.
А утром вышла за водой!
Среди девчат её ГЕРОИ!
Смеются дружно над письмом:
«“Старуха” тронулась умом!»
Ей до того обидно стало,
что развернулась и сбежала,
и от стыда она рыдала:
«Зачем писала?.. Вот позор!»
Через полгода он влюбился.
В девчонку новую, с Европы!
Она красивой оказалась,
дружили, но потом расстались.
Повестка в армию, так ждали!
Его двором всем провожали.
«Старуху» тоже пригласил
и, первой чарку наливая,
любовь её к нему простил,
среди гостей она чужая.

Не вспоминал о ней два года,
вернулся, нет её следа.
Так стало скучно во дворе,
привет послал ей в январе.
Но не дождался он ответа.
Ну как забыть «Старуху» эту...

* * *

Очарованный морем и солнцем
вечер тёплый шептался с прибором,
укрывая всех солнечным зноем,
безмятежным любясь покоем.
Призывая пройти берега,
под ногами песками шурша,
от волны разливается нега,
и в истоме вздыхает душа...

* * *

А осень листья сбросит по садам,
всё золото леса сгинет по просторам.
Покинут птицы гнёзда до тепла,
и всё живое скроется по норам.
Укутается осень в холода,
угомонились, кажется, ветра,
а дождь ей напекает, меломан,
что на свиданье ждёт её туман...

* * *

За больничным окном тополиха живёт,
Высоченной красой своей кроны слывёт...
Изумрудом на солнце листочки горят,
ветерок кучерявит зелёный наряд...

Стая грачья в тени тополихи сидит,
и по-птичьей чуть слышно о чём-то галдит...
Отдохнувши, вспорхнут и махнув мне крылом,
друг за другом слетая к земле на прокорм.

И с полудня до вечера нет ни-ко-го...
Одиноко стрекочет сверчок мне в окно.
На закате я вновь к тополихе, смотрю:
Снова вижу на кроне всю грачью семью!

На ночлег прилетели и шепчутся с ней:
«Нам тепло и уютно так в кроне твоей!»
И она, вся зардевшись и вся шелестя:
«Неужели? Пре-лест-но!» —
мигнув мне, шутя.

* * *

Одинокий, оставленный кем-то,
Он раскрытый лежит на скамье.
И прохожих не слышно, не видно,
Яркий свет на фонарном столбе.

Лишь ковёр опадающих листьев
Тет-а-тет отбивает с дождём.
Ну а зонтик никто и не ищет,
Будто все позабыли о нём...

* * *

Заблудилась зима, заплутала
Да и осень не ждёт уж, устала...
Что ж ты, матушка, запропастилась,
али в гости прийти не решилась?
Ждёт тебя детвора, ждут и ёлку,
а без снега зима ведь без толку.
Изменила привычку, а надо?
Даже снег стал для нас как награда.

Без зимы-то нам Русь как чужая,
есть надежда, что ты не такая.

* * *

В озёрах купается небо,
сонливое солнце встаёт,
лазурь с розоватою негой
около лесной раздаёт.

И краски меняются эти,
мгновения только лови!
Ну, здравствуйте, люди!
С рассветом, хорошего дня и пути!

Увельский район

Тамара Барейшина

Мы жили в ласке и тепле

В доме радость

У меня сегодня в доме радость:
Приезжает в гости милый сын.
Может быть, приедет всей семьёю,
Может быть, приедет он один.

Он войдёт и скажет: «Здравствуй, мама!
Как живёте? Как твои дела?»
За его слова гостинцы — мало —
Я бы всё на свете отдала!

Я от радости с собой не слажу
И смотрю на сына, чуть дыша.
Обнимаю, по головке глажу,
Словно в раннем детстве малыша.

Для меня он, как и прежде, детка —
Хоть побила седина виски,
Очень жаль, что приезжает редко,
Но душою мы всегда близки.

Деду

Мой дед мне письма писал стихами,
И я старалась ему в ответ.
И мне не важно, что он не с нами,
Он мне, как прежде, даёт совет.

Приходит мысль, беру тетрадку,
И кто-то шепчет мне: «Пиши».
Порой пишу не очень гладко,
Но откровенно, от души.

Пусть говорят, что связи нету
С тем, кто ушёл уже от нас;
За всё я благодарна деду
И вспоминаю каждый раз.

Память детства

Я не пойду туда, где ты
Под плитами нашла покой.
Пойду я в поле, где цветы
И где душа твоя со мной.

Ведь ты любила те цветы,
Порханье трепетных стрекоз.
Природы нашей красоту
Теперь и я люблю до слёз.

Опушка леса в летний зной
Клубничкой спелой манит —
На сердце сладостный покой,
И тишина в ушах звенит.

Воспоминания рекой
Нахлынули и стали сном:
Как было хорошо с тобой
В детстве светлом и простом.

Нас, как могла, любила мать,
Мы жили в ласке и тепле.
За то, что есть что вспоминать,
Спасибо, мамочка, тебе!

* * *

Сплетают строчки воедино
Канвы невидимую нить,
А мне писать необходимо
Естественно, как есть и пить.

На жизнь взглянула я иначе,
Почувствовать дала другим,
Что каждый в жизни что-то значит,
Кому-то нужен и любим.

г. Пласт

Людия Осминина

Прощальный месяц осени

Уходят матери неспешно

Уходят матери неспешно,
Не сразу, вдруг — не навсегда...
И плач не рвётся безутешный —
Лишь стонет ветер в проводах.

Всё меньше шаг, всё осторожней:
Аптека, почта, магазин...
И не поверить невозможно,
Что палочка в руках — вся жизнь.

Вглядитесь в светлые их лица,
Вглядитесь поутру, когда
Идут неспешно вереницей,
И ветер тих как никогда.

Уходят матери неспешно,
Не омрачая жизнь другим.
И горе будет безутешным,
Когда лицом столкнёшься с ним.

И мы идём порой неспешно
И, радуясь, на мир глядим.
Общаясь с близкими, успешно
Невзгоды вместе победим!

Памяти Е. Евтушенко

Душа его в стихах витает.
В апрельский день большого смеха
Приколы добрые несли.
Омрачена была потеха
Печальной вестью для Руси...
Кольнула Злая не на шутку,
Над Женей лихо пронеслась.
Апрельская впервые шутка
Жестокой болью удалась!
Примчалась туча, запах грома,
Весенний дождичек трусит.
Всем завещал, чтоб только дома,
А дом на Родине-Руси...
...И Пастернака вздрогнут веки —
Был не завистлив, не спесив...
Поэт прильнул к нему навеки,
Прощенья будто попросив...
Душа его в стихах витает,
По свету много колесит...
О «Старом друге» не читает,
К нему душа сама летит.

И вновь апрельский день настанет,
И будут шутки на Руси.
Поэта Родина вспомнит,
Стихи читая от души!

Ноябрь

Потемнели опавшие листья,
Дождь осенний испортил наряд.
И давно уже певчих не слышно,
Лишь печальные галки кричат.

Мочат голуби в лужицах лапки,
Недовольны холодным деньком.
Не вернуться купания сладки —
Чуют: лужи возьмутся ледком.

Приближенье зимы совсем близко:
Реже дождик — всё чаще снежок.
Небо серое-серое низко.
В серой грусти родной городок.

Зима пришла

В последний месяц осени
Чрез день снуёт зима:
То лужи заморожены,
А то снежком сама

Закружится, кружится,
На землю упадёт,
То вдруг по мокрым лужицам
Вновь осень проплывёт.

Стоит угрюмая пора,
На сердце тоже грусть.
Мне разум снова, как вчера:
Забудь его, забудь!

Не выхожу на улицу —
Промозгло и серо.
С тобою мне по лужицам —
И на душе светло!

В прощальный месяц осени
В ночи пришла зима:
Все лужи запорошены,
Взяла права она.

Капитанский сын*

Повесть
(в сокращении)

Часть вторая. Опасное задание

1. Совет у коменданта

Вечером, несмотря на воскресенье, комендант собрал высших офицеров в свой просторный кабинет на срочное совещание. Справа от бригадира Рененкампа — командир драгунского полка со своим штабом, с левой руки — командир роты гренадёров, далее есаул казачьего эскадрона, писарь, казначей. Все офицеры были на месте, но комендант крепости неспешно перекладывал бумаги, тёр свою розоватую лысину и, нетерпеливо побряхтывая, поглядывал на дверь. Ждали начальника таможенной службы Иловайского, хотя к гарнизону не относящегося, но весьма важного господина. Наконец в прихожей натужно заскрипели половицы, дверь резко распахнулась, и стремительно вошёл тучный человек в форменном сюртуке с золочёными пуговицами, небрежно кивнул офицерам, бесцеремонно потеснив их, угнездился в красном углу, рядом с бригадиром и, набычившись, оглядел всё собрание.

Наумову, с тех пор как он стал начальником штаба, часто приходилось сталкиваться с этим влиятельным чиновником, натурой довольно бурной, нахрапистой, с въедливым дошным характером.

Царь и бог таможенной службы Африкан Игнатьевич Иловайский, черноглазый, тучный, с двумя подбородками барин, несмотря на свою громоздкость, в движениях был быстр, по-иудейски изворотлив и пронырлив. Таможней он заведовал уже не первый год и знал дело своё до мелочей. Через него проходили всевозможные товары, изделия, пуды серебра, золота, драгоценностей, и, наверное, что-то прилипало и к его рукам, человек ведь не без греха. В Троицкой крепости он слыл самым состоятельным человеком, и вряд ли кто знал истинные размеры его капиталов, степени влияния и могущества.

Разумеется, господин Иловайский был связан и со столичными крючкотворами, держался независимо, считая себя свободным от указаний не только местной, но даже и губернской власти. Он полагал, что и крепость, и гарнизон поставлены только для охраны таможи, втайне презирал неразворотливого, трусоватого коменданта и вёл себя довольно дерзко.

Выбившийся из низов, незаконнорожденный сын знатного киевского чиновника и экономки, Африкан Игнатьевич ценил человека за сноровку, способность к стремительным действиям и не терпел спесивости и лени. Имея хорошую память и наблюдательность, он не только знал всех офицеров в лицо, но и о каждом имел своё представление.

Из двух таможен губернии Оренбургская была ведущей: держала верх по обороту, через неё в Россию только официально поступало до полусотни пудов золота, более пяти тысяч пудов серебра, драгоценных камней, а ещё процветал и тайный провоз через границу, об истинных размерах которого можно было только догадываться.

У троицких же таможенников были свои преимущества. Именно туда, к Троицкой крепости, кайсаки пригоняли тысячные табуны коней, которых так не хватало русской армии, да и контроль здесь был слабее губернского, поэтому купцы, особенно из дальних мест, заботясь о своей выгоде, нередко направляли свои караваны в междуречье Увельки и Уя.

* * *

Дождавшись, пока отдышится Иловайский, комендант, кинув нервный взгляд поверх голов примолкших офицеров, скрипучим баритоном зачитал секретную депешу из Оренбурга. Сообщение было кратким, но вызвало крайне противоречивые чувства: довольную улыбку таможенного директора и хмурое настроение коменданта. Из далёкого Мургаба в Троицкую крепость направлялся большой купеческий караван. Гарнизонному начальству предписывалось обеспечить его охрану и сопровождение от озера Кушмурун до крепости. Вся ответственность за сохранность груза ложилась на бригадира Иоанна Рененкампа.

В наступившей тишине без предоставления голоса оглушающе загремел Иловайский:

— Ну наконец-то. Господа, уж сколько лет к нам пытаются пробиться караваны из дальних мест Индии, Китая, и, к нашему стыду, всё без толку. Позапрошлым летом два каравана не дошли, разграбили их, а купцов побили, если мы провороним и этот караван, от нас откажутся и бухарские купцы. Казна уже и так несёт большие убытки, и важное дело государево может быть порушено. И если такое произойдёт, на мою защиту не надейтесь! Я первый представлю рапорт самой государыне, распишу так, что не позавидуете.

— Ну что же вы, любезный Африкан Игнатъич, корите нас, — упавшим голосом посетовал комендант, — мы ещё и разговора не завели, а вы уж нас судите.

— Эко пошёл телок медведя пугать, — заулыбался таможенник, — вас не напугаешь, так вы и с места не стронетесь.

Следом заулыбалась вся офицерская братия и внезапно возникшее напряжение спало. Караван, идущий к крепости из самого центра Азии, был очень важен не только для установления постоянного пути, но и для расширения обоюдной торговли. В лоскутной Европе велись затяжные войны, торговые связи были нарушены, и Россия искала надёжных партнёров на обширном Востоке.

Хотя депеша была адресована коменданту, самым заинтересованным лицом в успешном прибытии каравана был таможенный «князь», и он решил использовать для организации охраны всё своё влияние, умение, хватку.

— Перво-наперво надо назначить толкового командира отряда, — заявил Иловайский, нахально попирая законы субординации, беря на себя ведение совета. — Чтоб нюхом чуял разбойников, чтоб смелый был до отчаянности, степи не боялся да и с купцами мог поладить. Найдётся ли в гарнизоне такой офицер?

Все невольно повернули головы в сторону полковника Михайлова, недавно назначенного командира драгунского полка. Он прибыл из Сибири, где командовал полевой командой, пытавшейся вернуть калмыков, бежавших к китайской границе. Новый командир ещё толком не освоился, мало знал подчинённых, ответил не сразу и, помешкав, назвал примелькавшуюся фамилию:

— Ну, быть может, капитан Демидов.

И сразу же получил резкую отповедь Иловайского.

— Позвольте вам заметить, господин полковник, вы мало знаете своих офицеров. Капитан Демидов привык жить в роскоши: ковры, перины, кутежи, а там спать придётся в седле, да и степь — не батюшкины рудники. Худшей кандидатуры для такого важного дела трудно и сыскать.

Перебрали всех капитанов, ротных командиров, но таможенник не одобрил ни одного. Он здесь был главный заказчик и искал достойного. Перешли к поручикам. И опять из красного угла донёсся раздражённый голос Иловайского:

— У вас-то и среди поручиков одни инженеры, картографы да переводчики. Даже бароны и князья есть, а путного командира, чтоб риску не боялся, днём с огнём не сыщешь. Оно ведь как теперь заведено в армии: есть баре, они служат для почёта, для чина, для парада, — безбоязненно рассуждал всемогущий таможенник, — а есть простые служаки, на плечах которых и держится армия, жаль, что их не так много.

Офицеры настороженно слушали смелые высказывания неистового Африкана и ухмылялись, зная, что ему всё сходит с рук.

— Есть у вас один стоящий поручик, давно я за ним наблюдаю. Смелый до отчаянности офицер. Он, кажется, и самого чёрта не боится, — прижмурился Иловайский, — правда, ему и терять-то особо нечего, гол как сокол.

— Заинтриговали вы нас, Африкан Игнатъич, — вымученно заулыбался комендант, — быть может, и фамилию назовёте?

— Да фамилия на слуху, поручик Крылов.

— Что вы, что вы, Крылова нельзя! — строго заметил бригадир, — за ним тянется хвост... неблагоннадёжен-с.

— Удивляешь ты меня, господин бригадир, — панибратски возразил Иловайский, — на кого теперь можно положиться? В наше-то сумасбродное время... — И помолчав, добавил, — А политику со службой смешивать не надо, пропадём. Другого человека, кому бы я доверил это рискованное дело, не вижу, и пусть господа офицеры на меня не обижаются, — заметив недоброе ухмылку коменданта, спросил, глядя на него в упор: — Может, ты сам пойдёшь встречать караван? Вот бы купчики возрадовались, бригадир Рененкампф со всеми регалиями, на белом коне самолично.

Комендант кинул ненавидящий взгляд на таможенника, лицо его враз побагровело:

— Вы бы, Африкан Игнатъич, не язвили. Здесь всё же офицерское собрание, а не ваш вонючий меновой двор.

— Ну, ваше высокоблагородие, — примиряюще заулыбался таможенный владыка, — я ж пошутил, не сердись и в обиду не вдавайся, мы с тобой как рыба с водой: я на лёд, а ты под лёд.

Бригадир с трудом подавил в себе неудовольствие, заставил себя улыбнуться и вдруг выдал фразу, недавно услышанную от денщика:

— Шутил Мартын, да свалился под тын.

Офицеры враз зашушукали, заулыбались, мол, и наш немец не лыком шит. Скривился в улыбке и Иловайский. Довольный тем, что снял напряжение, комендант с облегчением вытер вспотевшую лысину и, пользуясь правом старшего по званию, постарался уйти от неприятного разговора:

— А что скажут господа офицеры? — И упёрся взглядом в Наумова.

— Ваше высокоблагородие, — поднялся из-за стола начальник штаба, — я считаю, что Африкан Игнатъич высказал общее мнение старших офицеров. Поручик Крылов — опытный, смелый командир, степь знает, да и солдаты его уважают.

— Вот-вот, — вмешался комендант, — с нижними чинами запанибрата, посему и крамола к нему пристаёт.

В зале опять нависла ломкая тишина, офицеры молча наблюдали за поединком. Две главные фигуры троицкой верхушки давно находились в негласном противостоянии. По регламенту бригадир Рененкамф был выше государственного чиновника Иловайского, но на деле всё было наоборот. Комендант лишь охранял границу и таможду, а весь доход в казну шёл через жадные руки таможенника, и поэтому в спорах он всегда брал верх.

— Ладно, Крылов так Крылов, будь по-вашему, — пробурчал бригадир, — но вы, Степан Львович, ответите мне за него головой.

«Вот же какая иезуитская натура, — думал Наумов, — то письма губернатору пишет в защиту Крылова, то готов его под суд отдать. Выкручивается старик, нелегко ему».

Иловайский шумно поднялся, одобрительно глянув на Наумова, хитрый полуполяк-полуеврей уважал майора за его трезвый ум:

— Ну, вы тут решайте, что и как, а мне недосуг, дела, дела. Дозвольте откланяться, господин бригадир. — И дружески тронув за плечо Наумова, удалился.

— Дела, вишь ли, у него, на ночь глядя, — пробурчал комендант, — жёнка молодая заждалась, соскучился. — И уже строго добавил: — Все свободны, а штаб-офицеров прошу остаться. Необходимо срочно разработать всю операцию подробно и к утру мне доложить.

2. Командир сводного отряда

На другое утро поручик Крылов уже получал в штабе полка инструкции и наставления от секунд-майора Наумова.

— Приказом коменданта Троицкой крепости ты назначен командиром сводного отряда. Тебе будет придана полурота драгун и два отделения казаков, — сообщил как отрезал начштаба и добавил: — Людей отберёшь сам.

Наумов был как никогда сосредоточен, строго выговаривал слова, глядя прямо в глаза поручика:

— Задача отряда выдвинуться к озеру Кушмурун, встретить большой караван купцов и обеспечить его охрану до самой крепости. Караванщиков сопровождает усиленный отряд сибирских казаков. Имеются сведения, что в тех местах орудует свирепая шайка разбойников, и наверняка они не прочь поживиться богатой добычей. Степь хоть и просторна, да в ней не спрячешься, всяк на виду. Ты должен всё заранее предусмотреть, предупредить и самому не попасть в ловушку. Земля чужая, народишко там прибитый. Кочевники сами до смерти боятся этих головорезов. Известно, что они даже своих не щадят.

Расстелив на столе подробную карту, Наумов наметил линию маршрута, определил примерные пункты ночёвок.

— Двигаться быстро, за пять переходов надо успеть пересечь Тобол и выйти к озёрам. Их там много: и Тюнтюгур, и Кайбагар, но они севернее, а тебе надо угодить к самому большому, озеру Кушмурун, к южному его краю, к месту впадения в него речки Убаган, вот там и при-мешь у сибиряков караван. Хотя могут быть и другие варианты, на месте определишься.

Майор помолчал, подёргал левой рукой мочку уха, что было у него признаком крайней озабоченности и, задумчиво глядя в окно, протянул:

— Конечно, всего не предусмотреть, враг хитёр, на каждом шагу ожидай подвоха. Вас наверняка будут пасти, попытаются любыми способами остановить, а то и уничтожить. Такое здесь уже было. Соглядатаи вокруг крепости шныряют постоянно, могут и за вами увязаться. Главное — ты должен постоянно думать и за противника, и за себя, разгадать замысел и упредить его хотя бы на один переход. Лучше всего, если бы вы сумели его обнаружить

раньше, чем он вас, и рассеять его по степи, тогда и с караваном будет меньше мороки. Вопросы есть?

Андрей от неожиданности вздрогнул и замялся с ответом:

— Пока нет, но мысленно я уже в дороге.

— Да, вопросы возникнут там, в поле. Эх-хе-хе, знать бы, где пасть, так бы соломки подстлать. Ничего, Андрей Прохорович, ты ж Крылов, и крылья у тебя орлиные, справишься. А теперь в казарму, подбери себе орлов да покрепче, бери любого, кто тебе глянется. Список отдашь на утверждение коменданту. Ну, с богом!

Большую часть отряда поручик взял из своего взвода, тех, кому он доверял, знал, что не подведут. Да и готовил он их сам основательно, как бывший сержант, спуску не давал, оттого и подразделение его считалось самым боеспособным в полку.

Вскоре список был готов, передан в комендатуру, и когда Крылов зашёл в штаб для подтверждения состава команды, то с удивлением заметил внизу приписку. Комендант своим чётким каллиграфическим почерком приписал капрала Понятовского.

— Господин секунд-майор, — возмутился Крылов, — я этого поляка не отбирал. Мне такие вояки без надобности. Одна поганая овца всё стадо может испортить.

— Что поделаешь, господин поручик, — развёл руками начальник штаба, — приказ самого бригадира, а, сам понимаешь, приказы начальника не обсуждаются. Потерпи, да он же и бывший обер-офицер, не простой же солдат.

— Вот именно, что бывший.

Раздосадованный поручик Крылов заторопился в цейхгауз готовить снаряжение, боеприпасы, оружие и вскоре забыл о нежелательном пополнении.

А дома его с нетерпением ждала любящая жена и сын Иван, который, словно предчувствуя долгую разлуку, не отходил от отца ни на шаг.

(Продолжение следует)

г. Троицк

Андрей Смолюк

Мы шли вперёд

* * *

Когда весной похолодает,
То в душу грусть приходит мне.
Сердечко просто так считает:
Должно быть солнце в каждом дне.

И снова женщины прекрасны,
Дарить им хочется цветы
И все дороги мира ясны,
И все сбываются мечты.

* * *

Но небо тучами закрыто
И этот дождь с осенним схож.
И хлябь небесная открыта.
И мир совсем уж непригож.

Тихий декабрьский вечер
Медленно падает снег,
И новогодние встречи
Вновь начинают свой бег.

Иду, и зонт над головою
Спасенье от весны несёт.
Ну а вода с небес рекою
Свою с тоскою песнь поёт.

Встречи и с Дедом Морозом,
С ёлкой горящей огней,
И в этих встречах мы вспомним
Музыку жизни своей.

И женщины не так красивы,
Какими быть весной должны,
Но мужики, мы терпеливы:
Весной терпения нужны.

Тихий декабрьский вечер,
Ох, этот чистый снежок
И разговоры, речи
С ним, словно с милым дружком.

Когда весной похолодает,
Всё ж верю — солнышко в тебя,
Дождь нудно песню отыграет,
И снова счастлив буду я.

Счастье — моё пожеланье
Людам в житейском пути,
С нежностью чтобы свиданья
Каждый в судьбе смог найти.

* * *

Надел сынишка коробок
От спичек на свой нос.
Я посмеялся, но чуток,
«Зачем?» — был мой вопрос
А сын сказал, что просто так:
«Знать надобно: мой нос
Велик иль мал и, в общем, как
Создал его Христос».

«А почему же коробком
Ты измеряешь нос?» —
«Я, папа, расскажу потом
Сейчас к тебе мой спрос:
Ты расскажи-ка мне о том
Как смотрится мой нос.
Большой иль маленький притом,
Насколь он там подрос».

«Нормальный нос, — я говорю, —
Вон у меня каков.
Я тоже в зеркало смотрю,
И без обиняков.
Да и вообще, мужик же ты.
Красив ли нос аль нет —
Ведь женщин всё равно мечты
Тебе несут привет.

Ну а зачем же коробок,
Ответишь или нет». —
«Я, папа, дал таков зарок,
Чтоб ярк был весь свет.
Что если влезет в коробок
Мой славный милый нос,
То сам себе я на умок
И до любви дорос!»

* * *

Урала помню горы и леса,
Что нам дарили тайны, чудеса.
Я помню гладь и буйство горных рек,
И не забыть мне это не вовек.

Мы шли среди и солнца, и дождей,
Среди ненастья и погожих дней,
Мы шли вперед, туда, где перевал
Дороги нам всё брал и открывал.

Зачем нам это было всё дано?
Не понимали, знали лишь одно:
В горах кто не был, был он просто трус,
Смертелен будто комаров укус.

Ах, было это очень уж давно,
Но через годы помним всё равно.
Уральский лес, Юрму и Таганай,
И это просто здорово, считай.

г. Снежинск

Светлана Генералова

Значит, скоро зима

Если позовет Родина

Из рупоров громко войну объявили,
И дрогнуло сердце у матерей.
Страну защитить сразу вы поспешили.
Она проводила своих сыновей.
И стала ждать возвращенья с победой,
Однако не все вернулись домой.
Лежат теперь под Вислой и Эльбой,
Но не забыты своею страной.
В бою вы упали и прахом стали.
И ваши глаза со снимков глядят.
Характеры ваши из света и стали
Теперь возродились у наших солдат.
И если вновь позовет их Родина,
Пройдут по дорогам, что дедами пройдены.
А тем, кто погибли и в землю зарыты:
— Никто не забыт, и ничто не забыто.

Береги Россию

Небо над нею синее,
Солнечный шар на нем.
Имя дано ей — Россия,
В этой стране мы живем.
В травах здесь бабочки вьются,
В поле ромашки цветут.
В небе смеется солнце.
Влюблен в эту я красоту.
Горы синеют Уральские,
Быстрые речки текут.
Люди сильные, крепкие
Сталь из руды здесь льют.
Нет ничего красивей
Родины малой моей.
Деды здесь травы косили.
Слышался плач журавлей.
Не загрязняй реки сливами,
Зря не губи леса.
Коль потеряешь Россию,
Можешь погибнуть и сам.

Возвращайтесь, журавли!

Одинокий листок затаился на ветке рябины.
 Я сегодня с тоской и печалью гляжу на него.
 над моей головой прилетающий клин журавлиный
 Покидает надолго родное до боли жнивье.
 Клич, похожий на плач, и сжимается сердце от грусти.
 Значит, скоро зима, и метели запляшут опять.
 Мы сегодня с тобой журавлей наших милых отпустим,
 А весною вдвоем с нетерпеньем их выйдем встречать.
 Вы летите, друзья, пусть легка будет ваша дорога.
 Мы помашем вам вслед, пока клин не растает вдали.
 Только в сердце у нас никогда не растает тревога.
 Мы вас любим и ждем. Возвращайтесь скорей, журавли!

Владимиру Высоцкому

Он был поэтом — рупором эпохи.
 Нас в песнях звал на покорение вершин.
 Он не любил ни ахи и ни охи,
 Из хлюпиков воспитывал мужчин.
 Как Гамлет, он вопросом задавался:

Иль быть ему поэтом, иль не быть.
 В ролях своих он с нечистью сражался,
 Учил и ненавидеть, и любить.
 Он ангелом взлетел, а мы осиротели.
 Кто нас сегодня за собою поведет?
 Пусть над страной бесчинствуют метели,
 Через года Высоцкий нам поет.

г. Катав-Ивановск

Кристина Дерняева

Как мало женщине надо

* * *

Я сегодня лишилась мечты,
 Она гаснет с последней звездой.
 Здесь, в тумане, среди пустоты,
 Я прощаюсь с тобою...

Мне немного печально, но пусть
 Для кого-то останется счастьем
 Моя тихая давняя грусть,
 А не боль утраты напастью.

И сейчас мне легко, как всегда,
 Когда чувствам встаю на глотку.
 Никогда не могу, никогда...
 И вода заменяет водку...

Всё пройдёт туманом в ночи
 Перекрёстками судеб разрубит.
 От меня, потерявшей ключи,
 Счастлив уж никогда не будет.

* * *

Как мало женщине надо:
 Любимой быть хоть немножко,
 На крайности её взгляда,
 Совсем чуть-чуть, понарошку.

Хватить поцелуй украдкой.
 И теплом наслаждаться.

И, оставаясь загадкой,
 В нежности рук искупаться.

И знать, что здесь, совсем рядом,
 Она тот центр вселенной...
 Как мало женщине надо!
 Любите её непременно...

Как мало женщине надо...

* * *

Ты научил меня не признаваться в чувствах.
 Любить прикосновения, запах, взгляды...
 Понять такое странное искусство —
 Не думать, о чём не надо.

Ты научил довольствоваться малым.
 И беспощадно наносишь раны.
 И каждый раз, пытаюсь жить сначала,
 О чём-то забываю главным.

Ты научил не обижаться вовсе...
 Копить обиды — глупо, наверно...
 Меняется природа в осень,
 А я пытаюсь быть тебе неверной.

Сломать догмат твоих уроков строгих.
 Былой беспечностью наполнить душу.
 И в этих развлечениях недолгих
 Понять: а мне Учитель нужен?

Мой визави, твоя улыбка лжива!
Кругом один обман, куда ни глянь!
И вместо чувств — из местного пошива —
Мне предлагаешь лишь интрижки рвань.

Немного с краю срыва.
Имущество не трогать.
До нашего обрыва
Я доползла сегодня.

Не верю я тебе, но всё ж стараюсь
Спектакль твой досмотреть и доиграть.
В нём ты, любя, а также отрекаясь,
И сохранить боишься, и терять.

Не хочется печали
И горьких расставаний...
Давай уже отчалим
И обозначим грани.

А мне, мой визави, совсем не важно!
Я сделала свой выбор, он непрост:
Оставлю всё ж тебя с душой продажной,
И новой жизни напишу я холст.

Научимся быть вместе,
Но только порознь вроде.
Я не могу невестой
Быть по своей природе.

Где красками чудными без печати,
Я к драме этой декорации любви
Вдруг нарисую, чтобы помечтали
Все, кроме нас с тобой, мой визави.

Я не могу так больше:
С ужимками и фальшью.
Ты намекаешь дольше
И не даёшь, что дальше.

Немного с краю срыва.
Я сильная, я справлюсь.
До нашего обрыва...
Ты? Нет? Я! Да! Срываюсь...

г. Трёхгорный

Хакима

История ненаписанной книги

В начале девяностых в газете «Комсомольская правда» была напечатана статья про остров на Каспийском море Барса кильмас, что в переводе обозначает: уйдёшь, не вернёшься. Сейчас точно не помню, кто из фантастов, пишущих для детей-подростков написал эту статью, то ли Кир Булычев, то ли Крапивин, но что статья была написана одним из этих писателей, это правда! В статье рассказывалось, что попавшие туда люди исчезают, что в годы войны туда ушла целая деревня, уходили от немцев и исчезли. Автор рассказывает, что он, собрав рассказы местных жителей, решил проверить, правда ли то, что рассказывают местные жители. Его предупредили, что каждый там видит своё. Что он там увидел, не буду описывать, но в статье просил: если кто видел там другое, пусть ему напишут. Я прочитала и подумала: вот у мужика с фантазией стало туго, и он пытается пополнить свои фантазии свежими сведениями. А так как считаю, что все люди экстрасенсы, а для экстрасенсов не бывает ни времени, ни расстояния, то подумала: дай-ка я сама смотаюсь на этот остров и посмотрю, что там в действительности происходит и что там так или не так.

И вот я на острове: селение бедное, прилепилось к горной гряде, и на это селение один раз в год из тумана выходят красные быки, телепатически управляемые девушкой. Девушка красивая, с ярко блестящими золотистыми распущенными волосами, покрывавшими всю спину, сидела на спине переднего, самого крупного быка. Быков двадцать две головы, все красные, крупные, взгляд разумный, от чего по спине побежали мурашки. У меня такое чувство, что я нахожусь среди селян и в то же время словно нахожусь сверху, вижу всё, что происходит одновременно вплоть до того, что внутри домов делается. Всё селение в волнении, наверно, готовились встретить незваных гостей. Что я там ещё видела, описывать не буду, часть этого видения включила в книгу «Там, за синим туманом». И вот в какой-то момент понимаю, что меня никто из селян не видит, видят быки и девушка, и что это опасно для меня. Мне надо срочно убираться оттуда. Прихожу в себя. Меня колотит. Потом, разложив по полкам всё, что видела, возмечтала: когда-нибудь напишу книгу и назову: «Красные быки Кызыл Баша». Почему именно Кызыл Баша — не знаю, так подумала.

Уже вовсю пошли лихие девяностые, всё обесценилось, жить стало невозможно трудно и как раз в это время дети один за другим стали заканчивать школу, надо учить дальше.

Помочь получить специальность. Стало не до хорошего. Не до «Красных быков Кызыл Баша». Надо выжить.

Пережили «миллениум», народ начал потихоньку приспосабливаться, кроме как выжить и как прожить завтрашний день, начали интересоваться окружающим миром. Женщины, в основном замужние, начали искать свои половинки, ослабевшие мужики кинулись рыбачить и охотиться. То водой придумают обливаться, то ещё какую-то нелепость надумают, не стало нужды строить светлое будущее, мир потихоньку тронулся умом.

Наконец придумали, это вроде как бы разумнее, чем искать свои половинки и обливаться водой. Стали искать свои корни, чтобы не было иванов, не помнящих родства. Стали рисовать родовые деревья, кто от кого родился, насколько вглубь тянутся корни. А я что, хуже других, как пословица говорит: куда народ, туда и Марья кривая. Дальше дедушек и бабушек не знаю, и никогда не было нужды интересоваться, даже кем они были и чем занимались. Сначала прошлась по маминной линии. Оказывается, прадеда после революции раскулачили, земли на север от Учалов принадлежали ему. Его просто выставили из дома с девятью детьми. Он бежал то ли в зиму, то ли поближе к весне, погрузив детей в худую лошадь, лошадь по дороге пала. Прадед простыл и, недолго прожив, умер от пневмонии, такие скудные сведения по маминной линии. А фамилию он носил в переводе на русский язык — Благословенный.

Теперь надо стало выяснить родословную по отцовской линии. Откуда произошла фамилия Надыршины. Так как никаких сведений нигде и ни от кого не смогла узнать, попросила сестру посмотреть в Интернете. У нас в деревне нет Интернета. Она выкапывает там Надир-шаха жестокого правителя, завоевателя.

Надир-шах родился 22 октября 1688 года от имама Кули по кличке Кызыл Баш. Опана! Сразу всплыли в памяти «Красные быки Кызыл Баша». Теперь мысли повернулись, вспомнила своё видение и обещание написать книгу. Нет, я её назову не «Красные быки Кызыл Баша», а «Предание о Кызыл Баше».

Нужно построить линию книги. Нужен герой, который будет идти с первой страницы до последней. Между огородом, домом, сварить, вымыть, накормить, прополоть, встретить, проводить, уход за скотиной, приглядеть за больной мамой — в голове крутится поиск героя. Герой — это как ствол дерева, от которого растут ветки, ветки не бывают одинаковыми, одни толстые, другие тоньше, и листья на них тоже не одинаковые. И у дерева некоторые ветки не ломаешь, а другие сами ломаются. Нужен, так сказать, прототип. Приезжает одноклассник и друг младшего сына. Мальчишка красивый, умный, спокойный, без амбиций, звёзд с неба не хватает, живёт, решая, и выполняя те задачи, которые ставит перед ним жизнь. Ур-ра, я нашла героя! Беру его в прототипы, не меняя имя, и мать его тоже, не меняя имя. Делаю их горцами.

Начала складываться история, которую я возмечтала написать. Главной задачей в этой истории для меня — теперь надо родить имама Кули по кличке Кызыл Баш, который родит Надир-шаха. Самым большим удивлением для меня во всей этой истории — это информация, которая в скоростном порядке стала поступать со всех сторон.

Кызыл Баш — это значит Красноголовый. Красноголовый, значит, волосы медно-красного цвета. А где могут родиться русоголовые, блондины, рыжие — только на Руси. Это по деревенскому моему пониманию.

Итак, на селение горцев, где живут мои герои, нападают другие горцы и угоняют их в плен. Мой герой, мальчишка четырёх-пяти лет, теряется. Его, бредущего одного по дороге далеко от всяких селений, подбирают русичи, возвращавшиеся с дозора и привозят к себе. Там он растёт в семье русского воина наравне с его детьми. Когда моему герою исполняется двенадцать лет, его берут с собой в соседнее село в гости к родственникам, и там он видит девочку-альбиноску с ярко-рыже-красными волосами, с абсолютно густыми белыми ресницами и бровями. Девочка западает в душу нашего героя. А мне надо придумать имя девочке, руки заняты домашними делами, а в уме перебираю имена. Всех перебрала: и прасковий, и анastasий, и акулин, и ульян, и ни одно имя не подходит. Остановилась на имени Арина.

Приехал младший сын. После расспросов, как жизнь, помощи по хозяйству он занялся своей машиной, стоявшей возле дома. В это время проезжает его друг-одноклассник, видя его, сворачивает к нему, а я в это время пошла за водой на колонку, благо, она рядом. Поздоровалась и прошла. Я же никому не рассказываю, что у меня бутосится в голове. Когда одноклассник уехал, мой сын заходит домой и говорит:

- Мама, знаешь у него родилась дочь, третья дочь.
- Хорошо, будет моим внукам на ком жениться, а то у нас одни мальчишки.
- Знаешь, какое они имя дали ей?
- Какое?
- Арина.

Обалдеть! Я же никому не рассказывала!

— Что же, хорошее имя, — одобрительно киваю. А в моей придуманной ненаписанной книге проходят годы. Вырастают мои герои, и мальчишка-горец просит приёмных родителей сосватать Арину, запавшую в сердце с самого детства. Родители Арины не против, зная добрый нрав и трудолюбие приёмыша. Через какое-то время мальчишка, теперь уже юноша, не забывший название своего родного аула и имя матери, просится вернуться на родину. Старейшины села, посоветовавшись, разрешают, но что вернётся он туда с молодой женой, с тем условием, что её никто не посмеет обидеть и возвращаться они будут в сопровождении воинов, которые поедут в очередной дозор.

Мать у нашего героя жива, их хорошо принимают и через энное время у наших героев рождается сын, которому они дают имя Микола, в память о приёмном отце нашего героя. А горцы ласково называют смышлёного малыша Кули. Вот. Мне же надо было родить имама Кули по кличке Кызыл Баш. Потом в Интернете выясняется, что кличка Кызыл Баш у имама Кули не потому, что у него огненно-красные волосы, а просто он носил тюрбан с ярко-красными полосками.

И мы, Надыршины, совсем не потомки завоевателя Надир-шаха, а тоже всё просто, видимо, когда-то мой пра-пра и ещё много пра- услышал имя Надир и назвал одного из сыновей Надиром и от этого пошла фамилия Надыршины.

Вот такая история. Это моё удивление перед миром, когда выдумка так сплетается с реальностью, что остаётся только разводиться руками и восклицать: вот это да!

Уйский район

Людмила Владимировна

Исполняя желанье

Красоты Урала

Распластался Иртяш предо мною,
От июльского солнца искрясь.
Я приветствую озеро стоя,
Его водной лазури дивясь.

Где светило лучи опускает —
Золотистая рябь на воде.
Словно рыбки златые всплывают,
Исполняя желанье в судьбе.

По кремнистому дну погуляю
И нырну я в прохладу волны.
Там желанье своё загадаю,
Чтоб исполнились светлые сны.

Что за прелесть уральское лето!
Красоту полной грудью вдыхай.
Горы, лес, травный бархат — всё это
Ты с озёрами в дар принимай!

Фестиваль для ВОИ в г. Озёрске

У озерчán гуляет юбилей —
«Маяк» и город семь десятков отмечают!
К ним мчатся гости с ближних волостей
И горожан с улыбкой поздравляют.

На славу праздник в парке удался!
Весь день на сцене песня не смолкала.
О фестивале творчества молва
По Уралу плавно пролетала.

Ансамбли из Кыштыма, Уфалея
Сражали всех костюмов красотой.
Певцы старались, связок не жалея,
А озерчане класс давали свой.

Встречали всех прибывших с теплотой,
Экскурсию по городу дарили.
Подарками, своею добротой
Нас в городе Озёрске удивили.

Там снежинцы создали «светский бал»:
Кружились в вальсе девы в бальных платьях...
Всех танец падеграс очаровал,
А в нём партнёры восхищали статью.

Как плавно звуки музыки звучат! —
Огинского и Гербера, Шопена...
Их ловят, замерев, и стар, и млад,
И лучше нет чарующего плена!

В концертном платье объявляла нас
Светловолосая прелестная Наташа.
Мы видели сиянье многих глаз...
Так представляла Снежинск группа наша!

г. Снежинск

Галина Коханая

Есть сила, правящая нами

Прощённое воскресенье

* * *

Шторы окон раздвигаю,
Горы вижу за окном.
Вдаль смотрю я и мечтаю
Непрестанно об одном —
Чтобы горы защитили
От беды моих родных,
И они бы оценили
Шанс спасения для них,
Протянули близким руки
И к общению пришли,
Прекратив страданий муки,
Наконец в себе нашли
Силы добрые прозренья
И любовь смогли открыть.
Нынче праздник всепрощенья —
Шанс в согласье с миром жить.

В окошко солнышко сияет.
Что день грядущий обещает?
Одарит радостью иль нет?
Или затмит слезою свет?
Есть сила, правящая нами, —
В безделье мы иль за делами
Проводим день очередной,
Советуясь ли с головой,
Свои поступки совершаем.
Дела серьёзные решаем
Не супротив ли доброй воли,
Порою до сердечной боли.
Её всё чаще ощущаем,
Молитвы к Богу обращаем,
Чтобы, познав сей жизни суть,
Пожить ещё не как-нибудь,
А так, чтоб, глядя на закат,
Был каждый сделанному рад.

г. Трёхгорный

Александр Ларчонов

Верить и жить

* * *

Снова промозглая осень
Гонит в домашний уют.
В кронах задумчивых сосен
Ветры шальные поют.
По небу серые тучи
Вдаль унесли журавлей
В край, где теплее и лучше,
Прочь от поблекших полей.
Словно друзей провожаю.
Душу объяла тоска.
Свидимся ль снова — не знаю.
Нету ответа пока.
Всякое может случиться:
Непредсказуема жизнь.
Но под рукою синица,
Вот за нее и держись.

* * *

Золотая осень. Бабье лето.
И поёт душа от восхищенья.
ничего в природе краше нету
Этих удивительных мгновений.
Паутинки в воздухе витают.
Тишина звенит осенним утром.
Солнышко росинки зажигает,
И они сверкают перламутром.
Журавли готовятся к отлёту,
Тренируясь, кружат над долиной,

Оставляя гнезда на болотах.
Грустно им перед дорогой длинной,
А зима уже не за горами.
И все меньше листьев на берёзах.
И грустнее думы вечерами,
И грустнее и стихи, и проза.
Нет тебя, и все кругом немило.
Тут еще и холода нектати.
Обо мне ты, милая, забыла.
Замерзаю без твоих объятий.

* * *

Опустели поля.
Пожелтела листва на берёзах.
И куда-то плывут синевой
Купола облаков.
И звенит тишина,
И росинки в траве будто слезы.
Отдыхает земля
Перед холодом зимних оков.
Паутинки летят,
Изумрудом на солнце сверкая,
Этот ласковый вечер
Как будто бы ими прошит.
И речушка лесная,
В лучах перламутром играя,
На крутых перекатах
О чем-то своим говорит.
От такой красоты
Разрумянились гроздья рябины.

И уже не поют по ночам
За рекой соловьи.
Отчего же с тоской
Провожая я клин журавлиный?
Он вернется весной,
И опять будут тёплые дни.
А зима пролетит,
Как промчалось короткое лето.

И о том, что прошло,
Ни к чему горевать и тужить.
Все плохое в былом,
А хорошее встретится где-то.
Несмотря ни на что,
Надо попросту верить и жить.

г. Юрюзань

Вячеслав Тюнькин

Семиотика и другие заметки

Жупел ГМО

Сегодня о страшном вреде ГМО не слышал только снежный человек.

Только объясните мне, неразумному: как ген, съеденного мной продукта умудряется внедриться в гены моих монад?

Чтобы получить ГМО, используются очень сложные дорогостоящие технологии, которых в естественных условиях не существует. В ином случае мы все давно бы летали над облаками, хрюкали, мычали, колосились, поскольку человечество на протяжении всей своей истории потребляет мясо птиц, животных, злаковые хлеба и каши, овощи, фрукты. Почему же их гены не повлияли на генную структуру наших монад?

Ген представляет собой белок, такой же, как белок любого потребляемого нами продукта. В процессе прохождения по желудочно-кишечному тракту, как и любой белок, он распадается на отдельные молекулы, из которых в соответствии с программой, заложенной в наших генах, строятся белки наших мышц, костей, сосудов и т. д.

Ссылка на крыс («Не кушают они продукты с ГМО!») некорректны. Крысы очень осторожны, не принимают незнакомую пищу. В привычной среде у крыс жесткая вертикальная иерархия. При обнаружении незнакомой пищи принуждают есть её самой низшей по рангу особи, после чего — при наличии положительного результата — к трапезе приступят остальные. В лабораторных условиях у подопытной крысы рядом нет «парии», кроме того — она относительно сыта. А попробуйте поморить её голодом — всё скушает вместе с ГМО.

Угрозу представляют не ГМО, а неорганические стимуляторы роста, гормональные препараты, антибиотики, которые используют нечистые на руку производители продуктов питания для увеличения прибыли.

Вопрос: «Откуда такой ажиотаж вокруг ГМО?»

Мне кажется, ответ на поверхности:

1. Помните постулат В. И. Ленина: «Пока в наших руках хлебная карточка, мы диктуем свою волю!»

2. Помните такую же громкую компанию о фреоне, который есть единственный виновник возникновения губительных для человечества озоновых дыр? На поверку оказалось, что эти дыры появляются и исчезают сами по себе, когда им вздумается, а фреон совсем ни при чём. Однако под шумок фреон был изъят из обращения, его заменил более дорогостоящий хладореагент, мы за холодильники стали платить намного больше. Кто-то положил в карман круглую очень сумму.

3. Представьте себе: высокоурожайной пшеницей, чечевицей, соей и иже с ними накормили голодающую Африку и Азию... Сытый не захочет устраивать у себя ни чёрно-белые, ни цветные революции. Куда продавать устаревшее оружие? Кого привязывать к себе скудным «гуманитарным» пайком?

4. Ищите — кому выгодно.

Вариант частичного решения проблемы борьбы с распространением наркотических средств

Исходное:

1. Большинство случаев приобретения пристрастия к наркотикам является следствием умышленного вовлечения со стороны наркоторговца с целью приобретения потенциального покупателя товара.

2. Как правило, чаще в руки сотрудников правоохранительных органов попадают розничные торговцы.

3. «Оптовики», оставаясь вне поля зрения, получают настолько баснословные прибыли, что, даже находясь в учреждениях лишения свободы, могут жить достаточно комфортно, исходя из чего страх перед наказанием не превышает степени риска.

4. Наркоман является больным человеком, к которому надо относиться, как к больному (виноват сам? — да, но больной ОРВИ тоже виноват сам: надо было теплее одеваться).

Вариант решения проблемы:

1. Чувствительное повышение степени наказания за распространение наркотиков.

2. Применить практику: наркоман, зарегистрированный в наркокабинете, в период «ломки» получает дозу в медицинском учреждении (в наркокабинете).

Ожидаемый эффект:

1. Реальные статистические данные о количестве наркозависимых, что даст возможность легче проводить профилактическую работу, работу по реабилитации.

2. Снижение роста заболеваемости ВИЧ-инфекцией, гепатитами, поскольку инъекции проводятся с соблюдением асептики.

3. Снижение количества краж, грабежей, совершаемых наркоманами с целью получения средств для приобретения наркотиков.

4. Лишение наркоторговца сверхприбыли! Зачем наркоману покупать втридорога наркотик у торговца, если можно получить его «за копейки»?

5. Не имея сверхприбыли, наркоторговец, в какой-то мере (надеюсь — в значительной), потеряет стимул рисковать свободой. На какие средства создавать комфортные условия в местах лишения свободы?

Возможное возражение:

1. Не станут ли наркокабинеты точками наркоторговли?

Ответ:

1. Если подходить с такой точки зрения, то нельзя верить ни полиции, ни ФСБ: подонки есть везде; но ведь их меньшинство, просто они на виду — благодаря средствам массовой информации. О порядочных сотрудниках этих ведомств, в т. ч. и сотрудниках наркокабинетов не пишут и не кричат: недостаточно «жареные» факты. У прессы свои законы.

Семиотика

Когда мы ведём о чём-либо диалог, важно взаимопонимание. Для этого необходимо одинаковое понимание значения употребляемых терминов. История знает примеры, когда с течением времени слова вообще меняли свой смысл (иногда — на противоположный). Как-то я долго искал «стеклянную кружку», пока не выяснилось, что имелась в виду поллитровая банка...

Кто сегодня не шарахается от «страшного оскорбления»: «**националист**»? А вы не задумывались, что это понятие означает по сути?

Национализм всего-навсего означает более тёплое отношение (если хотите — любовь!) к людям своей нации. Что вполне объяснимо и оправдано: общая история, язык, культура, чувство одной семьи. Чьих детей вы любите больше? Своих? Соседских? То-то. И никто не кидает в вас камни. Ведь вы не считаете соседей хуже себя. Вы даже дружите семьями! Они не хуже и не лучше — они просто **другие**: в чём-то они превосходят вас, в чём-то — вы их. И всё. Точно так же и, в понимании националиста, в межнациональных отношениях. Быть националистом — вовсе не значит считать людей другой этнической группы «вторым сортом». Они просто другие.

До середины XX века были запрещены боксёрские бои между спортсменами белой и негроидной рас. Знаменательно, что никакой расистской подоплёки в этом не было и в помине. Просто у человека негроидной расы снижен порог болевой чувствительности, в результате чего при равных физических данных и равной спортивной подготовке последний имеет преимущество. То, что сегодня называют огульно **национализмом**, — это **нацизм**, или **шовинизм**. Как вам будет угодно.

До сих пор «дэгтем мажут» Союз русского народа. Как же! Черносотенцы! А вот нацистами они не были. И в лозунге: «За Веру, Царя и Отечество» — нет ничего не только нацистского, но даже националистического. Монархисты — да. Нацисты — нет. Еврейские погромы происходили в период до создания Союза русского народа, к тому же на территории Малороссии и Белороссии (ныне — самостоятельные Украина и Белорусь). При чём тут черносотенцы? На территории Великороссии антисемитизма фактически не было. И в войне Гражданской войны они не принимали участия: в их понимании это была драка двух груп-

пировок революционеров за верховную власть. Плюньте на экран и не смотрите фильмы, в которых деникинцы или колчаковцы поют: «Боже, царя храни...» Не было этого. И не могло быть! Деникин не допускал монархистов даже в низший командный состав. А в правительстве Колчака кто заседал? То-то.

Принято считать с подачи советской историографии, что черносотенцы — это сброд мракобесов. Я перечислю некоторых из них. Будущий патриарх Тихон, А. А. Римский-Корсаков, князя А. А. Ширинский-Шихматов, В. М. Волконский, академики Д. И. Менделеев, А. И. Соболевский, профессора Б. В. Никольский, И. Е. Забелин и др. (всего 15 фамилий), писатели и публицисты С. А. Нилус, В. В. Розанов, Н. Д. Тальберг, и др. (19 фамилий), художники В. М. Васнецов (по его эскизам создавалась символика Союза), П. Д. Корин.

Вот такие «мракобесы»... Хотел бы я быть в их числе.

Среди моих друзей и ближайшей родни течёт кровь пяти национальностей. И никаких межэтнических разногласий. Я — националист. Я никогда не пожму руку нацисту.

Пора научиться называть вещи, события, понятия своими именами.

г. Коркино

Татьяна Рубцова

А может, бог, услышишь наконец

* * *

Умыта теплым дождиком лоза.
В прозрачных пузырьках играет солнце.
А гроздь из спелого живого янтаря
Так и манит нектаром сочным.
О, сколько раз божественных плодов
Ромео и Джульетта прикасались.
На ароматный запах твой
Все пчелки, бабочки слетались.
Рисунок у листочков не простой —
Такой причудливый, такой изящный.
Знать, над твоею красотой
Трудился не один Данила-мастер.

* * *

Наша жизнь — испытательный срок.
И былем поросла дорога.
Седина-паутинка легла на висок,
Уповать остается на бога.
Сколько было ненужных тревог, суеты.
Оптимистами быть не стесняйтесь.
Новый прожитый день — это счастья глоток,
Каждым мигом его наслаждайтесь.

* * *

Поступки — это зеркало души.
И поговорка есть такая.
Не приведет к хорошему добро.
Из кожи лезешь, и опять плохая.
А может, бог, услышишь наконец!
Ведь ты все видишь и все знаешь.
Зачем же учишь нас творить добро?
И тут же наказание посылаешь.

* * *

Обида, как противная заноза,
Сидит, зараза, и покоя не дает.
Тоску и грусть в душе разводит,
По голым нервам током бьет.
Но есть проверенное средство:
На все и всех рукой махнуть.
Не надо рвать напрасно сердце —
Простить, забыть
И легким сном заснуть.

* * *

Закружилась крúгом голова.
Вновь давление.
Не действует микстура.
Дождь виновник,
А еще жара!
До чего ж противная натура!

Посвящается сестре
Нине Сергеевне

Эх вы, годы мои шальные!
Придержите в галопе коней.
Я душой еще молодая!
Удержусь на скаку в седле.
Буду мчаться, пока хватит силы,
Вместе с ветром и песней живу.
А когда расседлать придется,
Богу ведомо одному.

Елене Владимировне
посвящается

Улыбкою встретит,
Улыбкой проводит.
Из самого сердца идет доброта.
Она наш наставник,
Она наш помощник.
Ты наш кислород!
Без тебя никуда.
Ведь с женщиной этой
В любую погоду
Светло и тепло на душе.
Ты всех нас сроднила своею заботой.
И мы благодарны,
Спасибо тебе!

Доченька

Ты моя помощница.
Ты моя заступница.
Ты моя опора и награда.
Поднялось давление,
Нету настроения —
Мчишься ты ко мне —
И снова рядом!

Зимняя рябина

Жалобная книга

Подайте жалобную книгу!
Туда всю правду напишу.
Как жили мы до девяностых.
Как потеряли ту весну.

Как нам квартиры раздавали.
Работы было завались.
Здоровье в санаториях поправляли.
Ты только знай себе держись.

Растили хлеб, сады растили,
Стада пасли и табуны.
Коров на дойку выводили
Колхоз, совхоз — хозяин ты!

Как пили мы портвейн «Семерки»
И пели под гитару при луне.
Свиданье назначали в парке
И клялись в любви весне.

Детей в Артек на море отправляли,
Бесплатно поступали в вуз.
Мне не забыть по три копейки булки
И сладкой газировки вкус.

А Новый год за месяц начинали:
Костюмы шить и чуда ждать.
Девчонки клеили снежинки,
Чтобы квартиры украшать

Мы были все равны:
И в обиходах, и в одеждах и делах.
А если свадьба на пороге,
То всей деревне напоказ.

И хоронили всей деревней.
С других поселков шел народ,
Чтоб проводить кого-то до погоста,
Отдав ему последний долг.

Подайте жалобную книгу!
Туда всю правду напишу.
Как жили мы до девяностых,
Как потеряли ту весну.

Но не хватает там страничек,
Чтоб рассказать от «А» до «Я»,
Что жили мы при коммунизме.
О боже! Как болит душа!

Зимняя рябина

Зимняя рябина
Красна на снегу.
Сохранила сочность,
Словно на беду.

Красотой играя...
А вокруг мороз.
Надломил он ветку,
Ягоды не впрок.

Надломила ветку,
Отдалась ему.
Зимнему морозу...
Ты поверила кому?

Мне восемь лет

«О люди! Слышите меня?
Война беда, война несчастье.
Война, где слезы, кровь течет рекой,
Где дети горько плачут —
Они бессильны пред войной.

Услышь, ты, Боженька, меня!
Тебя я умоляю!» —
Шептала девочка, украдкой слезы утирая,
Ручонки в небо вознеся,
Косички нервно поправляя.

«Мне восемь лет, войну я повидала.
Смотрела смерти я в глаза,
Когда моё село в огне сгорало,
Там потеряла я отца.

Я украинка, нет, я беженка.
Живу теперь в России.
Тут люди добрые нас приютили,
А там по-прежнему идет война.

Спаси их, Боже! Я прошу тебя!»
Косички поправляя, девчушка, слезы утирая,
Среди цветов, как ангел,
Молитву жарко, не по-детски причитала.

с. Чесма

Татьяна Чайкина

По кусочкам душу собираю

* * *

Отболело,
улетело
птицей белою
Высоко —
к далеким небесам,
Отпылало,
просияло
чистой верою,
Разливая
свет по волосам.

Уплывай, плыви пушистым облаком
К ласковому солнцу в синеву,
И пролейся теплым нежным дождиком,
Напои весеннюю траву.

Закрываю,
засыпаю
с песней тихою
В серебре
бегущего ручья,
Обнимаю,
отпускаю
нитью, свитою
По воде
листы календаря.

* * *

*Светлой памяти Танюши Пановой
посвящается...*

По кусочкам душу собираю
От пожара с теплою золой,
Угольки в ладони задуваю,
Омываю чистую слезой.

Уплывет израненная птица
Тихо... в голубые небеса...
И застынет на моих ресницах
В крике... безутешная роса.

Задрожит струна и оборвется
В вечности холодной пустотой,
Светлою молитвой вознесется
С губ горячих, слившись с высотой.

И от края горестной разлуки,
Где стою во мраке, в забвении,
Отведут невидимые руки
И на путь укажут впереди.

Мягкий луч прольется нитью тонкой,
Засияет с каплями дождя,
И прошепчет голос мне тихонько:
«Все вернется на круги своя!»

* * *

Багряный лес листву роняет,
Летят, курлыча, журавли,
Хрусталь озера обнимает,
И песня слышится вдали —

Она плывет неторопливо
Над полем скошенных хлебов,
Ей травы внемлют молчаливо
Под белым кружевом снегов.

Из тайников — глубоких, чистых —
Капелью зазвучит душа,
И осень в красках серебристых
Ее коснется, чуть дыша...

Овеет легким дуновеньем,
Шепнув, надеждой окрылит,
И в миг прольется Исцеленьем,
В волшебном танце закружит

И теплотою отзовется,
Наполнив новую зарю,
И вдаль тихонько унесется
Пушинкой мягкой на ветру...

г. Снежинск

Анатолий Чигинцев

Как будто и не жили

Белая береза

Белая береза распустила листья.
Белая береза иногда мне снится.
Я смотрю на горы, вроде бы красиво,
Сверху сокол ясный крыльями — игриво,

Камнем вниз несется,
Чувствуя добычу,

И навзрыд смеется —
Все в округе слышат.

Белая береза, пожелтели листья.
Осень золотая в дверь ко мне стучится.
Лето пролетело, как-то не заметил.
Всё вокруг прозрело.
Лист срывает ветер.

Белая береза дождалась мороза.
Белая береза, как в поэме проза.

Раставание

Ностальгия по тебе.
Прости меня, родная.
Приходишь ты ко мне во сне,
Любовь оберегая.

Мне непонятны чувства те,
Я в них не разобрался.
Вдруг вспомнил о тебе в Чите,
Там сериал снимался.

Сюжет похожий, может быть,
Не буду тратить силы.
И нас уже не убедить.
Друг друга разлюбили.

Вот так легко расстались мы,
Как будто и не жили.
В тумане скрылись наши дни.
Мы оба так решили.

Осенний бал

Осенний бал проводит осень.
По кругу пары серебрят.
И ты сегодня кстати очень
Надела праздничный наряд.
Кружатся пары по паркету,
Прижав слегка свои сердца
Смотрю бэушную кассету:
Та осень всех свела с ума.
Ну а сегодня все иначе:
Зал устремил на сцену взор.
Кто будет первым в танце — мачо! —
Жюри озвучит приговор.

Чесменский бал

Листья осенние, ветром гонимые,
Нивы бескрайние, взглядом незримые.
Осень украшена разными красками.
Чесменский бал под красивыми ласками.

Праздник осенний на площади, в школах.
Вместе с Чесмою празднует город.
Нет ничего нам дороже на свете.
Как подрастают счастливые дети.

В центре Чесмы — библиотека.
Детскому миру она не помеха,
В нужное русло направит детей.
Здесь все по-взрослому — нет мелочей.

За здоровье!

Я о здоровье близких помолюсь,
За здоровье поставлю в храме свечи.
С печалью перед богом поклонюсь
И покаюсь с близкими при встрече.

Ты с чем пришел ко мне, сын мой!
Настал черед всесильного пророка.
Иди домой дорогою прямой,
Не дожидаясь окончания срока.

Ошибки близким научись прощать,
Старайся не показывать тревоги
И перед сном молитву прочитай —
Страх перед ним уляжется немного.

Глаза в ночи выискивают свет.
Ждут с нетерпением восхода солнца.
В обители потрепанный Завет,
Нет, не позволит превратиться в монстра.

Ко дню учителя, октябрь 2018 г.

Завтра день учителя,
Детского мыслителя,
Детского мыслителя
Радужной поры.
На пороге класса
Скажет детям: «Баста»,
Завтра на уроке
Пушкина стихи
В классе прочитает,
Осень воспевая.
Ларина Татьяна
Шепчет о любви.
Сад большой, ухоженный,
Самовар положенный.
За столом струится.
Всюду аромат.
Пушкинские чтения,
На балу мгновения.
Души окрыляет
Танец краковяк.

с. Чесма

Петр Овинов*

Глава сельского района

Трафимов № 4(36) - 2018 100

Михаил Иванович Молчан родился 30.01.1956 г. в п. Известковый завод Сосновского района Челябинской области. В 1957 г. вместе с родителями переехал на постоянное место жительства в д. Лебедки Октябрьского района. 1963—1971 гг. учился в Лебединской восьмилетней школе. Там же в 1970 г. вступил в комсомол. В 1971—1973 гг. учился в райцентре, в 9—10-м классах Октябрьской средней школы. С 1973 по 1978 г. — студент Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства. С 1978 г. по август 1979 г. — инженер по эксплуатации машинно-тракторного парка колхоза «Рекорд» Октябрьского района. С августа 1979 по август 1983 г. — на комсомольской работе, сначала второй, затем первый секретарь Октябрьского райкома комсомола. С августа 1983 г. по август 1986 г. — секретарь парткома парторганизации Крутоярского совхоза. С августа 1986 по август 1996 г. — председатель колхоза «Большевик». С августа 1996 по март 2005 г. — глава Октябрьского муниципального района (2002 г. — с красным дипломом юриста окончил Российскую академию государственной службы при Президенте РФ) С апреля 2005 по март 2010 г. — начальник управления по маркетингу и сбыту ООО «Челябстройматериалы» в Челябинске и Новосинеглазово. С марта 2010 г. по настоящее время — глава Октябрьского муниципального района.

Комсомол — организация молодых деловых людей. И это лучше всего подтверждают такие его представители, как бывший первый секретарь райкома комсомола, а ныне глава Октябрьского муниципального района Михаил Иванович Молчан. Место его рождения — поселок Известковый завод Сосновского района Челябинской области. Но родители вместе с годовалым ребенком переехали в Октябрьский район в д. Лебедки, где и остались на постоянное место жительства. Здесь в районе прошло его детство и годы взросления, здесь он встретил свою любовь, Наталью Куплевацкую, ставшую на всю жизнь его верной подругой и опорой. С ней они вырастили и, как раньше говорили, «вывели в люди» дочь и двух сыновей. С ней идут рука об руку и сейчас по непростому трудовому пути. Он руководитель «хозяйства» большого района. Она с некоторых пор — успешный предприниматель их совместного семейного хозяйства. А потому Михаил Иванович считает себя здесь коренным жителем. «Эта земля и люди для меня родные», — любит не без гордости при случае повторять он.

В комсомол Миша вступил, как и было положено, с 14 лет в своей Лебедянской восьмилетней школе. По натуре подвижный и деловой парнишка и в своей восьмилетке, и затем в райцентровской средней школе всегда был в числе комсомольского актива: избирался в бюро и комитеты учебных заведений, секретарствовал, выполнял самые ответственные и сложные поручения. Эти же качества отличали его тогда, когда стал учиться в Челябинском институте механизации и электрификации сельского хозяйства, куда поступил он по собственному выбору, не раздумывая (трактора и машины пленили его с раннего детства) сразу после окончания школы.

Окончив институт и вернувшись в родной район, молодой инженер-механик с его отличными знаниями и богатым опытом общественной работы сразу же оказался необыкновенно востребованным. Во-первых, чуть не сразу по возвращении включил его в орбиту своего актива Октябрьский райком комсомола, который возглавлял тогда очень толковый и дельный парень Николай Усачев. Во-вторых, председатель колхоза «Рекорд» Н. Н. Шипоша, чья резиденция находилась в Лебедках, с гордостью считал Михаила своим доморожденным специалистом с высшим образованием. И сразу же определил его в свой колхоз инженером по эксплуатации машинно-тракторного парка, предполагая в недалеком будущем сделать своим приемником по руководству колхозом. Ну а в-третьих, на умного молодого специалиста, активного общественника, к тому же уже коммуниста, что называется, «положил глаз» и райком партии, видя в нем будущего руководителя районной комсомолки. Несмотря на протесты председателя, к тому же члена бюро райкома, он рекомендовал Михаила на должность второго, а затем и первого секретаря райкома комсомола. Что ж, председатель думал о колхозе, а райком — о районе.

В то время комсомольская организация района насчитывала свыше 3200 комсомольцев, объединенных в 74 первичных организации. Более половины членов ВЛКСМ было занято

* П. А. Овинов, первый секретарь Каракульского и Октябрьского РК ВЛКСМ (1956—1960 гг.)

непосредственно в сфере производства. При этом рабочая и колхозная комсомолья пользовалась несомненным авторитетом в районе. Об этом можно судить хотя бы потому, что на предстоящих в то время выборах в местные Советы народных депутатов из четырех выдвинутых от района кандидатов в областной Совет двое были членами ВЛКСМ. 17 комсомольцев являлись кандидатами в районный Совет и 58 — кандидатами в Сельские Советы.

Как уже опытный и способный организатор, М. Молчан хорошо понимал, что успех его деятельности во многом будет зависеть от состава актива, и прежде всего его руководящего звена. И не жалел ни сил, ни времени на подбор, расстановку, воспитание и обучение секретарей комсомольских организаций. Уже через год среди секретарей первичных комсомольских организаций было 22 коммуниста, более половины секретарей с высшим и н/высшим образованием. Значительно улучшен состав секретарей цеховых организаций, среди которых четвертая часть тоже являлись коммунистами с высшим, н/высшим и средним образованием. Это уже большая сила, с ними можно было многое сделать. И они делали.

С первых шагов своей деятельности Михаил Иванович настойчиво добивается совершенствования стиля и методов работы райкома комсомола. Так, проанализировав структуру и состав районной комсомольской организации, он предлагает членам райкома нового созыва создать из их числа компетентные комиссии в составе 8—10 человек во главе с секретарями и членами бюро райкома по каждому из направлений той или иной деятельности молодежи. Комиссии должны быть ответственны за своё направление и вести работу с молодежью весь период до нового созыва. Было создано шесть комиссий: по трудовому воспитанию, её он возглавил сам; по работе с учащейся молодежью; организационной работе; нравственному и эстетическому воспитанию; физическому и военно-патриотическому воспитанию; по правовому воспитанию. Эти комиссии как бы конкретизировали деятельность каждого рядового члена райкома, стали опорой малочисленному составу штатных работников на местах. Кроме того, при райкоме ВЛКСМ была создана постоянно действующая школа для обучения комсомольского актива, разработан и утвержден график ее работы, который успешно выполнялся. На следующем пленуме был утвержден перечень вопросов для рассмотрения на заседаниях бюро и пленумах райкома, активах и слетах. Всё это придавало деятельности райкома продуманный и выверенный характер действий. Конечно же, главное свое внимание и внимание своей комиссии М. Молчан уделял производственной деятельности комсомольцев. Особенно ему, деревенскому парню и прирожденному механизатору, были и остаются по душе дела, связанные с работой на земле. Непередаваемая музыка работающих в поле тракторов и комбайнов, пьянящий запах вспаханной земли или аромат выколосившегося, созревшего в валках зерна навсегда покорили широкое целомудренное сердце хлебороба. Как накрепко привязал к себе октябрьский равнинный край с его бескрайними полями, сотнями больших и малых озер, заказниками и заповедниками, бесчисленными стаями журавлей, диких гусей, уток, лебедей. То есть всё то, что зовется у нас малой родиной. В этой связи мне, кому тоже посчастливилось испытать прелесть непередаваемых красот тех мест, в свое время пришли на ум вот какие слова:

Родной район.
Окраина России.
Зеленая равнина
Да озера сини.
Гусиный говор,
Крики журавля...
То гимн твой вековой,
О Родина моя!

Малая в большой,
Как коврик в колыбели.
В праздничном лесу
Березы побелели.
О вечном шелестит
Вокруг озер камыш.
Куда ни глянь — простор,
Задумчивая тишь...

Здесь молодость цвела,
С любовью повстречалась.

Да только всё прошло.
Лишь в памяти остались
Гусиный говор,
Крики журавля....
Как гимн твой вековой.
О Родина моя!

Да, но, кажется, мы несколько отклонились от главного.

Обычно в период весенне-полевых работ или осенней уборки урожая первый секретарь РК ВЛКСМ не выпускал из рук баранку видавшего виды райкомовского ГАЗ-69, разъезжая по необъятным полям колхозов и совхозов, встречаясь с молодыми механизаторами, комсомольско-молодежными коллективами, занятыми на полевых работах. А встречаться было с кем. К примеру, только на уборочных работах 1981 года было занято 650 человек молодежи, из них — 430 комсомольцы. На полях работало 25 КМК, 11 семейных коллектива и 14 — работающих под началом наставников по примеру Чеколовца. И везде он был нужен и востребован — и как руководитель-организатор, и как опытный советчик и помощник. Обычно еще на подъезде к тому или иному молодежному агрегату его опытное ухо инженера по звуку работающего двигателя улавливало и определяло состояние техники, давало ему возможность во время обратить внимание молодых механизаторов на неполадки, а, нередко и, засучив рукава, совместно устранить неисправность. Такое общение сближало молодежь со своим руководителем, давало положительный эффект.

Не забывали в райкоме и о соревновательном моменте, о том, чтобы вовремя отметить и поощрить лучших. По итогам года и уборочной страды 278 юношей и девушек были награждены знаками Ленинского комсомола, из них 31 комсомолец — бронзовым знаком ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки», 13 — знаком ЦК ВЛКСМ «Золотой колос», 3 — почетными грамотами ЦК ВЛКСМ, многие грамотами обкома и райкома комсомола. К чести первого секретаря и райкома в целом, они не упивались успехами, а в большей степени обращали внимание на ошибки и нерешенные вопросы. Так, анализируя итоги прошедшей уборки урожая, Михаил Иванович подверг резкой критике секретарей самых крупных комитетов комсомола, В. Федосеева из совхоза им. Ленина и В. Эпштейна из совхоза «Подовинный». Будучи освобожденными секретарями, «они, не организовав работу комитетов, геройствуя, сами сели за штурвалы комбайнов и, по сути, самоустранились от организации соревнования молодежи в период напряженных полевых работ».

Михаил Иванович не только критикует сам, но добивается действенной реакции райкома и комитетов комсомола к критике снизу, в том числе личным примером. На одном из пленумов прозвучало замечание, что райком комсомола не заботит подготовка специалистов в сфере культуры и образования. И теперь, бывая в школах и встречаясь с выпускниками, он постоянно интересуется их намерениями. А в период вступительных экзаменов лично везет группу абитуриентов, изъявивших желание поступить в челябинские институты: культуры, педагогический, механизации и электрификации сельского хозяйства. Помогает им с оформлением документов, устройством в общежития, в подготовке к сдаче экзаменов. С той поры стало правилом: ежегодно кто-то из райкома сопровождал ребят во время поступления в вузы, показывая делом, что они нужны району, что на них надеются, что их будут ждать дома.

Еще пример. Передовая доярка Елена Иванова, выступая, посетовала на то, что они, передовики, мало что знают друг о друге: не встречаются, не обмениваются опытом работы, о них почти не пишет районная газета. С газетой договорились. А затем провели мощный слет молодых передовиков района, на котором присутствовало 360 человек. Юноши и девушки на своих секциях по направлениям работы горячо обсуждали условия и организацию соревнования, знакомились, делились опытом, сообща искали пути освобождения от недостатков. И это стало традицией.

Комсомол района никогда не стоял в стороне от развития культуры и спорта, организации свободного времени молодежи. Возьмем примеры из доклада пленума 1983 года, касаемые культуры. «В районе два университета музыкального образования. В райцентре — на базе детской музыкальной школы, в с. Подовинное — на базе школы искусств. восемьдесят процентов их слушателей — молодежь. Сейчас 3800 участников художественной самодеятельности занимаются в 306 кружках. В 148 кружках для школьников занято 1890 ребят. Ежегодно проводится около 1200 тематических вечеров, устных журналов. В 1982 году дано 946 концертов художественной самодеятельности». Впечатляющие сведения. Но они не устраивают членов райкома ВЛКСМ. Не вся молодежь охвачена мероприятиями, сетуют они. Значит, есть над чем работать, как, впрочем, и в сфере военно-патриотической

и спортивной подготовки. Что ж — здоровая неудовлетворенность — хороший стимул для активизации работы.

Большим отрядом районной комсомольской организации являлся школьный комсомол.

В работе с учащейся молодежью одной из главных своих задач РК ВЛКСМ видел в закреплении молодежи на селе, формировании достойной рабочей смены. Достижению этой цели способствовали организация школьных учебно-производственных бригад. К примеру, летом 1981 г. в районе работало 18 УПБ и звеньев, в которых было занято 1217 старшеклассников, действовало еще 13 лагерей труда и отдыха при УПБ, в которых отдыхало и работало 1108 ребят младшего возраста. Работа в поле, участие школьников в больших делах и заботах хозяйств помогали ребятам сделать выбор в профессию.

Важную роль в обучении и подготовке кадров в районе сыграло и играет профессиональное училище № 116, преобразованное ныне в филиал ГБОУ СПО (ССУЗ) «Троицкий технологический техникум» с опытным коллективом преподавателей и своей материальной базой.

В трудовом и военно-патриотическом воспитании районная комсомольская организация широко использовала районный Совет ветеранов, которым руководил Владимир Гордеевич Гнатюк, а также 20 колхозных, совхозных и других ветеранских организаций.

Тесная связь советов ветеранов и молодежных организаций давала положительный эффект.

Значительное место в работе райкома и всей комсомольской организации занимали борьба за сохранность социалистической собственности, помощь органам внутренних дел в охране общественного порядка. В районе действовало 18 оперативных молодежных отрядов, в которых было занято более 200 комсомольцев. Работе комсомола и штабов «Комсомольского прожектора» района по усилению режима экономии, бережливости и сохранности социалистической собственности 3 июня 1983 г. был посвящен специальный пленум райкома.

Так же продуманно и организованно велась работа по другим направлениям. И во всем чувствовалась твердая рука М. И. Молчана. Это не могли не видеть в РК КПСС. И когда понадобилось укрепить руководство партийной организации совхоза «Крутоярский», он был направлен на этот участок работы. На пленуме РК ВЛКСМ во время освобождения Михаила Ивановича от обязанностей секретаря райкома присутствовал Ю. Е. Стариков, первый секретарь обкома, который сказал: «М. Молчан был у нас среди сельских секретарей на хорошем счету, пользовался доверием и уважением обкомовских работников, и сейчас, когда его направляют на трудный участок партийной работы, можно сказать, что мы не ошиблись в его оценке».

В 1986 г. общим собранием колхозников он избирается председателем колхоза «Большевик», в котором успешно затем проработал 10 лет, получив отличную закладку хозяйственного руководителя. Причем почти половину из них — в годы «глубочайших перемен и безответственных экспериментов».

«В это самое время, — вспоминает М. И. Молчан, — я был назначен исполняющим обязанности, а в декабре этого же года был избран главой района. В 2000 г. состоялись новые выборы и меня избирают вновь». Между тем повсюду, а не только в районе продолжала действовать разруха. Прекращали свою деятельность предприятия, как снежный ком росли долги по зарплате, пенсиям, пособиям. Предприятия и население были лишены накоплений, оборотных средств, собственности. Росло недоверие к власти. Удивительно, но и в этих условиях руководству района удавалось что-то делать для людей.

«Но на каждый нарабатанный плюс, — вспоминает М. И. Молчан, — находился свой минус. Когда я начинал работать в должности главы, население оплачивало 30 % стоимости коммунальных услуг, 70 % приходилось на районный бюджет. Затем плата составила вначале 50 % на 50 %, а к 2005 г. население оплачивало уже все 100 % услуг ЖКХ. Социальное напряжение росло. И людей можно было понять. На выборах 2005 г. мне было отказано в доверии».

Но ненадолго — скажем мы. Уже на следующих выборах селяне снова вручили власть в районе своему доморощенному лидеру. И вот уже девятнадцатый год, с небольшим перерывом, Михаил Иванович Молчан возглавляет родной Октябрьский район. За эти годы трудно, но уверенно жизнь в районе меняется к лучшему. Из г. Троицка в район проложены водоподводящие трубопроводы для питьевой и горячей воды, которые содержатся в надлежащем порядке. Оттуда же по трубам высокого давления подается естественный газ для производства и населения. В настоящее время в районе газифицировано 26 % жилого фонда. Газ подается в 8 населенных пунктов. В том числе такие села, как Каракуль, Подо-

винное, Кочердык, газифицированы полностью, близок к завершению райцентр. В 2018 г. на газификации района предстоит освоить 32 млн рублей.

Но главное — успешно развивается сельское хозяйство, основу которого при неизбежных тогда потерях удалось сохранить. Постановлением губернатора области 29.09.2016 г. район был признан лучшим сельскохозяйственным районом области с вручением ему областного переходящего знамени. Михаилу Ивановичу как главе района, Б. А. Дубровский также вручил наградной знак «За заслуги перед Челябинской областью». Имеет он и еще награду — медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» второй степени. Награда, которую смело можно сравнить с наградами военной поры, если учесть, какие трудности удалось преодолеть главе района и его жителям в тяжелую пору «проклятых девяностых».

Закончить статью рискну личными впечатлениями от недавнего пребывания в районе. Хорошеет райцентр, строится в нем по задумке Михаила Ивановича православный храм. Продолжается газификация и благоустройство сел. Крепнут сельские предприятия и фермерские хозяйства, возвращается постепенно в оборот пашня, увеличивается поголовье скота. Растет, учится и вступает в жизнь молодое поколение сельчан. Доброго здоровья и успехов вам, дорогие земляки, и Вам, Михаил Иванович, — надежному, преданному родному краю и Октябрьской земле человеку.

г. Челябинск

Лев Львов

Столетняя юность моя

День рожденья! Столетняя дата...
И опять вспоминается мне
Мой ровесник, рожденный когда-то
На далекой Гражданской войне.

Кто не помнит те годы лихие,
Нашей юности трудное время?
Комсомол как набат, как стихия
Звал на подвиг отважное племя.

Мы себя познавали на практике,
Не стояли мы перед выбором.
Нас в дорогу звала романтика
Со Светловым, Высоцким и Визбором.

Это мы подгоняли прогресс!
Самотлор или БАМ с Усть-Илимом,
Комсомольск, ЧТЗ, Днепрогэс —
От истории неотделимы.

С сорок первого по сорок пятый
Без сомнений, без лишних вопросов
Уходили на битву ребята:
Кошевой, Талалихин, Матросов.

Где-то тропами партизанскими,
И в неволе, и даже в плену
Кузнецовы и Космодемьянские
Не себя защищали — страну!

Мы гордимся истории веками,
Нам подвластны глубины и высь.
Под Гагаринское: «Поехали!» —
Мы в космический мир прорвались!

Мы о трудностях не жалели,
И они нас на подвиг вели.
А какие мы песни пели!
И о Родине, и о Любви!

Забывать эти песни не надо!
Вечно им в нашем сердце звенеть:
Про «Каховку», «Заботу», «Гренаду»
Наши внуки еще будут петь.

Мы в легенды уйдем непременно,
Пробил нашей истории час.
Только кто же придет нам на смену?
Да и будет ли смена для нас?

Все равно остаются надежды,
И хоть век уже целый прошел,
В нашем сердце живет и, как прежде,
Не стареет душой КОМСОМОЛ!

И не верьте вы слухам и сплетням —
Все покроет истории дым.
Молодой он! Хотя и столетний,
И останется молодым!

г. Челябинск

Детская комната

Сладкоежка

К нам в окно залетела оса.
«Ах, какие вокруг чудеса:
Есть и мёд на столе, и варенье,
Удержаться не хватит терпенья!»
С удовольствием мёду лизнула,
Вместе с крыльями в нём утонула.
Сладкоежка кричит: «Помогите
И от липкого мёда спасите!»
Долго, долго осу отмывали
И в стакане с водой бултыхали,
Процедили сквозь сито мы воду,
Отпустили осу на свободу.
Опустилась оса на траву,
Подсушилась на тёплом ветру,
И вздохнула она с умилением:
«Очень жаль, не лизнула варенья».

Валентина Харько

Каракули

Пишет Андрюша не буквы — каракули,
И никому их не разобрать.
Будто в курятнике курицы лапами
Вместе с Андрюшей в тетрадках царапали,
Двойка — Андрюше, а курицам — пять!

Шахматы

Вновь за шахматным столом
Дед и внук сидят вдвоём.
Знать, урок для малыша
Дед проводит не спеша.
В новой партии внучок
Сжал сердито кулачок.
Рассмеялись стар и млад:
Внук поставил деду «мат»!

п. Дубровка, Красноармейский р-н

Вера Белова

По следам Агнии Барто

* * *

Мы игрушку починили.
Лапу Мишеньке пришили.
Нам понравилось чинить,
Мы решили обновить
Платьице у куклы Кати.
Лента синяя тут кстати,
Кукла в платье голубом
Выглядит как новая,
Будем шить мы для неё
Модные обновы!

* * *

Не хотел кататься кот,
Он машину опрокинул,
Фыркнул, комнату покинул,
Пулей выскочил во двор
И запрыгнул на забор,
По забору пробежался
И на крыше оказался!
Он прогнал всех воробьев,
Хвост трубой! И был таков!

* * *

Таня, милая, не плачь!
Посмотри, не тонет мяч!
Лёгкий он, резиновый,
Сейчас мы его выловим!

* * *

В гости я к своим друзьям
На лошадке прискакал.
Чтоб она не убежала,
Я лошадку привязал.
В шашки поиграл с друзьями,
И в лото, и домино.
А потом домой вернулся,
Благо здесь недалеко.

* * *

Ночь настала, город спит.
Только слон у нас грустит.
У него бессонница —
На родину он просится.
Вспоминает он саванну,
Как с подружкой гулял,
Рвал кокосы и бананы
И слонику угощал.
Вот и мается в коробке,
Где и грустно, и темно,
Нет матраса, нет подушки,
Главное, что нет подружки
В той коробке у него.

* * *

Зайку жалко, он промок,
Со скамейки слезть не смог,
Заболел и занемог
От ушей до самых ног.
Нерадивая хозяйка
На сушилке лечит зайку.

* * *

Вместо самолёта
Сделали ракету.
Мы отправимся в полёт
На дальнюю планету.
Ты нам, солнышко, свети,
Чтоб с маршрута не сойти

От звезды и до звезды
Через млечные пути.

Приземлимся. Погуляем,
И друзей себе найдём.
К вечеру вернёмся к маме,
Ей расскажем обо всём.

Серафима Москвина

Великий Караванный путь

Нет сказок лучше тех, которые создает сама жизнь.

Г. Х. Андерсен

Мы жили в небольшом старинном городе Троицке, расположенном на юге Урала, на границе с Казахстаном.

Стояло жаркое лето 1946 года. Недалеко от нашего дома в степи протекала узкая синяя речка Увелка. Теплая, ласковая, мелкая, с прозрачной прогретой на солнце водой, она как будто была создана для детей. Целый день на Увелке не смолкали детский смех и веселые крики, смешанные со сверкающими на солнце брызгами воды.

В жаркий июльский день, накупавшись досыта в любимой речке, я вышла на берег. Разогретый на солнце воздух охватил меня своим теплым дыханием. Я попрыгала на носочках, чтобы стряхнуть воду и крикнула:

— Лёлька, ты где?

— Я здесь, — тут же отозвалась сестренка и тоже вышла на берег.

Мы почти не отличались по росту. Маленькие, худенькие, загорелые, с мокрыми косячками.

— Как есть хочется! — призналась Лёлька.

— Ага, — ответила я, и, взявшись за руки, мы быстро побежали по извилистой тропинке прямо к нашему дому.

Еще издали заметив что-то необычное у наших ворот, мы ускорили бег и вскоре остановились как вкопанные:

— Ой! Ой! Кто это?! — в один голос изумились мы.

У ворот стояло огромное коричневое чудо на длинных ногах, с двумя горбами и длинной шеей. Чудо величественно и спокойно что-то пережевывало своими толстыми губами, и так же спокойно и внимательно оно посмотрело на нас. Рядом стояли наш дедушка Гриша и незнакомый мужчина в темных одеждах и белой чалме. Незнакомец был невысокого роста, смуглый, с добрыми темными глазами. Они о чем-то увлеченно говорили на непонятном языке.

Увидев нас, дедушка рассмеялся и подошел:

— Девочки, не бойтесь, это верблюд, очень доброе животное, любит детей. Если вы не будете его дразнить, то подружитесь.

Из соседних дворов прибежали ребята. Они были полуодеты, маленькие, худенькие, загорелые. Все с любопытством смотрели на незнакомца, на дедушку и, конечно, на верблюда, и от изумления у них ярко блестели глаза, а лица освещала радостная улыбка.

— Это дядя Сайд, — сказал дедушка. — Он араб, приехал на верблюде из своей далекой страны. Хотите погладить верблюда?

— Да! — закричали ребята. Дядя Сайд и дедушка Гриша поднимали каждого малыша, и все гладили животное. Дядя Сайд тоже поглаживал и похлопывал верблюда, и что-то говорил на своем языке. И вдруг на глазах изумленных ребят верблюд встал сначала на одно, потом на другое колено, а потом полностью опустился на землю.

— Кто не боится? Кто хочет сесть вот сюда? — Дядя Сайд указал на место между горбами.

Ребята сначала притихли, потом враз начали кричать:

— Я хочу! Я не боюсь!

— Дядя Сайд, меня посади!

Каждый, взобравшись на заветное место с помощью дяди Сайда, старался обнять горб верблюда, прикоснуться к нему щекой. Неповторимые ощущения будоражили детей, и по-

том, оказавшись на земле, они прыгали, как мячики, хлопали в ладоши и громко смеялись. И радость, как веселая песня, разливалась по всей улице.

— Ну, хватит, хватит, а то верблюда испугаете, — успокаивал детей дедушка.

— Послушайте, что я вам расскажу, это интересно. Когда-то давным-давно через наш город проходил Великий Караванный путь, и тогда из далеких азиатских стран через наш город передвигались целые караваны верблюдов. Только они могли перевозить тяжелый груз по далекой, трудной и опасной дороге, через пустыни и горы. За это люди очень ценили верблюдов и называли их «кораблями пустыни». Они везли шелк, фрукты, орехи и всё то, чего нет у нас в России. Мы отдавали им мех, пшеницу и многое другое. Люди почитали верблюдов за терпение, выносливость, мудрость, доброту и преданность человеку. Да так почитали, что разместили на гербе нашей Челябинской области. Вот какое это животное! Я правду говорю, Сайд?

Гость всё это время смотрел на нас, улыбаясь и одобрительно покачивая головой.

— Да, да, конечно, правду. — И он с благодарностью пожал дедушке Грише руку.

— Когда приходил долгожданный караван, — продолжал дедушка, — наш город преображался как в сказке. По улицам ходили иноземцы в своих национальных одеждах: халатах, чалме, тубетейках. Разноязыкий говор раздавался повсюду. И хотя люди говорили на разных языках, они понимали друг друга. Это было интересно и весело. Вот тогда-то я изучил восточные языки, а мой друг Сайд научился говорить по-русски.

Особенно преображался рынок. Прилавки украшали горы урюка, орехов, хурмы, дыни, пряности и другие невиданные чужеземные лакомства. Продавали красивый натуральный шелк. Шла оживленная торговля, и было много радостных дружеских встреч. Это был большой народный праздник. Звучали русские и восточные песни, повсюду радость и веселые лица. Люди были добры друг к другу.

— А верблюды тоже гуляли по городу? — тоненьким голоском спросил маленький мальчик с взерошенными волосами и любопытными глазками.

— О! — улыбнулся дядя Сайд. — Верблюды отдыхали на постоянных дворах наших друзей. Им ведь надо было везти груз и в другие города. Мы их поили, ухаживали за ними, чтобы верблюды хорошо отдохнули. — И дядя Сайд погладил мальчика по голове. — Ты молодец! Какой же ты молодец!

— Хорошие были времена, — сказал дедушка Гриша. — Незабываемые. Может быть, когда-нибудь Великий Шелковый путь возродится?!.. — мечтательно произнес он и посмотрел на Сайда. В их глазах блестели слезы.

Настало время прощаться. Дядя Сайд подошел к дедушке, они еще о чем-то поговорили и обнялись на прощание.

— Будь здоров, Сайд! Думаю, что мы скоро встретимся!

— Обязательно, главное — не забывать друг друга.

Он отвязал верблюда и повел его вдоль залитой вечерним солнцем дороги. Неугомонные ребятишки долго бежали за ними.

— А вы еще приедете? А караван придет в наш город? Скорее приезжайте, мы вас любим и будем ждать! — кричали они.

— Мы обязательно приедем. Обязательно даже! — Дядя Сайд поворачивался к детям и кланялся им до земли.

И веселое возбуждение звучало по всей округе еще долго после того, как дядя Сайд с верблюдом скрылись за поворотом.

Р. С. Прошло много лет. Дедушка Гриша давно умер и дядю Сайда мы больше никогда не видели. Но их мечта живет в нашей памяти, и мы помним их слова: «Может быть, когда-нибудь Великий Караванный путь возродится...»

Сейчас люди используют для перевозки грузов другие современные средства. Но Великий Караванный путь возродился! Под этим названием и по этой дороге ежегодно проходят международные соревнования по авторалли. Бывалые спортсмены, преодолевая трудный опасный путь из далеких Азиатских стран через Китайские горы и пустыню, с восхищением и почетом вспоминают те далекие времена, когда этот же путь без машин преодолевали люди и их преданные, выносливые друзья и помощники — верблюды, навьюченные тяжелым грузом. Они делали это, чтобы установить связь с другими народами, чтобы поделиться своими богатствами, а самое главное — ради великой дружбы!

В России каждый уголок прекрасен, богат, чем-то славен и имеет свою неповторимую историю. Хорошо, если эту историю ты узнаешь в детстве от близких и пронесешь ее через всю жизнь.

г. Снежинск

Анатолий Кухтурский

Тайна степных озер

108

Графман № 4(36) - 2018

В Крутоярском поселении недалеко от деревни Быково расположены два небольших озера, внешне ничем не отличающихся от соседних. Вряд ли они привлекли внимание к себе, если бы не их названия. Озера называются Имеретенские, Большое и Малое. Это и вызывало недоумение. Почему Имеретенские? Ведь Имеретия, как известно, историческая область Западной Грузии. В составе Грузии вошла в Россию в 1810 году. Как далекое название попало в степное Зауралье? Есть ли рядом нечто подобное?

Ничего подобного в названиях окружающих озер не было. Названия были исконно русские либо тюркоязычные. Но это легко было объяснить. До заселения территории казаками в степи проживали башкиры, казахи, сибирские татары. Они-то и дали названия на своем языке. По всему было видно, что Имеретенские озера к этому ряду не имели никакого отношения. Не могло в Зауралье ни с того ни с сего появиться это грузинское слово. Оно, по всей вероятности, дано либо грузином, либо в честь людей или событий, связанных с Имеретией. Но что могли делать за тысячи километров в Зауралье эти люди не менее чем пару веков назад? Вероятнее всего, они могли находиться здесь на государственной службе, например на военной. Такое предположение не было лишено смысла. Действительно, Крутоярское поселение находилось на Оренбургской казачьей линии. Казаки несли военную службу. Они охраняли границу, участвовали в строительстве крепостей. Среди них могли быть и представители Грузии. Но как это проверить? Единственный путь — дать запрос в архив. Подало два запроса по казачьим делам в Оренбург и Челябинск. Оренбург отмолчался, зато из Челябинска прислали выписку из очень интересного документа. На запрос пришел список казаков, имеющих земли близ Крутоярской крепости согласно проведенному межеванию земель во второй половине XIX века. За заслуги в походах и сражениях казаки Оренбургского казачьего войска поощрялись земельными наделами вдоль всей казачьей линии. Одна из записей гласила: «Межевая книга Челябинского уезда уведомляет, что пустошь Прошкина вторая (регистрационный номер 198) находится во владении князя Александра Дмитриевича Багратиона-Имеретинского». Вот и разгадка нашего вопроса. Оказалось, все так просто. Но кто он, князь Багратион-Имеретинский, получивший землю в далекой зауральской степи?

Дореволюционная энциклопедия Брокгауза и Ефрона дала следующее разъяснение: «Багратион-Имеретинский — грузинский княжеский род... В 1863 году князь Александр Дмитриевич Багратион-Имеретинский утверждён в титуле светлости». Этого было мало, чтобы узнать о человеке. Дальнейшие данные были получены в процессе интернет-поиска.

Александр Дмитриевич Багратион-Имеретинский родился в 1843 году в Гродно, где в то время командовал гусарским полком его отец, генерал-майор Дмитрий Георгиевич. Гродненский гусарский полк был одним из доблестнейших полков русской армии. Под руководством Дмитрия Георгиевича Багратиона-Имеретинского служил в лейб-гвардии Гродненского гусарского полка М. Ю. Лермонтов. Генерал-майор Багратион-Имеретинский участвовал в русско-турецких войнах, в усмирении польского восстания. Он был приближен к царскому двору.

Мать, Ольга Валериановна, урожденная княгиня Стройновская. О ней даже писал Александр Сергеевич Пушкин в поэме «Домик в Коломне».

...Туда, я помню, ездила всегда
Графиня... (звали как, не помню, право).
Она была богата, молода;
Входила в церковь с шумом, величаво,
Молилась гордо (где была горда!).
Бывало, грешен! Все гляжу направо,
Все на нее...
...Графиня же была погружена
В самой себе, в волшебстве моды новой,
В своей красе надменной и суровой...

В такой достойной семье родился Александр.

Трагична судьба родителей Александра Дмитриевича. Его отец умер, когда сыну было всего два года. Первого октября 1845 года князь Дмитрий Георгиевич, как обычно, выкупался

в реке. День был пронзительно холодный, ветреный, со снежной крупой. Вечером князя била лихорадка, но он утром вышел смотреть учения. Неделю князь геройствовал, но болезнь не унималась. Его отвезли в Петербург, и вскоре пришла печальная весть. Ненадолго пережила мужа княгиня Ольга Валериановна. Тридцати лет от роду она скончалась в Париже от чахотки, оставив двух малолетних сыновей.

Александр, как и его отец, пошел по военной линии. Учился в Пажеском корпусе, который успешно закончил в 1861 году. Имел блестящее будущее, но пожелал военную службу познать с низов. Служил в различных военных подразделениях. Был направлен в Оренбургское казачье войско. Участвовал в Хивинском походе 1873 года, командовал второй сотней Оренбургского полка. Был тяжело ранен. За подвиги в войне вместе с другими участниками кампании получил землю в Троицком уезде по Уйской линии. Проживал в Уфе. Ранение давало знать. В 1879 году выехал на лечение в Швейцарию, где и скончался 36 лет от роду.

Жена Лидия Алексеевна преподавала французский язык в Уфе в Мариинской гимназии. После смерти мужа в 1880 году возглавила Мариинку, где проработала до 1917 года. После революции светлейшая княгиня жила бедно, была предана забвению.

Багратион-Имеретинские воспитали двух детей — дочь Ольгу и сына Александра. Сын Александр Александрович закончил Оренбургский кадетский корпус и был также военным. Скончался в 1943 году. Сегодня потомки Багратион-Имеретинских проживают в Киеве.

Так незаметные степные озера раскрыли свою тайну. А сколько еще таких непрочитанных страниц хранит история Южного Урала.

с. Чудиново

Рудольф Сырейщиков

Разъезд Липиниха

На северо-западе моего родного Кыштыма, в районе, называемом жителями Егозинкой (по имени здешней речки), есть любопытные объекты для путешественника: красивая соборная мечеть с блестящими под солнцем куполами у железнодорожного вокзала, старообрядческая часовня (на так называемой Перевалочной базе), около шоссе Кыштым — Касли на выезде из города видны цеха известной кварцевой фабрики. Если подняться отсюда по автомобильной трассе чуть северо-восточнее, то с высокого моста откроется замечательный вид: горы Сугомак и Егоза, железная дорога Челябинск — Екатеринбург, уходящая в лесную даль, рядом с железнодорожными путями — добротный домик с прилепившимися строениями. Это и есть разъезд, или кордон, Липиниха, некогда место обитания путевых обходчиков, подойти сюда можно по просёлочной дороге.

С 1898 года, с пуска в эксплуатацию железной дороги, тут, около крутого поворота путей, постоянно дежурили путевые обходчики. При строительстве дороги, видимо, пришлось обходить обширные болота. На повороте была сооружена большая насыпь с уложенными на неё деревянными шпалами, для крепления рельсов применялись железные костыли. Обходчики ежедневно в любую погоду проверяли металлическим шаблоном зазор между рельсами, чтобы те не расходились при движении поездов. На случай ремонта вызывали путевых рабочих.

Глядя на аккуратный домик у дороги, невольно представляешь в нём деда по отцовской линии, Фёдора Сырейщикова, и бабушку, Юлию Ивановну, которые жили и дежурили на разъезде в довоенные годы. Маршрут обхода после большого изгиба железнодорожных путей тянулся до переезда через линию гужевого транспорта. Здесь когда-то стояла красная будка — предупреждающий знак для машинистов поездов (нередко случались наезды на скот). Дальше маршрут следовал через речку Егозинку, ну а там близок и посёлок Кувалжиха, в котором можно было отовариться продуктами.

Постепенно поток товарных и пассажирских поездов увеличивался, требовался и больший контроль за путями. Но это обстоятельство не особо напрягало супругов, свыкшихся с обязанностями службы и образом жизни в отдалённом от города месте. Дети их выросли, обзавелись семьями и разошлись по другим адресам из некогда совместной усадьбы на улице Кирова.

Липиниха стала для деда и бабушки благодатным местом. Появились знакомые в Кувалжихе. Летним утром с восходом солнца можно было с проверкой путей совместно сбор ягод и грибов, накосить сена для коровёнки. У болотца срезать гриб подберёзовик, а на солнечном припёке — маслёнок и сварить запашистый грибной суп. При большом разливе Егозинки не составляло труда наловить рыбы на ядрёную, с перчиком ущицу. М-мм! Это что-то! Волновать их могли разве что только гудки паровозов, но к ним дед и бабушка давно привыкли и спокойно под них засыпали.

Со временем сформировалась целая плеяда потомственных железнодорожников. Мой отец Андрей Фёдорович Сырейщиков — самый первый телеграфист на станции Кыштым — много лет проработал старшим дежурным и замом начальника первого поста во время строительства Челябинска-40 (Озёрска). Работал на станции дежурным Дмитрий Михайлович Сырейщиков. Путевыми рабочими служили родственники Кудряшovy.

По словам нынешнего начальника станции Кыштым Василия Антоновича Маркина, на Липинихе теперь не дежурят обходчики, в домике просто живут обычные люди. Деревянные шпалы заменены на более надёжные железобетонные. Дефекты на путях обнаруживаются дистанционно специальной аппаратурой. Живописный домик у железной дороги на фоне гор и уральского леса остаётся напоминанием о прошлом для нынешнего и будущих поколений.

г. Кыштым

Наталья Дубровина

Газетные байки — 1

В августе у нашей районной газеты «Настроение» день рождения. Прочитала об этом в заметке. И в памяти всплыли воспоминания о давно минувших годах, связанных с ней, прозванной в народе «брехаловкой».

На дворе стояла глубокая осень. В почтовых отделениях всюду шла подписная компания. Цены были копеечные, и любая семья могла себе позволить выписать себе и детям любые издания: «Науку и жизнь», «Крестьянку», «Здоровье», «Работницу», «Роман-газету», «Пионерскую правду», «Мурзилку» и пр.

Были мы в гостях у друзей, сидели за столом после бани. Женщины и дети пили горячий чай с вареньем и конфетами, а мужчины наслаждались холодным пенным пивком «Жигулевское», продававшимся на разлив. Сегодня нам седьмой десяток, а тогда чуть-чуть перевалило за тридцать. Полны энергии, задора. Говорили обо всем. Вдруг хозяин дома Геннадий спросил:

— Вы местную-то «сплетницу» выписали?

— А как же без увельских новостей, скучновато.

— Мы тоже в обязательном порядке ее выписываем. Раньше я жил в городе Н. Там кладбище находилось в городской черте. Событие, которое произошло именно на кладбище, было прописано в местной газетке.

Случилось оно, пожалуй, в период юности наших родителей. Так как погост находился непосредственно в жилом районе, часто припозднившимся гражданам приходилось добираться домой через его территорию.

И существовал тогда мерзкий воровской промысел по вскрытию новых захоронений с целью наживы: костюмов, золотых часов и колец. Трое «кладокопальщиков» поспешно занимались привычным делом в полной гробовой тишине. Оставалось им уже меньше половины. Вдруг послышалось громкое неслаженное пение. Это возвращалась восвояси подвыпившая группа женщин, именуемая «синявками», которым любой куст и яма — дом родной.

Пришлось воришкам приостановить работу и спрятаться за памятники соседних могил. Вокальный ансамбль проследовал в двух шагах от места преступления. Одна из певиц оказалась именно в этой яме. И тут же уснула.

Выждав некоторое время, мужики, закулив, принялись вновь за дело. Чья-то лопата потревожила крепкий сон дамы. И она, увидев огоньки папирос, востребовала:

— Эй, мужики, дайте закурить!

Далее в комментарии сообщалось, что один из них остался навечно в «охранниках» усопшего. Двоим повезло вернуться домой живыми. Но кто-то стал как лунь седой.

Газетные байки — 2

Компания из двух семей продолжала наслаждаться чаепитием после баньки. В доме топилась печь. Весело потрескивали дрова в очаге, и приятное тепло растекалось по телам каждого. Слегка клонило в сон, но расхотеться не хотелось. Пришла очередь рассказывать байку про средства массовой информации и мне.

Проживал в соседнем городе Южноуральске мужик, назовем его Тимохой, не старый годами, трудоспособный еще. Время было золотое: брали тогда на поруки «заблудшие души»,

любившие принять по 100 грамм и более до работы и после, а также по выходным дням. Зарплату выдавали на руки. При желании можно было оставить себе заначку. Припрятать, например, за козырек. Что и делал постоянно наш герой. Понятно, что прошел он уже через воспитательные меры месткома и через медпроцедуры вытрезвителя. Не помогало.

Но однажды по осени случился казус. Не смог пройти до дома. Не дотянул. Упал в лужу, «отрубился» и примерз к утру к тротуару. Обнаружил его милицейский «воронок», без признаков жизни и доставил прямой наводкой в морг.

Но чудеса порой случаются! Воскрес наш Тимофей. Очнулся от сильного озноба, зуб на зуб не попадал. В помещении тоже нежарко и темно, сплошной мрак, лишь узенькая полоска света, похоже, в проеме двери. Тимоха попытался сесть, но с обеих сторон лежало что-то объемное и тяжелое. Попытался на ощупь определить предметы...

Протрезвел разом... обнаружив себе подобных... успокоившихся навсегда. Заорал изо всех сил, насмерть напугав дежурившую санитарку. С пьянством и заначками Тимофей завязал сам, без медикаментов, нравоучений и местного комитета.

Газету «Настроение» продолжаем выписывать и поныне, за себя и за друзей. Добрая им память и Царствие Небесное!

Увельский район

Максим Ушаков

Рождаются и мрут герои и плебеи

* * *

Ты — юн, горяч, самолюбив и весел.
Ты — божья тень, ты — чьё-то ремесло.
Ты — кропотливый плод труда отцовских
чресел.

Твоё лицо — это его лицо.

Распустится ячмень в мясной изнанке века.
Проторенной тропой идёт оркестрион.
Преступна божья тень, рождая человека.
И гром полифоний сменяет полутон.

Зачем ты вылез в слизь, потомок контрабаса?
На что потратишь ты ресурсы партитур?
Виолончель в руках тупого свинопаса,
Архангельским рожком играет трубадур.

Со скуки или так гиганты и пигмеи
Сношаются в тени магнолий и секвой.
Рождаются и мрут герои и плебеи!
Рождаются, и мрут, и падают листвою.

Рождаются и мрут, но вечно превозносят
Изнеможенье губ, усталость естества.
Застывший зимний пруд, идут по краю лоси,
Присыпана пургой извечная листва.

Копытом или льдом пестреет и искрится
Стеклянный бурелом родившихся сердец.
Наметив путь крылом, летит по ветру птица.
Наметив клювом путь, начнёт полёт птенец.

* * *

широка душа
и полёт неслаб
в огоньках костра
догорает клад

зеленится синь
замерзает рябь
вереница в клин
рядовые в ряд
желтизна кругом
шелушенья стоп
возвращайся в дом
за окном потоп
ну чего стоишь,
прижимаясь лбом?
эта осень дрянь
с краснотубым ртом
всё душа отвянь
полетишь потом

* * *

На ветру, в дороге дикой,
Прожимая в пол педаль,
Мчимся мы за земляникой.
И немного жаль:
В мире столько трасс и ягод,
А педали три,
Всё для наших вечных тягот
Кто-то сотворил.
Жмых и шкуры, нож, ошметки,
Трупы на траве.
В мире много дел нелёгких,
Но лапищи две.
Можно жить, не веря в Бога,
Раз пришла война.
Жить, топчась возле порога
Или у окна.
Жить как в клетке — очень строго —
Или как волна.
В мире шансов, в общем, много,
Да башка одна.

г. Челябинск

Притча

Однажды в самом начале июня, когда уже всюду сгущались сумерки, на душе у меня стало как-то необычно, тревога какая-то, какой-то неуют. Схожу-кось я за околицу в Ротыкин колок. Раньше в нём соловей выстраивал себе хоромы и расплёскивал свою влюблённую душу изумительными коленцами, зазывая подругу жизни. Иду. Вдруг в небе сверкнуло, как будто кто в одинарочке об одном оконце включил свет и тут же выключил. Смотрю, а с неба медленно спускается человеке без парашюта. Приземлился передо мной в половине метра. Волосы чёрные, брови чёрные, усы и борода тоже смоль. Я подумал: «Где же я такого черно-мазого видел»? А-а... вспомнил, в церкви на иконе. А он мне:

— Что, нехристь, узнал?

— Да, узнал, — говорю. — А позвольте вопрос, Всемогущий Иисус: «С какого рожна ты в глаза мне лезешь? Ты же прекрасно знаешь, что я ни в тебя, ни в дьявола не верю. За что ты меня, неуспешного прокричать “Уа”, возненавидел»? Налетел как коршун на цыплёнка. Благо злой рок отнял? — А Бог:

— У чёрта спрашивай. Не зря ведь говорят: чем чёрт не шутит, когда Бог спит.

— Да ты спи меньше. Ты уже, считай, проспал всё своё царствие небесное. Посмотри, что твои лжехристиане вытворяют.

— Ладно, распоясничался, ты мне лучше скажи, что тебе дороже: здоровье или талант?

— Ну и вопросик, век бы не задавал. Тебе ли, Всемогущий, об этом спрашивать? По твоей глупой воле на мне уже живое место надо днём с огнём искать, а ты со своим сарказмом: «У чёрта спрашивай». У меня к тебе одна просьба: «Верни здоровье». За талант спасибо.

Бог сказал:

— Ну вот и побеседовали.

Ничего не обещая, медленно поплыл в небеса. На облаке, из-за которого за нами шпионила луна, остановился, погрозил мне пальцем и растворился в бездне. А луна вынырнула из укрытия, улыбнулась издевательски и за другое облако сиганула. А я дошёл до Ротыкина колка, послушал соловушку, и как-то сразу моя душа воспрянула духом. Такая вот притча случилась со мной, в которую, вряд ли кто поверит, лишь хмыкнет неопределённо с лукавой улыбкой на лице. И то ладно.

Нарочно не придумаешь

Вышел Филя из своей хибарки, сел на лавочку у плетешка. Греет старые косточки, улицу глазами пасёт. Проходит мимо него дед постарше Фили лет на десять. Филя спрашивает: «Что, дед Евсей, решил на людей посмотреть, себя показать?» Дед остановился, окинул Филю лукавым взглядом и молвил: «Да в деревне людей-то уже не осталось, одни пенсионеры». А, что, если опереться на точку зрения чиновников, вполне логично выразился дед.

Семинаристам

сонет

Сюжет к стиху искал я где не надо.
На улицах с вопросом лип к прохожим.
А соловей в цветущих дебрях сада
Дела мои напрасные итожил.

Казалось мне, он надо мной смеётся,
А он подругу жизни зазывает.
Ему, счастливому, легко поётся,
На скорое венчанье уповает.

А на дворе всюду резвится лето.
Под руководством знатного поэта

По осени мы соберёмся на уроки.
И станет кандубасить нас учитель.
Умов наших неопытных мучитель,
Да выбивать из опусов пороки.

Бытность

сонет

Смотрю на мир влюблёнными глазами,
А мир враждебно смотрит на меня.
Как будто я запряг в чужие сани,
Горячего крылатого коня.

Мой конь — огонь, слуга моей кареты.
Раскаты и ухабы нипочём.

Пока ещё закаты и рассветы
Я подпираю собственным плечом.

Но по ночам неладное вершится.
Душа, как старый кочет, петушится

Перед лучом закатного огня.
А по пятам карга с косою плетётся.

Долгонько ей ещё плестись придётся.
Неблизок финиш рокового дня.

д. Журавлиное

Зухра Абдумлна

Книга для меня — это...

эссе

Книга для меня что воздух, без которого невозможно прожить и дня. Ещё в детстве, будучи дошкольницей, брала большой том своей взрослой сестры в безуспешной попытке разгадать ребус буквенных знаков. У меня было огромное желание научиться читать. Настоящим открытием стали детские книжечки, принесённые братом из поселковой библиотеки, с яркими и интересными иллюстрациями. По картинкам можно было понять, о чём или о ком речь, не то что в книжечках сестры. Но именно в них эмоций явно было больше, видела, как она просто зачитывается, а её глаза так и бегали туда-сюда по строчкам, только и успевала нетерпеливо переворачивать страницу. И то сдвигала брови, становясь темнее тучи, то улыбалась, то вдруг бралась хохотать или наоборот, всхлипывала, и тут же слезинка скатывалась по её щеке. Глядя на неё, я вздыхала, а желание моё крепло изо дня в день, превращаясь в воделенную мечту. Хорошо, что мечты сбываются! Не помню свою первую книгу, взятую в библиотеке, да это и не важно, главное то, сколько прошло их через мои руки и сколько прочитано. Сначала, наверно, как и многие дети, я предпочитала сказки, затем добавились истории про животных и птиц. Позже увлеклась военной тематикой. Воображение живо рисовало картину за картиной, будто я не читала, а смотрела фильм. Бывало, так вживёшься в роль, а рассказ заканчивался, расставаться же с героями книги ну никак не хотелось, и тогда в библиотеку я не спешила. А однажды, в шестом классе, под впечатлением прочитанного произведения написала отзыв и отправила по указанному адресу, на последней страничке данной книги было напечатано обращение к читателям: высказать своё мнение и выслать письмом, адрес прилагался. Год издания был моего года рождения, и я сомневалась, прочтёт ли кто-нибудь вообще моё послание. Понятное дело, когда пришёл ответ, начинавшийся со слов: «Здравствуй, дорогой друг!», меня просто распирало от радости. К великому сожалению, письмо от издательства не сохранилось, но в памяти осталось большим ярким пятном.

Книга — это Друг с большой буквы, она не раз учила меня жизни. Благодаря ей я поняла, что прощать — значит, дать себе шанс изменить свою жизнь, смотреть на мир другими глазами. И принимать всё, что выпадает на долю, как должное и не плакаться. Если вдруг возникал неразрешимый вопрос, то непременно попадалась книга, дававшая ответ. Я до сих пор люблю читать и продолжаю дружить с книгой.

г. Нязепетровск

Наталья Паршукова

Эмоция

эссе

Лучезарно манящее, дурманящее что-то внутри меня и вокруг. То голубоватое, то зелёное. Блики разноцветные всюду. А то вовсе серое тяжелое небо в кайме кружевной листьев верхушек деревьев. Воздух напоен запахами уходящего лета. Солнышко согревает своим теплом. Нега вокруг от его лучей ласковых, дразнящих разливается. Покой. Умиротворение с собой и природой. Любование. Пригелась, сидя на лавочке, в парке. Глаза чуть прикрыты. Хорошо! Карамелька ягодная тает во рту. Синички чивикают на чуть зазолотившемся клёне. И вновь манящее колдовство. Истома. Мысли, как карамелька, растворяются. Кто-то хитренький копошится. Рядом. Нежно, тихонько и как-то стесняясь. Белочка-умелочка, семечки из оттопырившегося кармана вынимает. Нырять в карман, лапочками перебирает. Прислушиваешься к ощущениям рыжехвостого пушистика. Манит в неизведанное. И снова

погружаюсь в благостность лучезарной неги. Воробьишки слетелись. Почтирикивают под лавочкой, выпавшие семечки поклевывают. Блаженство тягучее, пряное, как запах цветущего миндаля. Божественно.

Короткие стихи

* * *

Воробейка-попрыгунчик
Расчирикался, допрыгался,
И в лужу он попал —
Не растерялся, расправил крылышки
И в луже накопался

* * *

Вспоминаю, Натальюшка,
Как денежку на хлебушек наскребли,
И счастливы в тот миг мы были,
Слова из песни повторяя:
«Хлеб всему голова!»

* * *

Ах, любовь, ах куда, и с кем,
А может, никуда?
Как солнце — за горизонт и на восход!
Даря тепло любви лучей своих!

* * *

Здравствуй, друг мой милый!
Здравствуй, как дела?
По свету-миру друзей много,
А милый друг один!

* * *

Власть имущие, вершачие, решающие.
Людишки мелкие вырвались в верха.
И комплексы всем нам свои вы навязали,
прикрывшись силой власти.
Такие вот дела.

г. Челябинск

Абдуллина З. В. «Дорог стальные параллельки...» : стихи и проза. — Челябинск : Цицеро, 2016. — 142 с.

116

Графоман № 4(36) - 2018

В первой книге Зухры Абдуллиной собраны стихи и рассказы, написанные в 2010—2015 годах. Рассказов всего три, но они заслуживают отдельного упоминания, поскольку разговорным живым языком повествуют о событиях, которые ни за что не придут писателю в голову, если он горожанин и далёк от природы. Такие истории надо именно прожить, быть их очевидцем или действующим лицом.

Среди леса и гор затерялась маленькая деревушка, в которую чаще заглядывает медведь, чем цивилизация. Косолапый буянит: топчет грядки, опрокидывает ульи, рушит сараи. А теперь ещё и тёлочку задрал. Четырёхлетняя девочка (втайне от взрослых) идёт в лес приструнить медведя, провести с ним разъяснительную работу. Орудие воспитания — вичку — она прихватила из дома. Лесник находит героиню на болоте, в нескольких километрах от деревни. Он изумлён и озадачен. *«Тебе незачем к нему ходить, я только что был у мишки и строго поговорил с ним. Он обещал мне больше не ходить в деревню и не хулиганить»*, — говорит лесник. «С вичкой на медведя» — так называется этот смешной и удивительно лиричный рассказ. Подобные народные истории, уверен, передают в далёких деревнях от старших поколений младшим как материальное богатство. Жаль, что не в каждом посёлке живёт своя сказительница, какой стала Зухра Абдуллина для Серного Ключа. Жаль, что не все деревенские истории становятся достоянием читающей публики.

«В творчестве Зухры ценна самобытность, та национальная особенность, которую она впитала с детства, органично пополнив её русской культурой. Её рассказы, очень драматичные по содержанию, написаны хорошим русским языком», — пишет в предисловии к книге «Дорог стальные параллельки...» Т. П. Ильина. Такую же характеристику можно дать и стихам Зухры Абдуллиной. Они будто собраны студентами в фольклорной экспедиции. (В былые времена после первого курса филологов отправляли по деревням родного края, и они просили местных жителей петь частушки и колыбельные, рассказывать местные были и небылицы.) Стихи Зухры Абдуллиной будто не имеют авторства. Их словно написал сам народ. При этом каждое новое поколение добавляло в текст что-то своё, а что-то отжившее попросту вычёркивало из устного предания. Таким образом и получились эти тексты — зачастую с нарушением стихотворных размеров, соединённые «вольной» рифмой (вообще-то можно выразиться и более научно: поэтесса использует неточные и приблизительная рифмы, ассонансы). Радость и боль, отчаяние и надежда настолько искренни в этих произведениях, что как-то неудобно вспоминать о законах стихосложения. *«Он с губ сорвал остатки детства, / Так властно, нежно, не шутя, / Оставив в памяти нетленной / Лишь имя, губы и глаза»* («Первый поцелуй»).

И ещё: во время чтения сборника «Дорог стальные параллельки...» мне вспомнилась книга другого автора — Ксении Некрасовой (1912—1958). Есть что-то общее у этих двух поэтесс: стихи обеих наивны до прелести, по-детски непосредственны, иногда суровы, но непременно построены на глубоком образе и мудры.

«Мне очень важны та теплота, родство душ и та особенная искренность, что идёт из самого вашего сердца», — благодарит своих читателей Зухра Абдуллина и делится с ними самым сокровенным:

Плакала ночь проливным дождём. / Хмурой осени дочь за моим окном. / Волей чужою цветом / Был растоптан и смят. // Нежный жизни виток / Под луной распят. / Плакала ночь холодным дождём. / Некому мне помочь в горе тайном моём...

Дубкова Л. А. Золотые знаки : стихотворения. — Челябинск : Павлин, 2018. — 184 с.

В четвёртую книгу Любови Дубковой вошли стихи, написанные за последние пять лет. Такой книге нельзя не позавидовать: красивая обложка, достойная бумага, удобный формат. Где она напечатана? Оказывается, в Челябинске. Тракторы здесь уже почти разучились делать, а вот книги — нет. Чем не повод для радости?

«Иронический взгляд на события и на саму себя помогают автору преодолевать все трудности и радоваться дождю, солнцу, внукам — всему, из чего состоит светлая сторона нашей жизни», — читаем в аннотации к сборнику. В этом море иронии и несерьёзности встре-

чаются всё же болезненные, а то и трагические картины судьбы: узнавание себя на старой фотографии («Встреча»; стихотворение очень понравилось мне и обратной перспективой: такое ощущение, что девочка с фотографии видит себя в будущем, но не верит, что может постареть, и поэтому злится). Или история, рассказанная в стихотворении «Слабое звено»: межукраинский конфликт развёл по разные стороны баррикад родных брата и сестры.

Да, в большинстве случаев улыбка не сходит с лица автора («Кулинарная история», «Э-эх!», «В подлуньи», «Кредитный рай»). Но иногда дело этим не ограничивается, и поэтесса ищет мораль, пытается разобраться с действительностью, а то и выносит приговор мироустройству («Из веры в веру», «Зачем?», «А мне бы...», «Зима»). Мне больше других нравятся тексты, где автор снимает эти маски и просто вдумчиво наблюдает за окружающим пространством. «Вот и снега на тарелке / С бронзовой стылой каймой. / Ходиков скорые стрелки / В сговоре с юной зимой». В тексте «Вот и снега на тарелке...» шестнадцать строчек, и он обходится без игры, юмора и новомодных словечек. Но и простым наблюдением это стихотворение не назовёшь. Героиня стоит, смотрит в окно. По ту сторону — двор. По эту — она. В стекле размыто отражаются настенные ходики, кухонная плита, сама женщина с проседью волос. Это как бы случайные детали, попавшие в кадр. Но именно по ним догадываешься: в этом доме живёт одиночество. Одиночество и печаль. Автор не заслоняет собой текст. Его (автора) здесь столько, сколько нужно: он лишь подсказывает читателю ракурс обзора и не выходит на первый план.

Книга никак не поделена на тематические (или иные) части. Возможно, составителю стоило бы как-то сгруппировать в отдельную главу произведения для детей (точнее — о детях). Тогда стихи «Бабушка пришла в гости», «Чудесный август», «Колыбельная», «Террорист» и другие смотрелись бы ярче.

«Любовь Дубкова не претендует на трибуну, не вещает, а беседует со своим читателем, как хорошая подруга», — написал в предисловии к сборнику поэт Олег Павлов. Пристальный взгляд в себя органично уживается в поэзии Любви Дубковой с интересом к ближнему человеку и далёкому миру. Такая авторская позиция не остаётся без внимания челябинцев. Можно смело утверждать, что Любовь Дубкова — заметное и оригинальное явление на южноуральской поэтической сцене.

*Острова ковыльные да дороги пыльные, / Речки поусохшие тоньше ручейка. / В пере-
ливах шёлковых / три ромашки ссыльные, / А по небу вольному бродят облака. // Реки,
словно ссадины, / в разнотравье впряжены. / Камни побережные — миштый коридор. / По
степям рассыпались серые громадины, / Пали отголосками от Уральских гор. // Сжатое во
времени — древнее аукнется, / Первородство видится в тонком колоске. / В тесной клетке
рёберной / сердце больно стукнется, / А глаза засветятся в ярком васильке.*

Нестерова Н. В. Край мой застенчивый. — Челябинск : Челябинский Дом печати, 2018. — 268 с.

Во вторую книгу челябинской писательницы Натальи Нестеровой вошли рассказы и стихи, очерки и критические заметки. К сборнику прилагается диск с песнями, написанными в соавторстве с Владимиром Стогом. Книга состоит из тринадцати разделов и собрана по образцу толстого литературного журнала: проза и поэзия чередуются в соответствии с замыслом редактора (автора).

«Писал он без «красивостей», о простых вещах, но с тонким душевным настроением и пристальным вниманием к деталям. Меня всегда поражала тихая красота нашей рязанской природы. А у писателя я узнала, как можно выразить всё это словами и поделиться увиденным с другими людьми», — рассуждает Наталья Нестерова о своём любимом писателе Константине Паустовском. Всё это можно в полной мере отнести и к автору книги «Край мой застенчивый», ведь проза Н. Нестеровой тяготеет к документальности, фиксации момента, точности деталей.

Книга открывается разделом «Песни на стихи Натальи Нестеровой. Музыка Владимира Стога». Тексты написаны незатейливо и доходчиво. Это был бы их очевидный минус, если б не музыка. Песня — особый вид искусства. И стихи не могут отнимать у мелодии её часть лиричности, напевности, народности — всех тех «крючков», на которые «ловится» слушатель. И баланс явно удался: так и представляешь человека с гитарой, исполняющего эти песни у костра, в походе, на отдыхе.

Далее следует раздел «Край мой застенчивый», где прямо и косвенно автор признаётся в любви городу мечты и детства — Спасску. «Уплывшее приданое» — рассказ из до-революционного времени об одном дне богатой семьи. Сначала автор подробно описывает быт Путилиных: мы узнаём и про свежий ветер, и про сундуки с приданным, и про пенки

от вишневого варенья. Но в какой-то момент писатель словно устаёт от своих героев и в один абзац заключает всю последующую жизнь семейства — с революцией, выселением, неустроенностью. Не думаю, что такая спешка идёт на пользу произведению. «Глаза в глаза» — очень трогательная и документальная история о том, как поход на лыжах (героиня была ещё пионеркой-четвероклассницей) привёл её к вере. «Спасские вечера» — лирический рассказ о непреодолимой тяге к родным местам, об отпусках, которые все хотят провести в городке детства. И собираются, и поют песни в саду.

В разделе «Моя семья — мои истоки, любовь, продляющая жизнь» можно проследить историю династии Натальи Нестеровой с Первой мировой войны до хрущёвской оттепели. Здесь и поворотные события («Так надо»), и вполне рядовые, но запомнившиеся («Орелик»). Тематически примыкает к этому разделу и следующий — «Война и мир ефрейтора Василия». Он посвящён отцу писательницы. Один из рассказов этого раздела — «Госпиталь» — пронзительная история о том, как герой отказался от ампутации ног после контузии и долгого ожидания санитаров на недавнем поле боя. И ведь не только выжил, но и встал на ноги! И дошёл до Победы!

Не буду утверждать, что художественная ценность этих рассказов безусловна, но историческая ценность — огромна, поскольку в них на примере одного очевидца, одной семьи, жителей одного городка можно увидеть то великое и страшное, счастливое и горестное, что происходило с нашей страной на протяжении последнего века.

В книге Натальи Нестеровой много стихов. Они тоже собраны в разделы. «Отроческие стихи, сохранённые мамой» (очень любопытные), «Попытки пошутить» (далеко не все из них удались), «Посвящения» (из этого жанра редко выходит что-то путное: как правило, это череда восклицательных знаков и высокопарных слов), «Для детей от 3 до 5 лет» (стихи показались мне перегруженными деталями). В разделе «Чувства» больше всё же не чувств, а действий: мало метафор и сравнений, язык стихотворений не назовёшь лирическим — он похож на плакатный, призывный. Стихотворение «Время потерь» так и пестрит глаголами: выползает, ждёте, начинает, понять, унять, расточали, мстить, начинает, пережить, обретут. Вряд ли такая перенасыщенность глаголами является достоинством текста. Впрочем, Н. Нестерова может со мной и не согласиться. Не зря же её позиция высказана в точном и изящном стихотворении «Глагольная любовь»:

Любовь — она глагольная: / Оберегать и ждать. / А дождалась — довольна я, / И в сердце — благодать. // Зажечь, беречь, тепло дарить, / Понять: что впереди? / А прошлое в душе хранить. / Ах, время, погоди! // Живу всегда надеждою, / Гася невольный страх: / Всё жгучее и нежное / Держу в своих руках.

Читаю словари как романы

В издательстве «Цицеро» вышла книга стихов Николая Годины «Здесь и сейчас». Живой классик не перестаёт удивлять: ведёт ежеквартальный литературный семинар в помещении челябинского отделения Союза писателей России, является вдохновителем и редактором журнала «Графоман», регулярно пишет стихи и издаёт книги. И это — на девятом десятке лет.

— *Николай Иванович, я сбился со счёта. А вы сами-то помните, сколько книг написали? Все ли они равноценны? Есть ли любимая среди них?*

— «Здесь и сейчас» — моя тридцать вторая книга. Самый первый сборник («Белое, синее», 1967), наверное, можно назвать слабее других. Да и второй («Дерево любви», 1970) — тоже. Я ведь был начинающим автором. Впрочем, мне не кажется, что книги делятся на сильные и слабые. Здесь работает какая-то другая шкала измерений. Возможно, отдельные книги попадают в нерв времени, отвечают на чаяния людей. А другие — нет. Хотя и такой подход является достаточно условным. Наверное, лучше говорить об отдельных текстах. Проходные стихотворения у меня, конечно, есть. Но они есть у всех. Без этого — никак. Невразумительные стихи — это пьедестал, на который будет водружён шедевр.

На этих словах герой интервью решает напоить меня чаем и выходит из комнаты. Раньше все стены кабинета были уставлены книгами. Теперь книг мало — основная библиотека подарена городу Миассу, остались увесистые словари, издания с дарственными надписями и особенно любимые авторы. Вернувшись, Николай Иванович не столько отвечает на поставленные выше вопросы, сколько раскрывает секреты минувших лет.

Может, и не было бы никакой первой книги. Но в 1966 году я принял участие в Кемеровском зональном семинаре молодых писателей. Меня там заметили, оценили. Потом в обком партии пришла бумага: издать. Ослушаться этого приказа никто не посмел. В то время выпустить книгу своих стихотворений — что в космос полететь. Конечно, нашлись доброжелатели, которые из зависти и других мерзких чувств пытались отравить мне жизнь.

Дело было так. Однажды, когда я ещё работал на экскаваторе, я возвращался со смены пешком через лесок. Вижу — журнал валяется. Грязный, конечно. Я поднял его. Отряхнул, стал на ходу листать. Пролистал до романа «Женщина, которую я бросил». Жаль, автора вот забыл. Надо же, думаю, как замечательно сказано. Да и роман мне понравился. Словом, родилось у меня стихотворение «Та женщина, которую я бросил...»

И что ты думаешь? Поэт Б. нашептал на ухо Борису Ручьёву, что Година, мол, от жены ушёл, что аморальный тип этот Година. Поэт Б. оклеветал меня, хотя и знал, что моё стихотворение не факт биографии, а придуманная история. Развод в советское время — дело не столько семейное, сколько общественное. И Ручьёв, не вникая в детали, меня осудил и перестал со мной общаться.

Я заметил: Николай Иванович рассказывает этот случай без боли и обиды: время залечило все раны. Да и «брошенная женщина» нет-нет да и подтверждает своё присутствие в квартире: какие-то звуки и запахи летят из кухни. Они вместе уже почти шестьдесят лет, и никаким сплетням их не разлучить.

Герой интервью тем временем продолжает развивать тему минувших литературных баталлий.

Тогда в городе было три мощных группы. Жизнь кипела вокруг литературных объединений, они и назначали своих «гениев» или низвергали поэтов с Олимпа. Во главе литобъединения ЧТЗ стоял Ефим Ховив. Там ребята были хорошие, работяги. И стихи такие же слагали — всё больше на рабочую тему. А ещё была «интеллектуальная» ячейка. Она сформировалась в лито «Экспресс» вокруг Льва Рахлиса. Достаточно назвать два имени из этой «команды»: Сергей Борисов и Николай Шилов. А ещё была группа «патриотов». Эти собирались на ЧМЗ. Вели себя агрессивно, да и патриотизм их зачастую был ложным.

— *Николай Иванович, вы не думаете бросить сочинительство стихов? Виктор Соснора вот, как только ему исполнилось семьдесят лет, запретил себе это занятие...*

— Не брошу. Это болезнь. Зависимость. Я люблю деревья и не перестану о них писать. Меня этой любовью даже Виктор Астафьев попрекал. Но при всей любви к деревьям я всё же поэт социальный. Чистая поэзия со всеми её метафорами, сравнениями, парадоксами, синтаксисом не может существовать без обращения к человеку и его проблемам. И — шире — поэзия должна работать на народ, при котором она существует. В советское время это понималось так: 30 % своей книги будь любезен посвятить рабочему классу и патриотическому воспитанию молодёжи. Стихи из этой серии мы называли «паровозиком». Я считаю, что такой подход к поэзии был ошибкой советской власти.

— Я тут выписал себе некоторые словосочетания, по которым можно сразу определить автора стихотворения. Особенности слова — это как бы ваша гербовая печать. Обратился похвору, весёлая ископыт, порхлый дождь, садкий снег отмухровал простудой... Откуда это? Сами придумали?

— Это русские слова. В основном из словарей Владимира Даля и Дмитрия Ушакова, которые я читаю как романы. Ещё я веду каталог, где на карточках записано много-много старинных слов. Они красивые, и я хочу, чтобы эти слова прижились среди нас повторно. Они заклатье против компьютерной терминологии или вставок на английском языке. Я воспринимаю это как нецензурную брань.

Неологизмов у меня два или три. Одно из таких слов — христосить. Это про огородное пугало. Оно ведь напоминает распятие. То есть этим словом я как бы обратил внимание читателя на позу пугала. Но поза — это не всё. Ещё есть состояние.

Читатель — соавтор поэта. И поэту важно, чтобы из стихотворения сложилась картина мира. И читателю это важно. Здесь — условно — надо избежать двух крайностей: эстрадности и предельной метафоричности. Изобилие метафор, нанизывание их одна на другую превращает стихотворение в поток навязчивых идей автора, а цельность высказывания — исчезает.

— Николай Иванович, а будет тридцать третья книга ваших стихов?

— Очень на это надеюсь.

Элегия

Та женщина, которую я бросил...
 Заплаканное дождиком окно...
 С красивой задумчивостью осень
 Похоронил я в памяти давно.
 Та женщина, которую я бросил...
 А этот страшный холод рос и рос.
 И восходила крохотная просинь
 Над заревом неоновых берез.
 Та женщина, которую я бросил...
 Сквозь белый день смятение несю.
 Я вырубил в душе десяток просек,
 Но в том лесу все так же, как в лесу.
 Та женщина, которую я бросил...
 О Господи, к чему все это мне!
 Никто не скажет и никто не спросит.
 Никто не отзовется в тишине.
 Та женщина, которую я бросил...
 1968 г.

* * *

Лес не болен ещё, но уже не здоров.
 Прелый запах от скользких до слизи ковров.
 Издолбил мелкий долбень берёзу в труху,
 Задолбал, затупил долото наверху.

Горе есть, а ума, говорят, два пима.
 Из глуши философии путь на простор
 Без приятства укажет однажды зима.
 Снег текстурой скорлупчатой выстелит двор.

Переводом с санскрита — сорочьи следы.
 Гидромет за свои пусть ответит слова...
 А покуда меняется форма воды,
 Я смотрю, как уходят в себя деревья.
 2018 г.

г. Челябинск

Явившиеся в ином облики

О поэзии в прозе
(фрагмент)

Такие явления от времени до времени появлялись у многих народов. Многие из них хотя писаны и в прозе, но тем не менее могут быть причислены к созданиям поэтическим.

Гоголь

Термин «проэзия», изящный и остроумный, давно введен в оборот Сашей Соколовым. Так он определяет природу собственных сочинений. Но счастливо изобретенный неологизм вполне применим к целому классу произведений, созданных задолго до «Школы для дураков» или «Палисандрии». Об этом притягательном феномене и пойдет речь.

* * *

В филологии известна проблема разграничения стиха и прозы. Не будем вдаваться здесь в специальные штудии и изложение перипетий дискуссии, длящихся в русской филологической традиции не менее века, отметим одно: как бы стиховеды ни проводили границу между двумя формами речи, они невольно сходятся на том, что сам факт существования подобной демаркационной линии сомнению не подлежит. Иными словами, вопрос разграничения стиха и прозы воспринимается как головоломно трудный, но в принципе разрешимый.

Однако есть и другая интереснейшая проблема, соприкасающаяся с названной. Это оппозиция «поэзия/проза».

Понятие стиха (стихов) не равно поэзии. Противопоставление «стих/проза» не синонимично паре «поэзия/проза». При ее обсуждении только формальной классификацией явлений не обойтись.

Оставим в стороне лавину графомании и рифмованную рекламу. Но и грамотное изложение мыслей с соблюдением метрической упорядоченности, использованием рифм и других обязательных и факультативных приемов стихосложения в необъятном количестве текстов — вовсе не гарантия того, что это — поэзия. Как правило, поэзия в них и не ночевала.

Вместе с тем, наоборот, существует такой тип художественных текстов, который, формально представляясь прозой, по сути своей оказывается поэзией. Стих и проза «всего лишь» разные формы речи. Но поэзия и проза не две области единого царства литературы, а *разные по своей природе явления*. Они различно работают с одним и тем же материалом, со словом и языком, как различно из камня возникают скульптура и архитектура.

И то, что поэзию и прозу мы обычно воспринимаем под единой шапкой «литературы», только запутывает вопрос. Проза скорее и есть литература. Поэзия скорее *искусство* в том смысле, в каком мы называем искусством музыку или живопись.

Минимальная строительная единица у прозаика — не слово, а предложение (иной раз даже колон или абзац). Минимальная строительная единица у поэта — также не слово, а фонема. Проза тяготеет к макроструктурам, поэзия — к микро.

Прозаика интересуют энергия повествования, сюжет, характеры, конфликт, столкновение протагониста и антагониста, прогрессия усложнений, обязательная сцена. Для него язык обычно не цель, а средство, необходимое для создания внутреннего мира произведения, позволяющее развернуть в сознании читателя некое действие, «кинотеатр в мозгу». Прозаик мыслит не столько словами, сколько предметами, персонажами и поступками. Прозаическое сочинение вследствие установки на рассказ и рационально воспринимаемым причинно-следственным связям по большому счету строится линейно, у него есть вектор движения из точки А в точку Б.

Поэта волнуют звук, метр, ритм, словесные оттенки, яркость удачно найденного образа, композиция целого. Для него слово не средство, а цель. Порой читателю великих стихов не представляется ничего определенного, и тем не менее он испытывает сильные эмоции. Поэтическое творение может не иметь четко обозначенного развития и способно ограничиться констатацией длящегося настоящего, текущего, но не утекающего момента, остановившегося мгновения; его условное движение — движение по кругу, и конечная цель его — погружение читателя в состояние, где времени нет.

Проза явственнее, чем лирика, связана с конкретной социокультурной ситуацией. Прозаик-эпик волей-неволей должен держать руку на пульсе времени, представлять реалии, формирующие более или менее отчетливый образ действительности, уметь воплощать психологические типы и характеры, в которых читатель будет находить что-то от духа современности, каким бы инструментарием — вплоть до обращения к фантастике — автор ни пользовался.

Поэт в любую эпоху куда менее зависим от современных ему реалий. Его основной предмет — внутренняя жизнь лирического субъекта, выраженная в языке. Лирик в своих творениях может намеренно не заметить и не запечатлеть не только преходящие, но и вполне устойчивые, окружающие его в повседневной жизни черты реального мира. По известной формуле В. Ходасевича, «отражение эпохи не есть задача поэзии, но жив только тот поэт, который дышит воздухом своего века, слышит музыку своего времени». Однако поэзия его вполне может выжить и без отчетливых социальных функций, и примеров тому сколь угодно — в том числе опыт самого Ходасевича. Природе поэзии свойственны метафизическая «дальнозоркость» и историческая «близорукость».

Прозаик и поэт различно относятся к своей аудитории, а проза и поэзия по-разному воздействуют на читателя. Неверно идентифицировав объект (поэма это или роман, прозаик или поэт), мы начинаем подходить к нему не с теми ожиданиями, каких он заслуживает, неизбежно видим предмет искаженно или принимаемся критиковать его за отсутствие свойств, которых у него на самом деле и быть не должно. Это похоже на то, как если бы биолог упорно описывал лягушку в качестве мыши и с изумлением, а то и недовольством замечал, что мышь выходит странная: ни шерсти, ни хвоста, ни зубов.

Сказанное относится и к столь сложной материи, как поэзия в прозе. В этом отношении показательно восприятие читателями творчества основателя русской поэзии — Гоголя.

«Октябрь» 2018, № 9

Александр Квятковский Поэтический словарь

Эзоповский язык [по имени древнегреческого баснописца Эзопа (Ἄϊσωπος, VI—V вв. до н. э.)] — двухплановый, замаскированный стиль литературного произведения, в котором за прямым смыслом сказанного таится второй план понимания, раскрывающий подлинные мысли и намерения автора. В дореволюционное время в России эзоповский язык пользовались революционные писатели для того, чтобы провести свое произведение через рогатки царской цензуры.

Эзоповским языком написано стихотворение А. Пушкина «Арион» (1827), в котором поэт подразумевает судьбу декабристов и определяет свое отношение к ним. Себя Пушкин изобразил в облике певца Ариона:

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный челн;
А я — беспечной веры полн,
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Эклога (греч. ἐκλογία — отбор) — жанр античной буколической поэзии, диалог между персонажами — пастухами, пастушками и селянами, в форме которого автор излагал свои мысли, настроения, чувствования (например, эклоги Вергилия). В подражание античным эклогам поэты итальянского Возрождения пользовались этим жанром, приноравливая свои эклоги для представления на театре; именно сценической формой итальянские эклоги от-

личаются от идиллии, близкого к эклоге стихотворного жанра. Эклоги писали поэты Испании, Португалии, Франции (П. Ронсар). Английский поэт Возрождения Эдмунд Спенсер (XVI в.) написал 12 эклог «Календарь пастуха». В России опыты писания эклог были у поэтов XVIII в., в частности у И. Богдановича; никакого значения в русской литературе они не имеют. В XIX в. этот жанр уже совершенно вышел из употребления.

Экспромт (от лат. *exromptus* — готовый) — небольшое стихотворение, чаще шуточного содержания, сочиненное поэтом устно или письменно, без подготовки, под влиянием непосредственного чувства или блеснувшей мгновенно мысли. Экспромты сочиняли Н. Карамзин, А. Пушкин, М. Лермонтов, Ф. Тютчев, Д. Минаев, В. Брюсов, В. Маяковский. Экспромт близок к импровизации, которая является уделом весьма немногих поэтов. Вот пример экспромта у Пушкина:

В молчаньи пред тобой сию,
Напрасно чувствую мученье,
Напрасно на тебя гляжу:
Того уж верно не скажу,
Что говорит воображенья.

Многие русские народные частушки — экспромты.

Элегия (греч. *ἐλεγεία*) — лирический жанр античной поэзии, стихотворение, проникнутое смешанным чувством радости и печали или только грустью, раздумьем, размышлением, с оттенком поэтической интимности. В Древней Греции элегии писали Архилох, Каллимах, из латинских поэтов — Овидий, Катулл. Форма античных элегий — ряд элегических дистихов. В русской поэзии первую элегию написал В. Тредиаковский; как жанр элегия развилась в конце XVIII и особенно в начале XIX вв. Элегии писали К. Батюшков, В. Жуковский, А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Языков, Н. Некрасов, А. Фет, а в XX в. — В. Брюсов, К. Фофанов, И. Анненский, А. Блок и др. Стихотворный размер русских элегий преимущественно ямбический.

Вот «Осенняя элегия» молодого А. Блока:

I

Медлительной чредой нисходит день осенний,
Медлительно крутится желтый лист,
И день прозрачно свеж, и воздух дивно чист —
Душа не избежит невидимого тленья.
Так каждый день стареется она,
И каждый год, как желтый лист, кружится,
Все кажется, и помнится, и мнится,
Что осень прошлых лет была не так грустна.

II

Как мимолетна тень осенних ранних дней,
Как хочется сдержать их раннюю тревогу,
И этот темный лист, упавший на дорогу,
И этот чистый день, исполненный теней, —
Затем, что тени дня — избытки красоты,
Затем, что эти дни спокойного волненья
Несут, дарят последним вдохновеньям
Избыток отлетающей мечты.

Интересную по лаконизму и лирической сдержанности «Элегию» написал Г. Санников:

Снилось мне:
Ты живешь на луне,
На далекой луне,
Недоступная мне.
Это ты, это ты
По ночам с высоты,

И грустна, и нема,
 Меня сводишь с ума
 Полнолунной своей
 Наготовою страстей.
 Я один на земле,
 Словно искра в золе,
 Постигаю, светясь,
 Двустороннюю связь.
 Но нам рук не скрестить,
 Обречен я грустить,
 Как и ты обо мне
 На далекой луне.

Эпиграмма (греч. ἐπίγραμμα — надпись) — 1) в античной литературе стихотворная (редко прозаическая) надпись на храмах, зданиях, постаментах к статуям, на посуде и т. п., содержащая прославление богов или героев. Позже эпиграммы приобрели самостоятельное значение как малый жанр лирической поэзии — обращение к какому-либо лицу, нравоучительное высказывание, пожелание, восхваление, порицание и пр.

В древнегреческой литературе известно свыше ста авторов эпиграмм, среди них Платон, Анакреонт, Сафо, Эзоп, Эсхил, Менандр, Асклепиад, Феокрит, Алкей, Мелеагр, Автомедонт, Лукиан, Диоген Лаэртский и многие другие поэты. Культура античной эпиграммы достигла высокого развития, сочетая в себе лаконизм, меткость характеристики, острую мысль, юмор (или сатиру). Вот образцы античной эпиграммы:

Жизнь, как без смерти уйти от тебя? Ты приносишь повсюду
 Тысячи бед. Избежать трудно их, трудно нести.
 Что по природе прекрасно, лишь то в тебе радует: солнце,
 Месяца круговорот, звезды, земля и моря.
 Все остальное — страданья и страхи. И если случится
 Радость кому испытать, — следом Отмщенье идет.
 (Эзоп, 6 в. до н. э., пер. В. Вересаева)

По вечерам, за вином, мы бываем людьми, но как только
 Утро настанет, опять звери друг другу мы все.
 (Автомедонт, 1 в. н. э., пер. М. Грабарь-Пассек)

Не мудрено и упасть, если смочен Вакхом и Зевсом.
 Как устоять против двух, смертному против богов?
 (Дионисий Софист, 1—2 в. н. э., «Пьянице,
 упавшему под дождем», пер. Л. Блуменау)

Если ты думаешь, что с бородой вырастает ученость,
 То бородатый козел есть настоящий Платон.
 (Лукиан, 2 в. н. э., пер. Ю. Шульца)

Если бранишь за глаза, ты этим меня не обидишь;
 Если же хвалишь в глаза, не забывай свою брань.
 (Аполинарий, 5 в. н. э., пер. Ю. Шульца)

В латинской литературе эпиграммистами были такие поэты, как Катулл, Марциал, Тибулл, Проперций. Вот латинская эпиграмма:

Милая мне говорит: лишь твою хочу быть женою,
 Даже Юпитер желать стал бы напрасно меня.
 Так говорит. Но что женщина в страсти любовнику шепчет,
 В воздухе и на воде быстротекущей пиши.
 (Катулл, 1 в. до н. э., пер. А. Пиотровского)

2) В европейской поэзии эпиграмма приобрела характер сатирического жанра, чаще в виде монострофы. Во Франции своими эпиграммами славились Ф. Вольтер, Ж.-Б. Руссо и Э. Лебрен. В России первые сатирические эпиграммы написаны В. Тредиаковским, А. Кан-

темиром и М. Ломоносовым. Русские эпиграммы первоначально писались александрийским стихом с острой концовкой (пуант). У многих поэтов эпиграмма была не просто остроумной игрушкой, но формой литературной полемики или средством политической борьбы; таковы эпиграммы А. Пушкина, Н. Некрасова, поэтов 1860-х годов В. Курочкина, Д. Минаева и др. Пушкин писал: «Благоговею перед создателем Фауста, но люблю эпиграммы».

Среди советских поэтов как эпиграммисты известны Д. Бедный, В. Маяковский, А. Безыменский, А. Архангельский, С. Маршак, А. Арго, Н. Адуев, С. Васильев, С. Швецов.

Примеры русских эпиграмм:

Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Австерлицом он бежал,
В двенадцатом году дрожал,
За то был фрунтовой профессор;
Но фронт герою надоел:
Теперь коллежский он ассессор
По части иностранных дел.
(А. Пушкин, «На Александра I»)

Толстой, ты доказал с терпеньем и талантом,
Что женщине не следует «гулять»
Ни с камер-юнкером, ни с флигель-адъютантом,
Когда она жена и мать.
(Н. Некрасов, «Автору “Анны Карениной”»)

Здесь над статьями совершают
Вдвойне убийственный обряд:
Как православных — их крестят,
И как евреев — обрезают.
(Д. Минаев, «В кабинете цензора»)

Все изменяется под нашим зодиаком,
Но Пастернак остался Пастернаком.
(А. Архангельский)

Свою книгу «Лирические эпиграммы» С. Маршак написал в духе античных эпиграмм; сатирические миниатюры чередуются в ней с краткими медитациями, например:

Дорого во́время время.
Времени много и мало.
Долгое время — не время,
Если оно миновало.

Эпиграф (греч. ἐπιγραφή — надпись) — 1) в античное время надпись на памятнике, на здании. 2) В общеевропейской литературе под эпиграфом разумеется изречение или цитата, поставленные перед текстом целого литературного произведения или отдельных глав его. В эпиграфе содержится основная мысль, развиваемая автором в повествовании.

Эпистола (лат. epistola — письмо) — литературное произведение, обычно стихотворное в форме письма, где излагаются суждения автора по поводу определенного предмета; как литературный жанр эпистола в России существовала в XVIII в. Первая русская эпистола написана В. Тредиаковским. Известны «Две эпистолы» А. Сумарокова, первая посвящена рассуждениям о русском языке, вторая — о стихотворстве. К эпистолам относится знаменитое «Письмо о пользе стекла» М. Ломоносова.

Эпистолярная форма — композиционная форма художественных произведений, построенных в виде писем одного лица либо в виде переписки двух или нескольких лиц; таковы «Письма русского путешественника» Н. Карамзина, неоконченный «Роман в письмах» А. Пушкина, написанный блистательным языком, повесть Ф. Достоевского «Бедные люди» и др. Эпистолярная форма — редкое явление в литературе, в последнее время она почти вышла из употребления. К эпистолярной форме относятся послания и письма.

Эпитафия (от греч. ἐπιτάφιος — надгробный) — надгробная надпись, часто в стихотворной форме. Вот, например, латинская эпитафия, написанная Полицианом и вырезанная на плите над могилой знаменитого итальянского художника Филиппо Липпи:

Здесь я покоюсь, Филипп, живописец навеки бессмертный,
 Дивная прелесть моей кисти — у всех на устах.
 Душу умел я вдохнуть искусными пальцами в краски,
 Набожных души умел — голосом бога смутить.
 Даже природа сама, на мои заглядевшись создання,
 Принуждена меня звать мастером равным себе.
 В мраморном этом гробу меня успокоил Лаврентий
 Медичи, прежде чем я в низменный прах обращусь.
 (Пер. А. Блока)

Из русских поэтов эпитафии писали Симеон Полоцкий, И. Дмитриев, К. Батюшков, П. Вяземский, Ф. Глинка и др. Чаще в русской поэзии можно встретить эпиграмматические эпитафии в шуточной или сатирической форме, например:

Не нужны надписи для камня моего,
 Пишите просто здесь: он был, и нет его!
 (К. Батюшков)

Я пыль в глаза пускал:
 Теперь я пылью стал.
 (Н. Карамзин, «Надгробие шарлатана»)

С увесистой супружницей своей
 Он в бане парился и объедался сыто.
 О, сколько им обмануто людей,
 И сколько чаю перепито!
 (Н. Щербина, «Эпитафия русскому купцу»)

Склонясь у гробового входа,
 — О смерть! — воскликнула природа.—
 Когда удастся мне опять
 Такого олуха создать!
 (С. Маршак, из Р. Бернса)

Эпитет (греч. ἐπίθετον — приложение) — в собственном смысле, образная характеристика какого-либо лица, явления или предмета посредством выразительного метафорического прилагательного. Как художественную деталь эпитет нельзя смешивать с определительными прилагательными. Например, прилагательные «белый снег» или «мягкий снег» будут просто предметными и логическими определениями, но в выражениях «сахарный снег» или «лебяжий снег» прилагательные являются эпитетами, потому что они дают дополнительную, художественную характеристику в виде скрытого сравнения, которое легко угадывается: «снег белый, с блестящими крупинками, как сахар», «снег белый, мягкий и легкий, как лебяжий пух». Некоторые теоретики литературы неправильно придают эпитету расширительное значение стилистической фигуры, выражаемой разными частями речи, например глаголом. Между тем эпитет — это всегда метафорическое прилагательное, в котором заключен меткий признак сравнения. Само происхождение слова говорит о том, что эпитет как часть речи — это прилагательное, но не определительное, а художественное, образное. История эпитета и его роль в стилистике еще не разработана, если не считать небольшой фрагментарной работы А. Веселовского «Из истории эпитета», где автор пытается дать классификацию эпитеты, разделяя их на тавтологические (солнце красное, белый свет), пояснительные (столы белодубовые, ножки резвые, добрый конь), метафорические (черная тоска, мертвая тишина, седая земля) и синкретические, или т. н. «цветные» (пестрая тревога, розовый стыд, зеленый шум). Во всех его четырех рубриках имеется один общий признак, свойственный эпитету, это метафоричность. Наиболее устойчивым оказался термин «постоянный эпитет»; постоянные эпитеты характерны для народной поэзии (поле чистое, море синее, тучи черные, солнце красное) и для эпических поэм Гомера, являющихся результатом народного творчества (светлоокая Афина, розоперстая Эос, Одиссей хитроумный, громоносный Кронион и т. д.).

Примеры эпитетов у Пушкина:

Сияньем тощим фонаря
Глухие своды озаря,
Идут...
В тщеславном тлении кругом
Почиют непробудным сном
Высокородные бароны...
А ночью слушать буду я
Неяркий голос соловья...

Эпитеты у других поэтов:

Вдруг животрепетным сияньем
Коснувшись персей молодых,
Румяным, громким восклицаньем
Раскрыло шелк ресниц твоих.
(Ф. Тютчев)

И серебром облиты лунным,
Деревья мимо нас летят,
Под нами с грохотом чугунным
Мосты мгновенные гремят.
(А. Фет)

От весел к берегу кудрявый след бежал.
(Он же)

Я из твоих соблазнов затаю
Не влажный блеск малиновых улыбок, —
Страдания холодную змею.
(И. Анненский)

И на севрском фарфоре ржаные
Сухари и глазастый ландрин.
(С. Поделков)

Иногда роль эпитета играют эпитетные местоимения, выражающие превосходную степень какого-либо состояния:

Она Тарквинию с размаха
Дает пощечину, да, да!
Пощечину, да ведь какую!
(А. Пушкин, «Граф Нулин»)

Ведь были схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
(М. Лермонтов)

В непостижимом этом взоре
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина.
(Ф. Тютчев)

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
(А. Ахматова)

И такой на небе месяц,
Хоть иголки подбирай.
(М. Исаковский)

Электронная версия альманаха размещена по адресам:
www.zenon74.ru/projects; www.mv74.ru

Графоман № 4(36)/2018

Литературный альманах

Редактор *Н. И. Година*

Корректор *Е. С. Меньшенина*

Верстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 20.11.2018 г. Гарнитура «Constantia».

Бумага «Гознак». Печать офсетная.

Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 10,40.

Заказ № 353.

Тираж 110 экз.

Цена договорная.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в ООО «Фотохудожник»

454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1.